

Альберт Норден

Фальсификаторы

*И * Л*

*Издательство
и н о с т р а н н о й
литературы*

*

Albert Norden

FÄLSCHER

Zur Geschichte der
deutsch-sowjetischen Beziehungen

Zweite, durchgesehene Auflage

Dietz Verlag Berlin

1959

АЛЬБЕРТ НОРДЕН

ФАЛЬСИФИКАТОРЫ

*К истории
германо-советских отношений*

Перевод с немецкого

*Г. В. Кычаковой, А. И. Семеновой
и С. А. Халецкой*

Редактор Н. А. Захарченко

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, 1959

О Т И З Д А Т Е Л Ь С Т В А

Предлагаемая вниманию читателя книга «Фальсификаторы» является второй в серии задуманных известным немецким публицистом и историком, секретарем ЦК СЕПГ профессором Альбертом Норденом работ по истории германо-советских отношений. Она вышла в свет в Берлине в самом начале 1959 года первым, а несколько месяцев спустя — и вторым изданием, которое было просмотрено автором, внесшим некоторые уточнения и кое в чем дополнившим книгу самыми последними фактическими данными.

Книга посвящена характеристике германо-советских отношений 1925—1930 годов. Опираясь на богатый фактический материал, почерпнутый из различных архивных источников, автор вскрывает всю глубину лицемерия и враждебности правящих классов Веймарской республики по отношению к Советскому Союзу, всячески поощрявших — при внешней благочинности — прописки и махинации антисоветских элементов — от изгнанных из СССР белоэмигрантов до поднимавших голову нацистов, разоблачает предательскую по отношению к германскому рабочему классу и международному рабочему движению роль правого руководства СДПГ, которое предпочло борьбе с буржуазией коалицию и сотрудничество с ней, и, наконец, ярко и убедительно рисует глубокие корни дружбы между советским и немецким народами (обмен первыми рабочими делегациями в 1927 году, внушительные массовые манифестации в защиту Советского Союза и т. д.).

Не ограничиваясь прошлым, автор перебрасывает мостик и в современность: последняя глава книги посвящена разоблачению преступной деятельности фашистского отре-

бъя в Западной Германии и в частности в Западном Берлине — этом осином гнезде шпионских и прочих подрывных центров, изо всех сил пытающихся в угоду своим западногерманским и заокеанским хозяевам опорочить достижения лагеря социализма в целом и Германской Демократической Республики в особенности.

Исключительная важность и актуальность темы, а также счастливо сочетающиеся глубина научного анализа и яркая, острая публицистичность сообщают книге особую ценность, и она, несомненно, привлечет к себе внимание широких кругов советской общественности.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Международная политика в период, разделяющий первую и вторую мировые войны, развивалась в основном под знаком антагонизма между капитализмом и социализмом, под знаком борьбы, которая в области межгосударственных отношений находила отражение в нападках на Советский Союз, становившийся объектом всех новых атак и интриг империалистов, а в национальном масштабе велась между господствующими классами и рабочим движением каждой отдельной страны.

До 1917 года идеологи капитализма проповедовали, что капитализм является если и не самым лучшим, то, во всяком случае, единственным возможным общественным строем, который, может быть, нуждается лишь в некоторых улучшениях, и объявляли социализм простой фантастикой, распространяемой либо людьми, сознательно обманывающими народ, либо далекими от жизни мечтателями.

Когда в 1917 году социализму удалось сделать крупный шаг на пути к своему утверждению, когда он стал реальностью на одной шестой части земного шара и покончил с военной интервенцией, силами которой его пытались задушить в колыбели, империалисты увидели, что им необходимо пополнить свой арсенал. В период между двумя военными наступлениями — первым, которое потерпело крах, и вторым, о котором еще только мечтали, — начался этап подготовки. На этом этапе «большая ложь» стала постоянным оружием в борьбе против Советского Союза. Арсенал самых омерзительных измышлений казался неисчерпаемым. Сюда вошла и легкая кавалерия сравнительно мелких выдумок относительно мнимых неудач советской экономической политики, и тяжелые танки клеветы по поводу «социализации женщин», «порабощения и эксплуатации русских рабочих» или на излюбленную тему о «крысах, пожирающих тела заключенных — политических противников советского режима».

Одни измышления не помогали. Как часто раздавались пророчества относительно неизбежной гибели совет-

ской власти! Какая масса цифровых данных приводилась постоянно в течение многих лет, чтобы подтвердить ее неизжестспособность! Но советская власть продолжала существовать. Более того, она становилась все сильнее, она росла и преодолевала тяготы и разрушения, которые привнесли семь лет войны, сначала империалистической, а затем гражданской.

Солнце социалистической действительности не могло не разогнать темные тучи лжи, и все более широкие круги рабочих стали убеждаться в том, каково истинное положение. Оружие лжи все больше теряло свою остроту.

В этот период, наступивший в начале двадцатых годов, когда одной лжи уже не хватало, а вопрос о новой вооруженной интервенции еще нельзя было поставить в порядок дня, большую роль в обострении международных отношений сыграла фальсификация документов. Она представляла собой новый вариант кампании лжи.

В общественных кругах капиталистических стран вдруг начали циркулировать предписания и послания советских министерств и Коммунистического Интернационала, повелевавшие адресатам — как коммунистическим партиям, так и отдельным деятелям капиталистических стран — развертывать антиправительственную или другую противозаконную деятельность. Как правило, не нужно было обладать большой проницательностью, чтобы распознать в этих посланиях фальшивки. Однако кое-кто в капиталистическом мире жадно ухватился за них в уверенности, что найдено надежное средство для того, чтобы помешать установлению нормальных отношений с Советским Союзом и усилить преследование рабочего движения в собственной стране.

Классическим роковым примером явилось так называемое «письмо Коминтерна», которое английские консерваторы успешно использовали в 1924 году для развязывания антисоветской кампании; оно помогло им нанести поражение лейбористской партии на выборах 8 октября. Консервативное правительство, пришедшее к власти в значительной степени благодаря этой фальшивке, в течение длительного времени препятствовало вступлению в силу англо-советского торгового договора, заключенного до выборов.

Письмо, посланное якобы из Москвы и содержащее неуклюжие «революционные» директивы английским ком-

мунистам,' разумеется, никогда не было в Москве и вообще не было написано рукой коммуниста. Его состряпали в антисоветских кругах.

Разрешить полностью вопрос о том, кто же сфабриковал это «письмо Коминтерна», не удалось и по сей день. Отдельные белоэмигрантские группировки оспаривали друг у друга сомнительную честь считаться инициаторами этой затеи. Автор настоящих строк был свидетелем того, как в 1929 году царский прокурор Владимир Орлов хвастался перед одним немецким судом, что именно он был организатором этой мошеннической проделки, осуществленной в Берлине.

Именно на германской земле дело фальсификации антисоветских документов принесло свои особенно ядовитые плоды. Речь идет об одной очень мало известной главе в истории германо-советских отношений, освещение которой и составляет предмет предлагаемой вниманию читателя книги. Если соблюдать хронологический порядок, то казалось бы более целесообразным вслед за книгой «Между Берлином и Москвой», в которой рассматривается период с 1917 по 1921 год, издать труд, посвященный в первую очередь Рапалльскому договору. Однако как раз об этом периоде времени совсем недавно был написан целый ряд солидных работ различных авторов — от Вильгельма Пика и до молодых историков Германской Демократической Республики. Следовательно, с этим можно подождать.

Но о том, что происходило в период между 1925 и 1930 годами за официальным фасадом нормальных отношений между Герmaniей и Советским Союзом, о том, как вынашивались преступные антисоветские планы в искусственной атмосфере лицемерной внешней политики Штрэземана, нужно рассказать немедленно (тем более, что западно-германские историки всячески замалчивают эту тему, хотя и посвящают данному периоду немало публикаций). Ведь если двусмысленная внешняя политика Германии на том этапе существования Веймарской республики создавала возможности для черных дел антисоветских элементов, то тем самым она подготавливала почву для открытого курса гитлеровского фашизма на войну.

Но изучение этих событий приобретает исключительную актуальность еще и потому, что в области внешней политики Западной Германии в наши дни на каждом

шагу сталкиваешься с антисоветскими и антикоммунистическими фальшивками, подобными тем, которые волновали мир при жизни прошлого поколения. Тогда германские правительства, по крайней мере на словах, выступали за идею нейтралитета и публично отрекались от шайки фальсификаторов, услугами которых нередко пользовались. Сейчас боннские преемники Гитлера открыто обзывают себя врагами политики нейтралитета, *post mortem* обвиняют Ратенау и Вирта в том, что они якобы были «пособниками Москвы», и решительно и официально отклоняют всякую мысль о возрождении политики Рапалло. Аденауэр и его приверженцы амбициозно претендуют на то, чтобы идти в первой шеренге в битве против Советского Союза. На почве этой политики в Западной Германии и Западном Берлине распускаются пышным цветом антисоветские провокации и фальсификации, поощряемые, используемые и оплачиваемые правящими кругами империалистического западногерманского государства.

Те, кто создаст эти фальшивки, и те, кто их использует в своих интересах, не понимают духа нашего времени. Империалисты не могут быть дальновидными, но им не следует также и подражать тупости боннских аденауэров. Ослепленные яростью из-за поражения во второй мировой войне, последние утратили всякую способность правильно оценивать вещи. Они бросают вызов не только Советскому Союзу, который как в политическом, так и в военном отношении стал во много раз сильнее по сравнению с 1930 годом, но и целой большой группе союзных с ним социалистических государств.

Когда в 1814 году Наполеон I пал, Бурбоны вернулись во Францию и вели себя так, будто за четверть века до этого не произошло никакой революции. В результате они еще раз, и теперь уже навсегда, потеряли свой трон. Такая же судьба ждет западногерманских империалистов, которые, подобно Бурбонам, ничему не научились и ничего не забыли.

Осень 1958 года

АВТОР

Открытие

Почтовый служащий Запалов, работник телеграфа на маленькой станции Званка Мурманской железной дороги, крайне изумлен. Он держит в руках три червонца¹ и вместе с ними — правда, этого он пока еще не знает — нити международного заговора. Купюры новенькие и внешне выглядят, как обычно. Однако от внимательных глаз Запалова не ускользает то обстоятельство, что надписи и узор лицевой стороны проступают на оборотной стороне, не имеющей узора. И водяные знаки, пожалуй, кажутся необычно темными и имеют желтоватый оттенок. Словом, у Запалова возникают подозрения, и он сообщасти властям. Это происходит в начале осени 1928 года.

Делу дан ход. Происхождение червонцев установлено, и у отправителя находят около 3 тысяч таких фальшивых банкнот. Получил он их от своего шурина, бывшего царского офицера Федотова, которого часто навещал бывший ротмистр Шиллер. В ноябре 1928 года, когда этот последний был арестован в Ленинграде, картина стала проясняться.

Шиллер, выходец из весьма зажиточной литовской семьи, в 1922 году направился в Данциг и стал там правой рукой царского генерала фон Глазенапа. Вместе с этим организатором группы монархистов-эмигрантов, чрезвычайно деятельным заговорщиком против советской власти, Шиллер объехал многие европейские страны. Глазенап, принадлежавший к окружению претендента на русский трон великого князя Кирилла (чья дочь вышла замуж за принца Луи Фердинанда, главу дома Гогенцоллернов), часто вел в Берлине переговоры с представителями правых политических кругов Германии и неоднократно получал крупные денежные суммы от Черчилля, бывшего душой столь многих антисоветских интриг. Так Глазенап

---

¹ 1 червонец = 10 рублям = 21,60 рейхсмарки. В 1936 году червонцы были изъяты советским правительством из обращения.

№ 27

БАНКОВЫЙ БИЛЕТ

ЧЕРВОНЕЦ

СОСУДЫ ДЛЯ ПИЩЕВЫХ
ПРОДУКТОВ

Р

Для ЧЕРВОНЕЦ со счётом 3000 АО. ЧИСТОГО ЗОЛОТА
Банковский билет на 3000 золотых.

Банковский билет
на 3000 золотых.

Банковский билет
на 3000 золотых.

Банковский билет
на 3000 золотых.

Банковский билет
на 3000 золотых.

Банковский билет
на 3000 золотых.

Банковский билет
на 3000 золотых.

Банковский билет
на 3000 золотых.

Банковский билет
на 3000 золотых.

Банковский билет
на 3000 золотых.

Банковский билет
на 3000 золотых.

Банковский билет
на 3000 золотых.

Банковский билет
на 3000 золотых.

Банковский билет
на 3000 золотых.

Банковский билет
на 3000 золотых.

Банковский билет
на 3000 золотых.

Банковский билет
на 3000 золотых.

Банковский билет
на 3000 золотых.

Банковский билет
на 3000 золотых.

Банковский билет
на 3000 золотых.

Правление
Государственного Банка.

бухгалтер

Андрей Ильин

З. № 983853

З. № 983853

Андрей Ильин

З. № 983853

Один из многих. Этими фальшивыми червоцами фальшивомонетчики хотели нанести ущерб Советскому Союзу, а себе — обеспечить обогащение.

получил возможность, находясь в Данциге, широко раскинуть свою антисоветскую паутину шпионажа. Пауком в этой паутине был Шиллер.

В сентябре 1928 года он появился в Советском Союзе, собирал сведения о строительстве Красной Армии и Флота, разыскивал бывших офицеров, с которыми прежде служил, с целью создать кадровую контрреволюционную организацию и отлично кормился сам и кормил своих сообщников за счет нескольких тысяч фальшивых червонцев. Затем он вернулся в Германию, чтобы передать собранную информацию и получить от Глазенапа новые инструкции. Шесть недель спустя он опять был в Ленинграде; на этот раз у него в карманах лежало много тысяч фальшивых червонцев. Предполагалось распространить побольше фальшивых денег, чтобы одним ударом убить сразу двух зайцев: поддержать нелегальную контрреволюционную боевую группу и нанести ущерб валюте советской державы. Однако советские органы приняли меры и в ноябре 1928 года обезвредили Шиллера вместе с его группой офицеров.

Но кем и где изготавливались фальшивые деньги? Какие круги стояли за спиной заговорщиков? Каких размеров достиг заговор? Кто финансировал эту деятельность? К каким политическим, экономическим и военным кругам вели его нити? Кто руководил этим сражением против советской власти, в ходе которого международная реакция в результате ленинградского процесса по делу Шиллера и его сообщников утратила некоторые из своих передовых постов?

Для того чтобы получить ответ на все эти вопросы, необходимо перелистать в книге истории страницы предыдущих лет.

На пути к плану Дауэса и Локарто

1923 год ознаменовался бряцанием оружия. Воинщина французского империализма при поддержке своего бельгийского сателлита завладела промышленным сердцем Германии. Объединить в одних руках руду Лотарингии и коксующиеся угли Рура — это была давнишняя мечта столпов финансового капитала по обе стороны Рейна. Ведь тот, кому принадлежат большие запасы угля и руды, владеет железом и сталью. Тот, кому принадлежат железо и сталь, владеет прочной базой для создания мощной промышленности. Именно поэтому во время первой мировой войны германские империалисты провозгласили в качестве одной из своих главных военных целей присоединение к Германии расположенного на востоке Франции рудного бассейна Брис и Лонгви. Когда в 1918 году они были разбиты, Франция, бывшая тогда сильнейшей державой континента в военном отношении, стремилась путем аннексии Рура стать также и в экономическом отношении ведущей державой, монополистом тяжелой промышленности, политическим диктатором капиталистической Европы.

В январе 1923 года французские войска вступили в Дюссельдорф, Эссен и другие города угольного бассейна и противоречия между капиталистическими державами, приведшие к первой мировой войне и еще больше обострившиеся после подписания версальского диктата, вновь резко выступили наружу. Ценностями, вывезенными империалистами из Германии в качестве военных трофеев, достигали таких же гигантских размеров, как и бремя денежных контрибуций, тяжело давившее плечи немецкого народа, в то время как германские концерны, и прежде всего Стингнес, переживали новый головокружительный подъем. Когда Германия просрочила reparационные платежи, именно это бесстыдное обогащение хозяев германских концернов послужило французским империалистам желанным предлогом для того, чтобы заговорить о саботаже и злонамеренных действиях и оккупировать Рурскую область

якобы в качестве залога, а в действительности только для того, чтобы расположиться там, как дома, и заставить сердце германской экономики работать на Францию.

Одновременно с углублением противоречий с Францией война за Рур привела к неслыханному обострению классовых противоречий в самой Германии. Ибо вызванное отторжением Рура все более заметное уменьшение количества товаров порождало резкий рост цен. Немецкие миллионеры наносили хорошо рассчитанные удары в спину своей валюте, потерявшей устойчивость в результате войны и выплаты reparаций. Они получали крупные кредиты в марках и переводили их в иностранную валюту. Правительство пыталось возместить упавшую ценность марки увеличением количества денег в обращении, и станок, печатавший банкноты, работал день и ночь. В результате стоимость денег упала до минимума. Это был блестящий шанс для богатых, которые выплачивали полученные прежде кредиты обесцененными бумажными марками. Рабочий же зачастую спустя сутки после получения недельной заработной платы мог купить на нее только буханку хлеба. Немецкие капиталисты еще никогда не имели такой дешевой рабочей силы, как в 1922—1923 годах. В течение нескольких месяцев потеряли все свои сбережения также и средние слои.

В этот период еще раз после событий 1918—1920 годов в Германии возникла революционная ситуация, поставившая под угрозу существование капиталистической системы. Охваченные отчаянием массы искали выход из создавшегося положения, и авторитет Коммунистической партии Германии стремительно рос.

Свирепые методы, которыми осуществлялась вооруженная империалистическая интервенция против Германии, содействовали тому, что миллионы немцев в поисках внешнеполитической поддержки обратили свои взоры на Восток, в сторону Советской России. За год до этого она заключила в Рапалло договор с Германией, по которому советская держава отказывалась от получения всех reparаций, причитавшихся ей на основании Версальского договора. После того как в Рапалло был решен вопрос о взаимном дипломатическом признании, Германия, до тех пор игнорировавшая на международной арене, вновь стала существенным фактором в мировой политике. Теперь, в 1923 году, Советская Россия смело клеймила перед

мировой общественностью подлое нападение на Германию и прислала бастующим рабочим Рура немало железно-дорожных эшелонов с продовольствием. Связи между немецким и советским народами приобрели новое, еще более глубокое содержание. В трудный час обнаружилось, что у Германии есть бескорыстный друг.

По многим соображениям английские и американские империалисты не могли спокойно созерцать развитие событий в Центральной Европе. Во-первых, они — и особенно Англия — ни в коем случае не хотели допустить, чтобы их французский конкурент поднялся до положения сильнейшей в экономическом отношении державы Европы и чтобы германский рынок был потерян для Англии и США и перешел в руки Франции. Во-вторых, растущие революционные волнения в Германии вызывали величайшее беспокойство как в Лондоне, так и в Вашингтоне. Наконец, ведущие империалистические круги западных держав отдавали себе отчет в том, что о совместной антисоветской политике с германской буржуазией нечего было и думать, пока французские войска оставались в Рурской области. Имеется достаточно речей и заявлений, относящихся к тому времени, в которых государственные деятели Англии и США невольно выражают панический страх по поводу возможного поворота Германии на путь социализма. Нужно было помочь германскому правительству расправиться с рабочими и для этого освободить его от мертвот хватки французского милитаризма, чтобы в результате немецкий народ тем вернее ощущил на себе мертвую хватку американских финансовых воротил.

Действуя в соответствии с изречением, согласно которому там, где двое дерутся, третий радуется и получает выгоду, ведущие финансовые круги США разжигали вражду между Францией и Германией, а затем обрушились на Германию, ослабленную мировой войной и оккупацией Рура. Какие дерзкие и подлые планы вынашивал американский финансовый капитал, показывает доклад германского посла в Вашингтоне относительно «продолжительной беседы», которую он имел с Чарльзом Швабом. Это был один из сильнейших среди сильных в мире американского финансового капитала, глава второго по величине¹ амери-

¹ Самым крупным является «Юнайтед стейтс стил корпорейши», целиком подчиненный банку Моргана, в то время как в «Бетлихем стил», где влияние Моргана также очень велико, представлены ии-

канского стального треста «Бетлихем стил корпорейшн» и многих других предприятий.

Беседа за завтраком состоялась 29 января 1923 года, ровно через 18 дней после начала вторжения в Рур. Может быть, американский миллиардер был возмущен вступлением французских войск в Рур? Нимало! Он скорее прикидывал, какую прибыль можно будет выколотить из этой ситуации для себя. Посол д-р Видфельдт так сообщал об этом министерству иностранных дел 6 февраля:

«Он [Шваб. — A. H.] 10 февраля направляется в Европу, потому что он, по-видимому, считает, что владельцы рейнско-вестфальских предприятий железноделательной промышленности, на которых жмет французский штык, возможно, готовы подчиниться американскому влиянию. Он рассказал, что ему удалось в основном поставить под свой контроль американскую железноделательную и сталелитейную промышленность в районах к востоку от Питтсбурга. Он считает, что свое намерение скупить германские предприятия целиком он вряд ли сможет осуществить... Поэтому его цель заключается в том, чтобы приобрести большинство акций и занять председательское место в наблюдательном совете и тем самым обрести такое влияние, которое позволит ему по своему усмотрению руководить соответствующими предприятиями, расширять их, сокращать их деятельность и, боюсь, также и закрывать. Он рассказал, что беседовал с Гардингом, Юзом, Гувером и Меллоном¹.

Речь идет о президенте США и его виднейших министрах, которые явно не только были в курсе дела, но и участвовали в заговоре, имевшем целью овладение германской экономикой.

Отношение к этим планам со стороны германских промышленных королей лучше всего можно охарактеризовать, пожалуй, словами самого посла Видфельдта. Этот человек, имевший тогда очень большое влияние, еще в 1918 году руководил делом экономического ограбления Украины, в ходе которого было пролито так много крови и слез. Затем он занял ведущее место в дирекции концерна

тересы и других компаний, например Алюминиевого треста и Рокфеллера.

¹ Deutsches Zentralarchiv (DZA), Potsdam, Auswärtiges Amt, Abt. III, Beteiligung fremden Kapitals in Deutschland, Nr. 47204, Bl. 6.

Круппа, а в марте 1922 года направился в качестве посла в Вашингтон. В цитировавшемся выше докладе относительно переговоров с крупным промышленником Швабом Видфельдт писал далее:

«Разумеется, я ему сказал, что ни о продаже предприятий целиком, ни о продаже большинства акций рейнско-вестфальской железнодорожной промышленности не может быть и речи, однако я его не отговаривал от поездки в Германию. Ведь, поскольку французы, как я предполагаю, будут настаивать на своем участии в предприятиях, вероятно, было бы желательно иметь также и американские предложения. Политическая ценность для нас непосредственной заинтересованности крупных экономических сил этой страны в процветании германской экономики очевидна. В настоящее время, как уже сообщалось в предыдущих докладах, это удалось сделать только в области крупного судоходства»¹.

В области крупного судоходства рейхсканцлер Куно, занимавший пост генерального директора известного гамбургского пароходного общества ГАПАГ², согласился на довольно широкое участие американского капитала в деятельности компании. Ссылаясь на этот пример, Видфельдт высказался за участие американского капитала во всей германской промышленности. Разногласие заключалось лишь в том, что американские миллионеры охотно взяли бы большинство акций, а их германские партнеры готовы были отдать только меньшую долю. Интересным и характерным фактом остается то, что ведущие круги германского финансового капитала, к которым принадлежал и Видфельдт, уже тогда были готовы допустить проникновение американцев в экономику Германии.

Учитывая это принципиальное согласие господствующего слоя Германии, США и Англия усилили грубый национальный давление на Францию, причем Вашингтон еще крепче закрутил финансовые тиски, сковавшие Париж. Германское правительство со своей стороны прекратило с 23 сентября 1923 года провозглашенное в январе пассивное сопротивление французской оккупации и при шумном одоб-

¹ Ibid., Rückseite.

² HAPAG, Hamburg-Amerikanische Paketfahrt-A. G. — крупнейшая немецкая пароходная компания, основанная в 1847 году и обслуживающая трансатлантические линии между Гамбургом и американскими портами.— Прим. ред.

рении англо-американских финансовых тузов и подвластной им прессы бросило все силы на борьбу против собственного народа, в первую очередь против революционного движения германского рабочего класса, которое переживало мощный подъем. Рейхсвер вооруженной рукой разогнал правительства Саксонии и Тюрингии, состоявшие из социал-демократов и коммунистов. Коммунисты были вынуждены уйти в подполье, а тысячи из них были брошены в тюрьмы.

Приобретенное Соединенными Штатами Америки в результате первой мировой войны экономическое превосходство среди стран капиталистического лагеря стало теперь играть тем более важную роль, что Франция и Англия из кредиторов США превратились в их должников. Деньги решали вопрос о том, кто из империалистов займет наиболее прочные позиции в Германии. С какими конкретными представлениями подходили к вопросу о Германии американские крупные финансисты, показывает одно из сообщений буржуазно-либеральной берлинской газеты «Фоссише цайтунг», в котором говорилось, что «американские финансовые и промышленные круги без колебаний окажут содействие установлению порядка в Европе, если им предложат подходящие для них деловые условия. Но если Германия нуждается в американских деньгах, то она должна пойти на то, чтобы не только продать права на свои железные дороги или будущие налоговые поступления, но и пожертвовать известной долей того ценного товара, который деньги неизбежно приносят владеющему ими: долей власти»¹.

Американский капитал устремился в Европу, и прежде всего в Германию, с целью приобрести новые возможности для приложения своих сил. В начале 1924 года в Берлин прибыли уполномоченные американского правительства — крупные банкиры Даус и Оуэн Юнг (последний являлся председателем административного совета крупнейшего в мире электротехнического треста «Дженерал электрик»), а также директор «Мидлэнд бэнк» (банк, который входит в число наиболее значительных финансовых предприятий Англии). Они подготовили документ, вошедший в историю под названием плана Дауса. Уже 16 апреля 1924 года германское правительство дало на него свое

¹ «Фоссише цайтунг», 19 марта 1924 года.

согласие. Германия получила заем в сумме 800 миллионов долларов. За это США получили право контроля над германской экономикой. В рейхсбанке отныне наряду с другими иностранными капиталистами заседал американский комиссар, наделенный диктаторскими полномочиями. Иностранные представители стали принимать участие также и в надзоре за деятельностью имперских железных дорог. Для выплаты процентов по долларовому займу были введены новые налоги, которые тяжелым бременем легли на плечи народа.

Банкирский дом Моргана, с которым был связан Дауэс, каждую неделю отправлял морем в Германию (на много миллионов долларов) золото и снимал сливки с мероприятий, предусмотренных планом Дауэса. Кроме займа, предоставленного государству, иностранные займы под очень высокие проценты получили также многочисленные концерны. Залогом служили крупные пакеты акций. Именно тогда были заложены основы для проникновения иностранного капитала и американизации значительной части германской автомобильной, электро- и радиотехнической промышленности.

«Этого соглашения никогда бы не удалось достичь без решительного и грубого вмешательства международных финансовых кругов», — писал о плане Дауэса человек, которому были хорошо известны все обстоятельства. Этим человеком был не кто иной, как Ллойд Джордж, являвшийся в качестве премьер-министра Англии одним из авторов Версальского договора. А ведущий журнал американских предпринимателей «Айрон эйдж» спустя год после принятия плана Дауэса торжествующе заявлял:

«Тактические позиции Соединенных Штатов по отношению к Европе сильнее, чем 18 месяцев назад. Неизбежным следствием требований Дауэса для Германии будет: больше работы, более низкие ставки заработной платы, меньше продовольствия для немецкого народа»¹.

Действительно, план Дауэса превратил германский пролетариат в первый и непосредственный объект наступления капиталистических классов. На шее у него сидели собственные эксплуататоры и американцы, требовавшие процентов. Рабочим резко снижали заработную плату и удлиняли трудовой день; наряду с этим им угрожали так-

¹ «Айрон эйдж», 1925, стр. 1499.

же массовые увольнения, которые проводились под прикрытием изобретенного тогда словечка «рационализация».

Само собой разумеется, экономическая ориентация германской крупной буржуазии на Запад должна была повлечь за собой также и политические последствия. Выступая 3 октября 1924 года, английский премьер-министр Болдуин следующим образом охарактеризовал смысл и задачи плана Дауэса:

«Барьер для защиты западноевропейской цивилизации должен быть сделан крепким и прочным, чтобы он мог устоять против всяких разрушительных наступлений, идущих с Востока»¹.

Военно-политически новые экономические связи призван был оформить заключенный в октябре 1925 года Локарнский договор. Этим договором Антанта ослабляла тиски, в которые была зажата Германия Версалем. Был эвакуирован Кельн, смягчался оккупационный режим в Рейнской области и Сааре, отменялись ограничения в области воздухоплавания и т. д. Наряду с этим по Локарнскому договору США и Англия вынудили Германию окончательно отказаться от Эльзас-Лотарингии, аннексированной Бисмарком в 1871 году против воли населения (пятнадцать лет спустя германский империализм показал, что для него это обязательство было лишь клочком бумаги, который имел значение только до того момента, когда этот империализм достаточно окреп, чтобы разорвать Локарнский пакт), однако одновременно оставляли Германии свободу рук на Востоке. Для германских проповедников политики реванша была создана отдушина: если бы они захотели начать войну, им предоставлялась возможность наступать на Восток, в первую очередь — против Советского Союза.

Цели, которые преследовало английское правительство локарнскими соглашениями, а также оценка им Локарнского пакта были с предельной откровенностью изложены заместителем министра по делам колоний Ормсби-Гором вскоре после подписания локарнских документов:

«Солидарность стран христианской цивилизации необходима для того, чтобы отвратить самую мрачную угрозу, какая когда-либо возникла в истории Европы... Борьба в Локарно, как она мне представляется, велась вокруг

---

¹ Цит. по «Истории дипломатии», т. III, стр. 284.

вопроса: свяжет ли Германия свое будущее с судьбой великих западных держав, или она будет работать вместе с Россией над разрушением западной цивилизации... Локарно означает, что Германия оторвана от России и что ее вес брошен на западную чашу весов»¹.

Этот анализ был чрезвычайно точен, и те, кто стоял у власти в западных державах, не делали скрепа из своих намерений. Остин Чемберлен, английский министр иностранных дел, и Аристид Бриан, премьер-министр Франции, больше, чем кто-либо другой, старались ускорить подписание Локарнского пакта. Они заявили германскому министру иностранных дел Штрэземану, что, как он сам сообщил на заседании комиссии по иностранным делам рейхстага, «в финансовом отношении Россия не может жить без Европы и скоро «сильно подсшевеет»².

Эти надежды на банкротство советского государства, которому империалисты затем, как они полагали, смогли бы продиктовать свои условия, именно потому возродились с такой силой, что в Локарно Германия стала на сторону западных держав.

Германия по многим соображениям привлекала к себе внимание международной реакции. Она была той европейской великой державой, которая была ближе других к ненавистному для них советскому государству; она обладала военными традициями и большим резервуаром закаленных солдат и офицеров, имевших за плечами опыт походов в Россию; у нее была высокоразвитая экономика.

Государственные деятели западных держав отдавали себе отчет в том, что развитие событий в Европе в значительной степени зависело от решения Германии. Если бы Германия пошла по пути социализма, это фактически ис-

---

¹ «Таймс», 26 октября 1925 года.— Сын этого Ормсби-Гора, У. Дэвид Ормсби-Гор, в пятидесятые годы, занимая пост государственного министра в английском консервативном правительстве, продолжает поджигательскую политику своего отца и, подобно ему, поддерживает антисоветскую политику германских империалистов. Так, 22 января 1957 года, выступая в английской палате общин, он приветствовал назначение гитлеровского генерала Шпейделя на пост командующего сухопутными войсками НАТО в центральной зоне Европы, считая, что в данном случае был сделан «хороший выбор».

² Mecklenburgisches Landeshauptarchiv, Schwerin, Vertrag von Locarno, Bericht über die Sitzung des Auswärtigen Ausschusses des Reichstages vom 23. November 1925.

ключило бы всякую возможность войны Запада против Советского Союза, привело бы к повороту влево во Франции, в Италии и в Англии и реально приблизило бы возможность создания социалистической Европы.

Стремление предотвратить эту «опасность» и сделать Германию активной силой, направленной против Советского Союза, стало навязчивой идеей для многих ведущих политических деятелей западных держав, которые старались с помощью плана Дауэса и Локарнского пакта приковать Германию к колеснице Запада.

Позиция правящих классов Германии

Германская буржуазия двадцатых годов, вынужденная в результате поражения в мировой войне расстаться со всеми своими иллюзиями относительно возможности установления господства в Европе, руководствовалась в своей внешней политике весьма разноречивыми чувствами. Запад, с которым она была связана теснейшими классовыми узами, нанес Германии три сокрушительных удара: военное поражение 1918 года, версальский мир-диктат 1919 года и франко-бельгийское вторжение в Рурскую область в 1923 году. Восток, то есть Советский Союз, социалистический общественный строй которого был для германской буржуазии хуже чумы, оказал Германии единственную помощь: Советский Союз протестовал против версальского грабежа и, заключив Рапалльский договор, положил конец внешнеполитической изоляции рейха; открывалась реальная возможность организации плодотворного товарообмена с советской страной, выгодного для обеих сторон. Советский Союз был также единственной великой державой, открыто вставшей на сторону Германии во время французского вторжения в Рурскую область.

По какому же пути пошли в этих условиях правящие круги Германии? Некоторые группы германской буржуазии, несомненно, были тогда заинтересованы в нормальных отношениях между Германией и Советским Союзом. Справедливо полагая, что торговые сделки с Советским Союзом являются значительно более надежным делом, чем война, они выступали за установление упорядоченных взаимоотношений между Германией и великим социалистическим государством на Востоке.

Другая часть правящих кругов предприняла попытку сблизиться с западными державами, чтобы в совместной борьбе против Советского Союза похоронить внутриимпериалистические противоречия.

Именно события 1923 года показали, до какой степени национального предательства способна была дойти гер-

манская крупная буржуазия в своей политике, продиктованной погоней за прибылями. Вместо того чтобы приветствовать оказанную Советским Союзом политическую поддержку с тыла против французско-бельгийского вторжения в Рур и путем установления тесных связей с Москвой расстроить завоевательные планы западных империалистов, были предприняты прямо противоположные шаги. Пост министра иностранных дел в кабинете, который возглавлял рейхсканцлер Куно¹, занимал тогда (с конца 1922 и до падения Куно в августе 1923 года) д-р Ф. Г. фон Розенберг. Восьмого апреля 1923 года Розенберга посетил английский посол д'Абернон. Вот что он записал в своем дневнике 9 апреля:

«...Вчера я нашел Розенberга в хорошем настроении. Он явно совершенно доволен ходом событий...

В отношении России он занимает очень определенную и решительную позицию. Когда я ему сказал, что значительная часть общественности во Франции и в несколько меньшей степени в Англии верит в будущее сотрудничество между Германией и Россией, он вскричал, крайне возмущенный: «Как могут в Англии верить в подобную нелепость? Как можно подозревать, что подобную политику буду проводить я — человек, который четыре месяца боролся с этими ужасными людьми в Брест-Литовске, и Куно, который, будучи представителем деловых кругов, настроен столь решительно антикоммунистически? О тесной связи между нынешним правительством и Москвой не может быть и речи. Я охотно заявил бы об этом публично, но, если я это сделаю, мне придется добавить несколько дружелюбных слов в угоду известной части общественности, а я не хотел бы давать таких заверений»².

Здесь мы видим пример предельной деградации национального сознания. «Немецкий» министр иностранных дел заявляет западным империалистам, которые только что вторглись в экономический центр Германии и захватили его в свои руки: вы напали на нас, но не бойтесь, мы не

---

¹ Куно, поддерживавший широкие связи с американскими финансовыми кругами как генеральный директор пароходной компании ГАПАГ, позже принадлежал к окружению Гитлера. Об этом сообщает Эдгар фон Шмидт-Паули в своей книге «Hitlers Kampf um die Macht» (Berlin 1933, S. 99—100).

² Viscount D'Abegnon, Ein Botschafter der Zeitwende, Bd. II, Leipzig o. J., S. 224.

заключим союза с вашими социалистическими врагами, ведь мы тоже капиталисты, тоже ненавидим Советский Союз и потому не воспользуемся его политической помощью в своих интересах. (Кстати, позже этот самый Розенберг верно служил и Гитлеру в качестве посла.)

Кроме классовых мотивов, содействовавших сближению капиталистов как из лагеря победителей, так и из побежденных стран в их борьбе против первого в мире социалистического государства, движущей силой, обусловившей политическую настроенность против Востока, была острая потребность германского финансового капитала в займах для реконструкции и модернизации изношенного производственного оборудования.

Какую огромную роль сыграли именно эти кредиты при определении внешнеполитической позиции ведущих кругов германского финансового капитала в период, начавшийся принятием плана Даузса, показывает телеграмма, направленная крупным промышленником генеральным директором Гересом рейхсканцлеру Лютеру 22 октября 1925 года:

«Как член немецко-национальной народной партии, я обратился к графу Вестарпу, чтобы убедить его всеми силами содействовать заключению Локарнского договора. Промышленность западных районов не сможет в течение долгого времени содержать свои крупные предприятия, если не будут найдены пути для получения иностраных капиталов. А это возможно только в том случае, если мы будем действовать в духе Локарно»¹.

Отправитель этой телеграммы занимал посты председателя наблюдательного совета или председателя правления в 21 предприятии (шахты, металлургические, машиностроительные и автомобильные заводы) и участвовал в работе руководящих органов еще десяти крупных предприятий. Ведущие экономические круги германской буржуазии разделяли его мнение.

В течение 1926 года (года, последовавшего за подписанием Локарнского договора) Германия получила от США на 4,1 миллиарда марок долгосрочных и на 4 миллиарда марок краткосрочных займов.

¹ DZA, Potsdam, Reichsministerium des Innern, Allgemeine Angelegenheiten der inneren Politik vom März 1925 bis 31. Oktober 1925, Nr. 13196.

Когда в 1926 году военные приготовления Англии, направленные против Советского Союза, стали все более откровенными, одна из ведущих групп германского финансового капитала использовала это как предлог для того, чтобы выступить против укрепления экономических связей с Советским Союзом. В связи с переговорами, которые велись в 1926 году по вопросу о правительственные кредитах на сумму 300 миллионов марок для расширения германского экспорта в Советский Союз, представители упомянутой группы подчеркивали, что это связано с чрезчур большим риском: сможет ли Советский Союз вернуть эти деньги? Не приведет ли военное наступление с Запада, которого следует ожидать, к падению советской власти, в результате чего германский кредит будет потерян в двояком смысле: как в финансовом отношении, так и в политическом? Исходя из этих соображений, некоторые видные члены Имперского союза германской промышленности в меморандуме, направленном ими министерству иностранных дел и имперскому министерству экономики, предостерегали от предоставления кредитов Советскому Союзу, указывая, что «в случае, если в результате каких-нибудь политических событий в России ведущее положение нынешних правителей окажется ненадежным, весь карточный домик рухнет и нашему народному хозяйству будет нанесен не поддающийся учету ущерб»¹.

Член правления Дрезденского банка, представитель Имперского кредитного товарищества директор С. Ричер, занимавший посты в наблюдательных советах 18 предприятий, в письме министриальдиректору имперского министерства экономики д-ру Шефферу от 26 июня 1926 года также отказался от участия в финансовых мероприятиях в пользу Советского Союза. Ссылаясь на речь, которую произнес в палате общин Черчилль, этот заклятый враг большевиков, обрушивший на Советский Союз грубую брань, Ричер предсказывал скорое падение советской власти. Он подчеркнул, что верит в скорую гибель Советского Союза прежде всего потому, что в момент, когда разразится англо-советский военный конфликт, США поддержат Англию.

¹ DZA, Potsdam, Reichswirtschaftsministerium, Schreiben des Reichsverbandes der Deutschen Industrie an das Auswärtige Amt und an das Reichswirtschaftsministerium vom 1.Juni 1926 betreffs Zahlungsbedingungen gegenüber der Sowjetunion, Nr. 12660.

«...Я,— писал Ричер,— могу себе, например, очень хорошо представить, что английское правительство сочтет положение в России настолько непрочным, что решит использовать его для концентрированного экономического наступления с целью добиться падения неугодной для него системы. Но если это произойдет, то Англии наверняка не трудно будет привлечь к совместным действиям также и Америку в качестве союзника, тем более что в американских кругах крупных финансистов и промышленников царит недвусмысленное отвращение к русской системе. Устоит ли Россия перед этим резко отрицательным отношением к ней со стороны крупных финансовых держав Запада... — это довольно спорный вопрос...»

И он приходит к выводу:

«...так как нам — и особенно лично мне — известно, с каким упорством и настойчивостью осуществляет Англия принятые однажды решения с целью уничтожения своих противников, то, связывая себя с Россией серьезными финансовыми обязательствами, мы должны будем учитывать это обстоятельство»¹.

Представителям группы, стремившейся координировать экономическую политику Германии с политической и военной агрессией английского правительства, противостояла другая группировка в капиталистическом лагере Германии, которая в принципе была настроена не менее антисоветски, однако считала нежелательным участие в империалистическом военном заговоре Запада. Ее представители экономическими поставками в Советский Союз хотели сразу убить двух зайцев: с одной стороны, получить непосредственные прибыли, а с другой — использовать Советский Союз в качестве объекта экономической экспансии, рынка сбыта, места приложения капитала и источника сырья и таким образом поставить его в зависимость от германского империализма. Некоторые защитники этого курса аргументировали свою позицию тем, что можно будет поднять авторитет германского империализма в глазах западных держав и добиться от них более широких уступок, если проводить самостоятельный курс в отношении Советского Союза.

---

¹ DZA, Potsdam, Reichswirtschaftsministerium, Streng vertrauliches Schreiben Ritschers an Ministerialdirektor Dr. Schäffer vom 26. Juni 1926, Nr. 12660.

Однако наряду с такими соображениями существовали и весьма настоятельные текущие нужды, приведшие к предоставлению кредита в 300 миллионов марок. Еще до того, как было подписано соответствующее соглашение, отдельные владельцы предприятий и руководящие органы различных экономических объединений стали обращаться к правительству с просьбами включить их в число участников сделок с Россией. Проведенная на многих предприятиях с помощью иностранных и внутренних кредитов техническая рационализация как раз привела к значительному увеличению мощностей, которые, однако, зачастую использовались не полностью. Тем сильнее были заинтересованы эти предприятия и отрасли промышленности в размещении советских заказов. Так, промышленное объединение по производству железных и стальных изделий в Эльберфельде (Вупперталь) просило предоставить ему правительственные гарантии на сумму в пять миллионов марок для операций по «русской сделке». В запросе руководства этой отрасли металлообрабатывающей промышленности, помеченном 1 июня 1926 года, подчеркивалось:

«...ее положение тем временем стало настолько затруднительным, что должны быть обязательно предприняты какие-то шаги со стороны имперского правительства, чтобы эта отрасль промышленности не потерпела окончательного краха и чтобы безработица, которая уже царит в этой области, не приняла еще более широких размеров...»¹

Среди официальных документов можно найти сотни таких писем. Владельцы верфей, хозяева предприятий кожевенной промышленности, хозяева станкостроительных заводов — все они осаждали своими просьбами правительство, которое до конца 1927 года взяло на себя гарантии по экспортным поставкам 639 фирм в Советский Союз².

Следует попутно отметить, что сторонники разрыва с Советским Союзом постоянно предпринимали попытки поставить под сомнение кредитоспособность советского правительства и его готовность расплачиваться с долгами:

¹ DZA, Merseburg, Ministerium für Handel und Gewerbe, Ausfallgarantie bei Ausfuhrgeschäften nach Russland, Bd. 2, C, Bl. 252.

² DZA, Potsdam, Reichswirtschaftsministerium, Zahlungsverkehr mit Russland, Nr. 12661, Bl. 440 ff.

метод, который в то время, когда экономические связи между капиталистическими странами и Советским Союзом только начали налаживаться, к сожалению, не был абсолютно успешным. Однако практический опыт скоро положил конец подобным попыткам дискредитации и саботажа.

При том положении, которое создалось в середине и в начале второй половины двадцатых годов, большинство в правящих кругах Германии не могло и думать о непосредственном военном походе против Советского Союза и стремилось только к тому, чтобы более прочно поставить на ноги германский империализм. При этом совершенно отчетливо выявилось взаимодействие между экономикой и политикой, связь между займами, получаемыми от Запада, и враждебными выпадами против Востока; ведь фактически германские империалисты начиная с 1924 года расплачивались за обильно текущие в их карманы доллары тем, что все более резко выступали против Советского Союза.

С прибытием воротил англо-американского финансового мира в Берлин для переговоров о плане Дауэса прусская полиция в мае 1924 года в нарушение всех прав вторглась в помещение торгового представительства СССР на улице Унтер ден Линден в Берлине, которое пользовалось правами экстерриториальности, и взломала там столы и сейфы. Кому это было на руку, показала внесенная в рейхстаге 6 июня 1924 года интерpellация гитлеровской партии, в которой Людендорф, Фрик, Рем и Кубе горячо приветствовали эту полицейскую акцию. Германское правительство на несколько месяцев затянуло единственно возможное урегулирование инцидента — извинение за провокацию, — стремясь тем временем завершить дело с подписанием плана Дауэса.

Густав Штреземан, бывший синдик саксонского союза предпринимателей, во время первой мировой войны наиболее активный проповедник аннексионистских идей отечественной партии, в 1923 году в течение нескольких месяцев рейхсканцлер, а затем, до самой смерти, последовавшей в 1929 году, министр иностранных дел, направлял германский государственный корабль в западный фарватер. Выступая в 1922 году в рейхстаге, он заявил, что единственный выход из тогдашнего катастрофического положения Германии заключается в том, чтобы «объ-

единить силы промышленных и финансовых кругов мира, борющихся против большевизма», и приветствовал этот путь¹.

Параллельно с подписанием плана Дауса он организовал в конце 1924 года отставку статс-секретаря министерства иностранных дел фон Мальцана (который активно участвовал в подписании Рапалльского договора и потому слыл человеком, настроенным «чесчур прорусски») и заменил его начальником англо-американского отдела министерства иностранных дел фон Шубертом. Отец этого господина фон Шуберта был женат на дочери угольного и стального короля Саарской области Штумма, и резко выраженная западная ориентация его сына поклонилась на прочной материальной основе: саарские предприятия фирмы Штумма—Шуберта получали сырье и сбывали свои изделия во Франции, с которой Саарская область с 1919 по 1935 год была связана таможенным союзом. Мальцан был назначен послом в Вашингтоне. Письмо Штрэссмана от 7 апреля 1925 года, в котором он сообщает Мальцану о его назначении, содержит фразу, раскрывающую всю концепцию министра иностранных дел:

«...Я полагаю, что решение вопроса о будущем Европы в значительной степени будет находиться в руках Соединенных Штатов»².

Попытка приковать Германию к колеснице США не могла привести ни к чему хорошему. Причины, по которым Соединенные Штаты интересовались Германией и ее внутренним положением, носили совершенно иной характер, чем это можно было бы предположить, внимая громким фразам относительно демократии, которые после первой мировой войны Вильсон и его свита рассыпали так же щедро, как это делали при жизни следующего поколения Маршалл и Джон Фостер Даллес. Закоренелый милитарист, основатель рейхсвера генерал-полковник фон Сект писал в 1931 году:

«Америка, точно так же как и другие страны, рассматривает Германию только с точки зрения приобретения рынков для своих товаров и своего капитала; она бу-

¹ Verhandlungen des Reichstags, 1. Wahlperiode 1920, Stenographische Berichte, 274. Sitzung vom 25. November 1922, Bd. 357, S. 9158.

² Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte (Stuttgart), Januar 1955, S. 34.

дет интересоваться нами, как торговец интересуется своими клиентами и своими должниками»¹.

Все более отчетливая политическая ориентация Штреземана на США и Англию облегчила заключение договора, который был подписан в конце 1925 года и вошел в историю под названием Локарнского пакта. Сопротивление, которое еще оказывалось, американские государственные деятели и промышленно-финансовые магнаты сумели устраниТЬ с помощью реальной угрозы приостановить дальнейшие кредиты².

После того как Локарнский договор был подписан, министр иностранных дел Штреземан писал министру-консерватору Кейделю:

«Я считаю, что Локарно позволит нам сохранить Рейнскую область и даст возможность получить обратно германские земли на Востоке»³. (Курсив мой.— A. H.)

Так думал он, и так именно и ставился вопрос, причем, употребляя слово «германские», министр иностранных дел связывал с ним понятие пангерманизма. В одном «строго конфиденциальном» письме, адресованном германскому послу в Лондоне, в качестве первоочередных территориальных претензий Штреземан называет «Коридор, Данциг, Верхнюю Силезию и известные части Средней Силезии»⁴.

Штреземан, занимавший посты министра иностранных дел и председателя правой немецкой народной партии, находившейся под сильным влиянием промышленных кругов,

¹ Hans von Seecott, Wege deutscher Aussenpolitik, Leipzig, 1931, S. 14.

² Когда разногласия между Германией и Францией стали тормозить заключение договора, президент американского государственного банка Стронг заявил в Берлине, что он «готов предложить администрации своего бапка перевести часть денежных резервов в долгосрочные вложения в Германию. Однако он советует действовать так, чтобы в случае, если пакт потерпит неудачу, вина за это не могла бы быть возложена на Германию». Это высказывание было процитировано на совещании премьер-министров германских земель 25 сентября 1925 года Штреземаном. См. отчет посланника Тишбайна мекленбургскому правительству, хранящийся в Главном архиве земли Мекленбург (Mecklenburgisches Landeshauptarchiv, Schwerin, Gesandtschaft, Vertrag von Locarno, 1925—1926, Bl. 133).

³ Gustav Stresemann, Vermächtnis, Bd. II, Berlin 1933, S. 246.

⁴ Журнал «Хисторише цайтшифт», Мюнхен, апрель 1956 года, стр. 316.

не вел резко выраженной антисоветской политики войны. Для этого он был достаточно умен, а германский империализм — тогда еще недостаточно силен. Однако в своей внешней политике он никогда не мог преодолеть настроений пангерманизма, характерных для синдика на службе предпринимателей, которым он когда-то был. Правда, политика Рапалло показала, что дружба с Советским Союзом таит в себе большие выгоды для Германии, но для Штрэземана польза от связей Германии с советским Востоком заключалась главным образом в том, что они давали возможность шантажировать Запад и вынуждать его идти на более широкие уступки германскому империализму.

Имперский министр иностранных дел понимал, что вместе с Советским Союзом вести реваншистскую политику нельзя, потому что это было во все времена несовместимо с самим характером советского строя. В то же время германская крупная буржуазия была заинтересована в политике завоеваний. Тесные связи с Советским Союзом простили Штрэземану уже по одним только классовым соображениям (он письменно заклинал германского посла в Москве Брокдорфа-Ранцау никогда не забывать во время своих переговоров с советским правительством, что он граф!), но он был против них также и потому, что они связывали ему руки в деле организации шовинистических авантюри. Возможности для таких авантюри он видел только в союзе с Западом. Поэтому он держал курс на подрыв Рапалльского договора и в значительной степени лишил его силы, заключив Локарнский договор. Германские империалисты неотступно преследовали свою цель. Им хотелось поскорее вновь появиться на мировой арене в качестве завоевателей, и они считали, что смогут быстрее всего добиться осуществления этой цели путем сближения с западными соседями. Путем «маневрирования» (*«Finassieren»*)¹ между Востоком и Западом Штрэземан стремился (и он знал, что в этом его поддерживает не только немецкая народная партия, но и другие круги буржуазии) использовать серединное географическое положение Германии и таким образом сделать германский импера-

¹ В письме германскому экс-кронпринцу от 7 сентября 1925 года Штрэземан употребил это слово, ссылаясь на Меттерниха, обозначавшего им свою коварную политику лавирования между Францией и Россией, которую он вел в 1809 году.

лизм ведущей силой в Европе. Политика Штреземана в рамках Локарнского пакта и Лиги Наций, которую после 1930 года еще более энергично проводил Брюнинг, а затем Папен, содействовала подготовке позднейших захватов на Востоке и на Западе Европы. Она заключалась в том, что при закрытых дверях немецкие политики заявляли о своей принципиальной готовности выступить вместе с западными державами против Советского Союза, однако предпосылкой для этого должны были служить политические, территориальные и военные уступки западных держав в пользу Германии.

Немецко-национальная народная партия, занимавшая тогда ведущее положение среди правых партий, а также ее боевая организация — «Стальной шлем», игравший в двадцатых годах значительную роль, были, естественно, исполнены дикой ненависти к Советскому Союзу. Однако раны, нанесенные Версальским договором, и прежде всего предпринятым французами в 1923 году походом в Рур, были еще слишком свежи, а мелкобуржуазное среднее сословие, составлявшее большинство среди сторонников немецко-национальной народной партии, питало чувство озлобленности по отношению к Франции из-за политического унижения Германии и жаждало реванша, что, конечно, не слишком облегчало установление единого фронта Германии с Францией против Востока. Франция находилась в тесных союзнических отношениях с Польшей, а именно против Польши были направлены далеко идущие захватнические планы всей германской реакции, отнюдь сю не скрывавшиеся. Это также затрудняло осуществление совместной германо-французской политики, направленной своим острием против Востока. Кроме того, как в рядах немецко-национальной народной партии, так и в немецкой народной партии имелись силы, которые после горького опыта войны на два фронта в 1914—1918 годах вновь хотели вернуться к политике Бисмарка и не желали нового разрыва с Россией.

Мы совершили бы политическую ошибку, если бы не упомянули в этой связи о влиянии, которое оказывали на внешнеполитические события представители юнкерства. Несмотря на то, что буржуазия занимала господствующее положение, они играли в Веймарской республике роль, более важную, чем та, которая соответствовала бы их экономическому значению. В связи с поло-

винчатым характером Ноябрьской революции 1918 года и благодаря союзу социал-демократического руководства с реакцией помесщикам-аристократам удалось закрепить за собой и при республике кое-какие общественные и политические привилегии, которыми они пользовались в кайзеровской империи. Их сыновья задавали тон в министерстве иностранных дел и в офицерском корпусе рейхсвера. Многие крупные промышленники стремились придать своим фирмам больше блеска, привлекая к участию в их наблюдательных советах людей с громкими дворянскими фамилиями. Многие юнкеры еще больше укрепляли эти связи с кругами финансового капитала, выдавая своих дочерей замуж за членов банкирских семейств и за фабрикантов. В результате того что не было проведено никакой земельной реформы, в отдельных частях Германии, и особенно в окружающих имперскую столицу восточных провинциях, сохранилось экономическое и политическое господство юнкеров в деревне. Они создали свои влиятельные организации, такие, как Ландбунд (Земельный союз), в который в 1925 году входило не менее 13,6 процента депутатов рейхстага и 15,5 процента депутатов прусского ландтага. Большинство их состояло в немецко-национальной народной партии, полувоенная организация которой, «Стальной шлем», была настоящей лейбгвардии дворянства.

Помещичья аристократия стала важным фактором в деле подрыва германо-советских отношений. То, что она не симпатизировала Советскому Союзу в политическом отношении, было понятно; ведь в конце концов там были экспроприированы братья этих аристократов по классу, с которыми они нередко находились и в прямых родственных отношениях. Но они выступали против всякой нормализации даже и торговых отношений, руководствуясь грубыми соображениями наживы. Немецкое население думало о дешевом русском зерне и мясе, как о благословении божьем, а заэльбское юнкерство рассматривало их как смертельную опасность для установленной им монополии цен на сельскохозяйственные продукты. Когда в конце 1924 года советское правительство предложило импортировать в Германию зерно и другое продовольствие, крупные аграрии, опасаясь конкуренции, подняли шум и потребовали установления высоких ввозных пошлин на зерно и скот. В результате германская правительст-

ная делегация даже не высказалась по поводу советского предложения. Воздвигнутая по требованию юнкеров таможенная стена против Советского Союза затянула нормализацию германо-советских экономических отношений, развитие которых и в дальнейшем наталкивалось на препятствия, постоянно создававшиеся теми же кругами.

Организации, в которых юнкеры занимали влиятельные позиции, постоянно поднимали вой по поводу так называемого советского демпинга в области цен на зерно и древесину. Это была чистейшая выдумка. В меморандуме дюссельдорфской Торгово-промышленной палаты от 4 мая 1931 года недвусмысленно указывается, что «при вывозе зерна, который осуществляет русское правительство... демпинговый экспорт места не имеет; при продаже своего зерна русские неизменно ориентируются на положение на европейских зерновых рынках»¹. А Экономический союз германской лесной промышленности отмечал:

«Жалобы на русские демпинговые цены на круглый и пиленный лес так же мало обоснованы с деловой точки зрения, как и утверждения относительно большого объема русского экспорта древесины»².

Пирамида лжи относительно русских бросовых цен была сооружена для того, чтобы обеспечить юнкерам сверхприбыли, которые они получали благодаря монополии в деле образования цен на сельскохозяйственные продукты. Поэтому один из их политических агентов, депутат рейхстага и министр Шланге-Шёнинген (кстати, стоявший после второй мировой войны у колыбели западногерманского сепаратного государства), пророчествовал в 1931 году:

«...у нас не может быть никаких сомнений в том, что главный удар по нашей аграрной экономике будет нанесен с Востока, а именно — из России».

В этой же речи он говорил о том, что первый советский пятилетний план, возможно, «приведет нас к экономическому краху»³.

¹ DZA, Merseburg, Ministerium für Handel und Gewerbe, Anträge zum Handelsvertrag zwischen Deutschland und Russland von 1924—1931, Rep. 120 C, Bd. 35, Bl. 224.

² Ibid., Bl. 230.

³ Verhandlungen des Reichstags. V. Wahlperiode 1930, Stenographische Berichte, Sitzung vom 26. Februar 1931, Bd. 445, S. 1243/44.

Эти соображения экономического характера в значительной степени содействовали тому, что в политических заговорах против Советского Союза в период между двумя мировыми войнами фигурировало так непомерно много имен немецких и прибалтийских аристократов. Совершенно логично было также и то, что господа графы из Ландбунда оказали позже давление на своего собрата по сословию Гинденбурга, добиваясь передачи власти Гитлеру, который, как они надеялись, избавит их от конкуренции с Востока путем завоевания польских и советских зерновых районов.

Нацистская партия, это сорище деклассированных в результате войны и послевоенного кризиса элементов, получила в 1924 году от Гитлера следующую директиву по вопросам внешней политики, изложенную в его книге «Моя борьба»:

«И когда мы сегодня говорим в Европе о новых землях, мы думаем в первую очередь только о *России* и о подчиненных ей окраинных государствах... Гигантская империя на Востоке созрела для своего крушения».

Однако одновременно он требовал «рассчитаться с Францией, смертельным врагом нашего народа», и призывал к «уничтожению Франции, с тем чтобы после этого, наконец, предоставить нашему народу возможности для расширения территории в другом месте»¹.

Итак, разгромить Францию, чтобы затем повернуть против Востока, — такова была концепция нацистского крыла германского империализма, которую сначала открыто поддерживали не все круги, а только близко примыкавшие к Пангерманскому союзу², который объединял хозяев германской тяжелой промышленности, группировавшихся вокруг Кирдорфа и Тиссена; и эту концепцию, как известно, спустя полтора десятилетия после ее из-

---

¹ Adolf Hitler, *Mein Kampf*, München 1940, S. 742 — 743, 755 u. 766—767.

² Пангерманский союз, основанный в 1890-1891 годах, был весьма влиятельной пропагандистской организацией монополистического капитала и юнкеров, ставившей далеко идущие завоевательные цели, которые фактически должны были обеспечить мировое господство германских империалистов. Вместе с другими организациями такого рода он расчищал путь гитлеровскому фашизму.

ложении Гитлер осуществил на деле в ходе кровавой войны. Намеченная им очередность, конечно, не играла никакой роли в повседневной политике его партии. Уже в двадцатых годах мы видим крупных нацистов и их приспешников, эту ударную бригаду особенно оголтелой и разнозданной разновидности германского империализма, в рядах участников всех антисоветских заговоров, какие только тогда затевались.

До сих пор мы говорили о партиях реакции. На их стороне и в контакте с ними действовали экономические, политические и военные круги и отдельные лица, которые пропагандировали и активно выдвигали в качестве первоочередной цели германской политики немедленное заключение союза с западными державами для организации весеннего похода против Советского Союза. К их числу принадлежали хозяева калийной промышленности — Рехберг и Ростерг. В 1924—1925 годах они заключили с хозяевами французской калийной промышленности картельное соглашение, благодаря которому заняли господствующее положение на капиталистическом калийном рынке. В это состав они весьма охотно включили бы и Советский Союз, что принесло бы им мировую монополию. Арнольд Рехберг, который вместе со своим братом Фрицем приобрел большинство акций и стал хозяином крупного калийного концерна «Бурбах», с 1919 года курсировал между Германией и Францией, добиваясь заключения экономического и военного союза между этими государствами. В ходе бесчисленных переговоров с германскими и французскими политическими деятелями, в газетных статьях и брошюрах, в беседах, которые ему приходилось вести в светских салонах Берлина, Парижа, Лондона и Мадрида, он отстаивал необходимость безоговорочного отказа Германии от политики нейтралитета. Более того, Германия должна была, по его мнению, присоединиться к западным державам и немедленно стать на путь войны. Рехберг в розовых красках рисовал картину будущей войны:

«Красная армия абсолютно неподношена, победа Запада не подлежит никакому сомнению... Но западные державы могут одержать эту победу несравненно легче, если к их фронту присоединится Германия». Правда, Германии следует «требовать равных с Англией и Францией прав на участие в экономическом восстановлении [читай:

эксплуатации.— А. Н.] ссвобожденной от большевизма России»¹.

Какими же методами предполагалось осуществить эту военную прогулку? Нет ничего проще: Соединенные Штаты Америки дают деньги, Англия — флот, Франция — оружие, а Германия — пушечное мясо, солдат. Рехберг, который подумал решительно обо всем, заготовил даже план, по которому следовало поделить богатства земных недр и всю экономику Советского Союза равными частями среди капиталистов стран, организующих интервенцию.

Начиная с 1926 года, когда вслед за созданием германо-французского калийного концерна в единый картель объединились также владельцы чугунолитейных предприятий обеих стран, Рехберг стал постоянно напоминать о существовании «союза миллиардов», то есть германо-французских объединений металлургической и калийной промышленности, призываая сделать из этого политические и военные выводы². Капиталистическая Европа, сплоченная путем экономического картелирования, должна была обрушить свою военную мощь на Советский Союз.

Без Рехберга не обошлась ни одна антибольшевистская затея. В качестве бывшего ротмистра и адъютанта германского кронпринца он сохранил хорошие отношения с бывшим наследником престола, на которого во времена Веймарской республики монархистские круги возлагали все свои надежды. У самого наследника не было недостатка ни в политическом апломбe, ни в запасе свободного времени и сил, которые он растрачивал на бесчисленные любовные истории, заполняя скандальные хроники подробностями своей распутной жизни. Одетый в генеральскую форму, он принимал участие в важнейших церемониях, организуемых реакционерами, оказывал покровительство «Стальному шлему», а позже нацепил и ленту со свастикой.

Когда западногерманские историки традиционно объявляют Рехберга мелким «дипломатом-дилетантом», которого якобы не следует принимать всерьез, они искажают

¹ Статья Арнольда Рехберга в органе западногерманских угольных и стальных королей «Дейче бергверксцайтунг» (Дюссельдорф) от 24 ноября 1925 года.

² Статья Рехберга в газете «Дас цвёльф-ур-блatt» (Берлин) от 16 февраля 1927 года..

факты. Во-первых, как мы уже говорили, Рехберг был энергичным защитником интересов хозяев калийной промышленности. Во-вторых, по крайней мере с конца двадцатых годов он был очень тесно связан с правофланговым партии центра — фон Папеном, занимавшим позже посты рейхсканцлера и гитлеровского вице-канцлера. Оба они вместе обивали пороги в Париже, добиваясь создания германо-французской военной коалиции против Востока. Рехберг протянул свои нити также и к президенту рейхсбанка Шахту. Кроме того, он сумел, пустив в ход значительные денежные суммы, сделать орудием своей политики лидера фашистской массовой организации «Младодерманский орден» Артура Марауна, а вместе с ним — и всю эту организацию. В тесном союзе находился он также и с высокопоставленными военными, такими, как генерал фон дер Липпе, который в мае 1919 года, возглавляя 25-ю бригаду рейхсвера, потопил в крови восстание рабочих Штеттина, и прежде всего — с Максом Гофманом, начальником генерального штаба германской Восточной армии во время первой мировой войны.

В 1918 году Гофману посыпали проклятия миллионы русских и немецких рабочих. Именно он, бряцая оружием за столом переговоров, продиктовал в Брест-Литовске грабительский, насильственный мир. Даже и после того, как советское правительство приняло мирный договор, Гофман не перестал добиваться его свержения. Весной и летом 1918 года он требовал, чтобы войска на Западном фронте перешли к обороне, с тем чтобы «верховное командование сухопутных сил...» могло «направить в Москву и Петербург несколько дивизий и свергнуть большевиков»¹.

Под ударами американских, английских и французских войск и под напором немецких рабочих и солдат, все более активно выражавших свое нежелание продолжать войну, германский имперализм рухнул, а вместе с ним пал и его брест-литовский диктат. Однако Гофман сохранил верность своей концепции с тем упорством, которое нередко можно наблюдать у буржуазных профессиональных вояк и которое не считается ни с какими изменениями политической ситуации и ни с какими политико-экономическими факторами. Он был прототипом нынешних про-

¹ Arnold Rechberg, Die Ostfrage, Berlin 1920, S. 10.

поведников политики силы, которые считают, что нет никаких других импульсов,двигающих историю, кроме оружия. Ему плевать было на все моральные и правовые нормы; он признавал только *один-единственный* авторитет: оружие. Война против советского государства превратилась у него в навязчивую идею. Гофман надеялся, что в совместном крестовом походе против страны социализма можно будет разрешить все противоречия между Германией и западными державами. Он писал:

«Ни одна из европейских великих держав не смогла бы уступить другой державе право преимущественного влияния в будущей России. Поэтому решение задачи возможно только на базе объединения сил великих европейских государств, особенно Франции, Англии и Германии. Эти объединенные державы должны путем совместного военного вмешательства свергнуть советское правительство и экономически восстановить Россию в интересах английских, французских и германских экономических кругов. При этом было бы полезно финансовое и экономическое сотрудничество Соединенных Штатов Америки. Особые интересы Соединенных Штатов в русском экономическом районе должны быть обеспечены»¹.

Мы потому так подробно цитируем эти высказывания, что выраженные в них взгляды Гофмана, этого ярого проповедника политики войны, обладают устрашающим сходством с высказываниями и делами бесответственных кругов, находящихся, однако, у руля боннского государства. Правда, здесь есть различие, которое заключается в том, что в результате пропущенных за последние четыре десятилетия изменений в соотношении сил капиталистических держав «сотрудничество Соединенных Штатов Америки» превратилось в настоящее время в их «ведущую роль».

Рехберг, которого Гофман знал со времен первой мировой войны, организовал в 1919 году встречу германского генерала с победителем Германии, главнокомандующим вооруженными силами Антанты маршалом Фошем. Гофман изложил ему план совместной германо-французской военной интервенции против Советского Союза, в ходе которой Фош должен был занимать пост верховного глав-

¹ «Die Aufzeichnungen des Generalmajors Max Hoffmann», Berlin 1930, Bd. II, S. 366.

нокомандующего, а сам Гофман — пост начальника штаба. Был заключен настоящий союз между обоими военными деятелями, а также между теми кругами, которые их поддерживали, причем позже, когда обсуждались детали соглашения (в качестве инициатора здесь опять-таки выступил Рехберг), было определено и соотношение между силами французской и германской армии. Оно должно было составлять 5:3.

Двадцатого февраля 1923 года Гофман завтракал с лордом д'Аберноном, и лорд, который использовал свое положение английского посла в Берлине для того, чтобы энергично направлять корабль германской внешней политики западным курсом, набросал в своих мемуарах почти привлекательный облик этого солдафона. О его наружности д'Аберон писал, что Гофман похож на английского адмирала XVIII столетия. Английский консерватор, бывший сам закоренелым врагом Советского Союза, не смог полностью скрыть своего изумления, когда на вопрос о том, какую политику будет проводить Германия теперь, после французского вторжения в Рур, получил ответ: «Соглашение с Францией... и... покончить с Советами»¹.

Из сказанного видно, что антисоветская политика имеет своей предпосылкой потерю чувства национального достоинства, а следствием — ущемление национальных интересов Германии.

Мы отнюдь не намерены утверждать, что концепция Гофмана отражала мнение всего тогдашнего германского генералитета. Несмотря на то, что этот последний также питал свирепую ненависть к коммунизму, воспоминания о войне были еще слишком живы, германо-французские послевоенные трения слишком серьезны и надежды на более значительную самостоятельную роль германского империализма слишком сильны, чтобы командующий войсками рейхсвера фон Сект и вместе с ним влиятельные круги германской буржуазии захотели вести антисоветскую войну, участвуя в ней лишь в качестве младшего партнера французского империализма. Но прежде всего они учитывали настроения народных масс, которые, находясь под глубоким впечатлением солидарности совет-

¹ Viscount D'Abernon, Ein Botschafter der Zeitwende, Bd. II, S. 210—211.

ского правительства с Германией перед лицом возмущительных антигерманских выпадов французского империализма, отказывались идти за авантюристами типа Гофмана.

Однако было бы в высшей степени ошибочно делать из этого вывод, что генерал, покинувший в 1919 году военную службу, действовал теперь в полном одиночестве. В двадцатые годы крезов германской экономики можно было часто видеть в отеле «Адлон» сидящими за завтраком или за обедом вместе с этим человеком, который столь решительно ставил интересы капиталистического класса выше интересов нации. Он знал, что на его стороне стоит и довольно влиятельная группа представителей генералитета кайзеровской армии и рейхсвера, в которую входил, например, палач Финской советской республики, командующий войсками во время войны в Прибалтике¹ генерал фон дер Гольц, пожинавший во времена Веймарской республики политические лавры как председатель офицерской организации и прежде всего как президент Объединения отечественных союзов, этого штаба большинства вооруженных и невооруженных группировок реакции. Гофман поддерживал контакт также с упоминавшимся выше генералом фон дер Липпе и с командующим соединениями рейхсвера в Северной Баварии генералом Крессом фон Крессенштейном. В 1918 году Кресс командовал отрядом специального назначения, высадившимся в Батуме, чтобы по воле кайзера и верховного командования армии попытаться с помощью перебросок кавказской нефти влить новую жизнь в германскую военную экономику, которая все больше теряла силы.

Гофман был связан узами тесного сотрудничества еще с одним офицером, заслужившим значительно более широкую известность. Зловещая деятельность этого офицера приобрела символический характер. В ней отразилась как зверская жестокость реакции, так и трусливое бессилие Веймарской республики перед лицом ее собственных монгольщиков. Мы говорим о капитане третьего ранга Германе Эрхардте, который осуществлял фашизм на практике тогда, когда еще не существовало этого понятия. Находясь под верховным командованием социал-демократического министра Носке и получая от него деньги, Эр-

¹ Подробно о событиях в Прибалтике см. в книге А. Норден, Между Берлином и Москвой, М., 1956, стр. 253—328.—Прим. ред.

хардт с 300 офицеров сформировал зимой 1918—1919 года добровольческий корпус, который должен был компенсировать поражение Германии на фронте в войне против американцев, англичан и французов победами внутри страны над собственными соотечественниками — пролетариями. Когда в 1919 году в Берлине и в Западной Германии, в Мюнхене и в Брауншвейге была устроена резня рабочих — социалистов и коммунистов, их убийцы горячили:

Мы гордоносим свастику на каске
И черно-белло-красные повязки.
Мы Эрхардта бригада,
Штурмовиков отряды...

С этой воинственной песней на устах бригада, составившая военное ядро капповского путча, вошла 13 марта 1920 года в Берлин, а когда ее вынудили к отступлению из столицы, она организовала страшную кровавую баню. После подавления капповского путча Эрхардт основал организацию «Консул»¹. Неопровергнуто установлено, что в числе многих прочих террористических покушений и тайных убийств эта организация по приказу Эрхардта уничтожила в 1921 году представителя левого крыла католической партии имперского министра в отставке Эрцбергера, а в 1922 году — имперского министра иностранных дел демократа Ратенау. Во время подготовки к гитлеровскому путчу летом и осенью 1923 года отряды Эрхардта, содержание которых оплачивалось частично реакционным баварским правительством, частично крупными промышленниками, были сконцентрированы на границе между Северной Баварией и Тюрингией, чтобы по первому сигналу в качестве передовых ударных частей начать «поход на Берлин» и, действуя оттуда, установить фашистскую диктатуру во всей Германии. Преступник, которого разыскивали органы имперского правительства, не был обезврежен, хотя всему миру было известно, что он скрывался попеременно у герцога Саксен-Кобург-Готского и у княгини Маргариты фон Гогенлоэ-Эринген, на которой он позже женился.

Имя Эрхардта фигурирует почти во всех многочисленных заговорах, которые затевались с конца 1918 года про-

¹ Секретная организация «Консул» была названа так в связи с тем, что в 1920 году Эрхардт в течение некоторого времени жил под вымышленным именем консула Эйхмана.

тив Веймарской республики. Могущество этого заговорщика и его бандитов временами превышало влияние некоторых легальных партий¹.

Его внешнеполитическая концепция совпадала с концепциями Рехберга и Гофмана: военный альянс с Западом для разгрома Советского Союза. В одном низкопробном берлинском сженедельнике, финансировавшемся тогда Рехбергом, в конце 1931 года можно было прочитать:

«Сейчас в политических кругах говорят о возможности возвращения капитана Эрхардта к активной политической деятельности. Его неоднократные выступления на страницах большой прессы, например в парижской «Матэн» и в «Нейсс винер журналь», заставляют думать, что это предположение имеет под собой почву. И здесь капитан Эрхардт вновь выдвигает решение, *не допускающее никаких полумер*. Как яствует из его публичных выступлений, он поддерживает идею германо-французского соглашения в соответствии с известными предложениями Арнольда Рехберга, ибо без этого соглашения культурный мир проиграет неизбежную последнююхватку с большевизмом»².

Палач рабочих и организатор антисоветской войны — это две стороны одной и той же медали. Тот, кто ценой кровопролития и насилий подавляет сильнейший класс своего народа, испытывает панический страх перед государством, установившим господство трудовых и наиболее многочисленных классов — рабочих и крестьян. Политическое единство действий, связывавшее Эрхардта с Гофманом и Рехбергом, делает понятной его роль в антисоветском заговоре, о котором речь пойдет в следующих главах.

Шла ли речь о группировках германской крупной бур-

¹ Правда, он умел только стрелять в народ, но не умел влиять на него и завоевывать его на свою сторону, и этим объясняется тот факт, что его роль уменьшилась, когда финансовый капитал для установления своей открытой террористической диктатуры стал все острее нуждаться в фашистской массовой партии. Тут Эрхардт был мало компетентен. В соревновании многочисленных кандидатов на пост фашистского диктатора победу одержал Гитлер, потому что за миллионные суммы, которые дали ему миллионеры, он принес им миллионы голосов. Эрхардт закончил свою публичную политическую карьеру в качестве попутчика Гитлера и его диктатуры, в пользу которой он высказывался в своих выступлениях по радио в 1933 году.

² А. фон Кёрбер, К пятидесятилетию капитана Эрхардта, «Дас клейне журналь» от 4 декабря 1931 года.

жуазии, которым часто приходилось лавировать в области внешней политики, или о тех сплатах, которые в кулуарах и за кулисами германской истории лихорадочно ждали того дня, когда они смогут открыто появиться на сцене в роли участников крестового похода на Восток,— все они были империалистами и отличались друг от друга зачастую лишь своими методами.

Одни считали правильным прежде всего ослабить французский империализм, который благодаря своему союзу с Польшей охватывал Германию с Запада и с Востока. Другие реакционеры, не в силах сдержать свое истерпение, ратовали за скорейший крестовый поход против Советского Союза на стороне западных держав, надеясь, что в интересах этой войны западные державы вынуждены будут пойти на такие уступки Германии, которые позволяют ей позже разрешить также и «французский вопрос».

Как видим, речь шла в основном об очередности акций по темпах. При этом грань, разделявшая оба течения, часто стиралась. Откровенные проповедники антисоветской политики воины постоянно пользовались поддержкой со стороны официальных инстанций. Эти последние зачастую поручали им говорить и делать то, что представители официальной германской политики не могли ни говорить, ни делать по дипломатическим соображениям. Если правительственные инстанции по вполне понятным причинам только с осторожностью могли отражать во внешней политике свои антисоветские настроения, крайние реакционные круги, не связанные никакой официальной ответственностью и дипломатическим этикетом, вели себя иначе. Широкие масштабы их преступной антисоветской деятельности объясняются только тем, что зачастую они получали активную поддержку от высоких правительственный инстанций рейха, а также Пруссии, Баварии и других германских земель. С этими связями и сотрудничеством между правительственными кругами Веймарской республики и антисоветскими уголовными элементами мы еще столкнемся.

Однако заговор не был ограничен национальными германскими рамками и участием в нем только германских кругов. На деле он представлял собой акцию влиятельнейших кругов международной крупной буржуазии, охватывавшую весь мир и возглавлявшуюся английским нефтяным королем Детердингом,

Генри Детердинг появляется на сцене

Чем была нефть полтораста лет назад? Ничем!
Сто лет назад? Источником света.

Только в период зарождения империализма были открыты гигантские возможности нефти как горючего. В наш век она стала просто незаменима как горючее для транспортных средств на земле, в воздухе и под водой — для автомобилей, самолетов и военных судов, прежде всего подводных лодок. Во многих отраслях промышленности нефть играет решающую роль. На базе нефти возникла в самое последнее время так называемая химия нефти, которая производит многочисленные современные промышленные материалы и имеет большое значение в изготовлении предметов домашнего обихода, радиоаппаратуры и т. п.

Вместе с открытием бесценных качеств нефти изменились судьбы стран и народов. Страны, которые на протяжении всей своей истории были погружены в мирную дремоту, внезапно оказались в центре политических событий. Экспансия империалистических держав направлялась преимущественно туда, где земля таила в больших количествах этот важный для экономики продукт.

Почти невозможно учесть число государственных переворотов, тайно подготовленных в конторах финансистов США и Англии и осуществленных ими, для того чтобы передать нефтяные районы Центральной и Южной Америки, и прежде всего — Венесуэлы, в руки подставных лиц, которые, будучи послушными исполнителями приказов Вашингтона и Лондона, угнетают собственные народы, захватив над ними диктаторскую власть.

Если уже некоторые операции в ходе первой мировой войны были продиктованы стремлением завоевать нефтяные источники Ближнего Востока, то начиная с 1918 года история Среднего Востока стала историей непрерывной борьбы империалистов между собой и против народов этих областей за столь драгоценную жидкость. Исчезали с географической карты государства, воцарялись

и смещались династии, организовывались мятежи, подстрекались горные племена, то здесь, то там устраивалась резня. Каких только событий не было на протяжении хотя бы пятидесятих годов нашего столетия на территории от Египта до Ирана: ультиматумы империалистов, военные нападения, перевороты, инициаторы которых сидели в Вашингтоне и Лондоне, массовые казни патриотов — и все это для того, чтобы обеспечить господство иностранных нефтяных трестов! Реки крови были пролиты в нашем столетии для того, чтобы империалисты могли овладеть реками нефти.

Еще в конце прошлого века представители международного крупного капитала начали уделять большое внимание Кавказу. Используя в своих интересах отсталость царской России и слабость русской буржуазии, иностранный капитал пустил в этой стране прочные корни. Накануне первой мировой войны его предприятия в России оценивались в $2\frac{1}{4}$ миллиарда золотых рублей; более четверти миллиарда приходилось на нефтяную промышленность Кавказа, в которой иностранный капитал установил свое безраздельное господство.

Не будем описывать здесь ход сложной борьбы за обеспечение своих интересов между англичанами, французами, шведом Нобелем и другими. Как бы то ни было, к моменту, когда разразилась первая мировая война, английский нефтяной трест «Ройял датч шелл» контролировал добрую половину нефтяных месторождений Баку и Грозного и всю нефтяную промышленность районов Майкопа и Эмбы. Более двух третей иностранного капитала, вложенного в кавказскую нефтяную промышленность, то есть львиную долю его, составляли в 1914 году капиталовложения этого английского нефтяного треста.

Его генеральным директором и главным акционером с начала текущего столетия был голландец, натурализовавшийся позже в Англии, сэр Генри Детердинг, который охотно позволял называть себя «Наполеоном нефти». Талантливый организатор, снедаемый дьявольским честолюбием, он добился для своего треста нефтяной монополии по крайней мере на территории Старого света, что не помешало ему завязать жестокую и небезуспешную конкурентную войну также и в западном полушарии — со своим главным соперником, американским трестом «Стандарт ойл», стоящим под контролем Рокфеллера.

Вот некоторые цифры, которые наглядно показывают сохранившуюся еще и в наше время гигантскую мощь треста «Ройял датч шелл». В 1956 году его годовой сборот достигал 27,3 миллиарда марок, чистая прибыль составила 2 миллиарда и 110 миллионов марок, а дивиденды были выплачены в размере 25 (!) процентов. Принадлежащие ему 440 фирм, которые рассеяны по всем континентам и в которых занято не менее 250 тысяч человек, контролируют 11 процентов добычи нефти в странах за пределами социалистического лагеря. Фактически «Ройял датч шелл» является третьим по величине трестом капиталистического мира (его превосходят по размерам только «Дженерал моторс» и «Стандард ойл»).

Несмотря на то, что обретенное в ходе первой мировой войны и значительно возросшее после второй мировой войны превосходство американского империализма над другими крупными капиталистическими государствами оказалось свое влияние также и на положение в нефтяной промышленности в целом, серьзно укрепив позиции и усилив агрессивный дух американской «Стандард ойл» как первого по величине нефтяного треста мира, английская «Ройял датч шелл» все-таки остается большой силой. Для процесса вытеснения английского империализма с Ближнего и Среднего Востока силами его американских «союзников» симптоматично то, что «Ройял датч шелл» либо совсем утратила свои позиции в Иране, Ираке, Аравии и других местах, либо была вынуждена уступить значительные доли участия в нефтяных предприятиях своему конкуренту Рокфеллеру. Однако не следует забывать, что там, где дядя Сэм хотел бы стать полным хозяином — в Центральной и Южной Америке, — «Ройял датч шелл» все еще держит в своих руках значительную долю производства нефти: 10 процентов в Аргентине, 30 процентов в располагающей огромными запасами Венесуэле, почти 35 процентов в Колумбии и 25,6 процента на Тринидаде. Впрочем, считается, что американскому капиталу удалось после второй мировой войны завладеть значительным (хотя и составляющим меньшинство) количеством акций «Ройял датч шелл». Установлено, что одним из крупных акционеров английского нефтяного треста является Ватикан. Это один из многочисленных примеров слияния верхушки церковной иерархии с верхушкой международного финансового капитала.

В ходе первой мировой войны, которая велась за передел мира, германские империалисты и их турецкие союзники в начале 1918 года заняли Баку и Батум. Однако еще до того, как они смогли по-настоящему приняться за эксплуатацию кавказской нефти, исход войны был окончательно решен на полях сражений во Франции. Германский империализм был повержен в прах, Турция оказалась на грани распада. В ноябре 1918 года английские войска вошли в Баку. Месяц спустя Герберт Аллен, один из нефтепромышленников, принадлежавших к окружению Детердинга, с торжеством писал:

«При щедром финансировании и хорошей организации в условиях сохранения английского влияния нефтяная промышленность России сама по себе была бы ценным приобретением для нашей империи... Английскому правительству представляется блестящая возможность распространить свое решающее влияние на развертывание гигантского производства в Грозном, Баку и на закаспийских месторождениях»¹.

Само собой разумеется, в официальных выступлениях никто не позволял себе прибегать к столь откровенным выражениям. Официальные круги превозносили буржуазно-помещичьи меньшевистские правительства Азербайджана и Грузии, на помощь которым Англия якобы поспешила абсолютно бескорыстно, потому что они были «оплотом демократии против азиатского большевизма». При этом, правда, следует помнить, что эти правительства без зазрения совести распродавали землю, народ и богатства, находившиеся на этой земле и в ее недрах, то германским, то английским империалистам, которые позже раскрыли свои отнюдь не идеалистические намерения, когда в официозе английского империализма признали: «Мы шли туда, чтобы попытаться завладеть бакинскими нефтяными месторождениями»² — и, могла бы добавить «Таймс», произвести там максимальные разрушения, когда нас вынудили оттуда уйти. Действительно, при своем отступлении из Закавказья английские войска уничтожили нефтеочистительные заводы и нефтепроводы Баку и Батуми,

¹ «Файнэншл ньюс» (Лондон) от 24 декабря 1918 года; цитируется по книге Луиса Фишера «Нефтяной империализм» (L o i s F i s c h e r, Ölperialismus, Berlin 1927).

² «Таймс», 10 июля 1922 года.

Всеху справа: сэр Генри Детердинг в английской придворной форме.
Внизу: нацистский гаулейтер Гильдебрандт у могилы нефтяного короля.

а также все нефтедобывающие установки, к которым смогли проникнуть. Они даже произвели заливку буровых скважин бетоном, чтобы помешать возобновлению добычи и причинить экономические трудности населению.

В результате восстания народов Азербайджана и Грузии, поддержанного Красной Армией, Баку, Тифлис и Батум были освобождены, а вся нефтяная промышленность национализирована. Кавказ перестал служить военным плацдармом и объектом эксплуатации для иностранных империалистов, которые, однако, не прекратили своей подрывной деятельности, пытаясь повернуть вспять колеса истории.

Центральной фигурой в заговоре, имевшем целью вернуть Кавказ в сферу господства иностранного нефтяного капитала, стал Детердинг. Твердо убежденный в скорой ликвидации Советской власти, он скучил у бежавших в 1920 году в Париж крупных русских владельцев кавказских нефтяных ценностей — Лянозова и Манташева их акции; кроме того, за 260 тысяч фунтов стерлингов он приобрел также Никопольский и Мариупольский трубопрокатные заводы, мощные предприятия, работавшие почти целиком на нужды нефтяной промышленности.

Утверждая, что с юридической точки зрения 60 процентов кавказских нефтяных месторождений являются его собственностью, Детердинг начал действовать, пытаясь вернуть себе потерянный нефтяной рай. Молодая советская держава, которая тогда еще нуждалась в иностранных капиталах и иностранном производственном опыте, была готова предоставить концессии, но не на кабальных условиях. А Детердинг хотел быть хозяином.

Если борьба «Роял датч шелл» с ее капиталистическими конкурентами велась с переменным успехом, то в войне не на жизнь, а на смерть, которую этот трест, не щадя сил и средств, вел против Советского Союза, не было, как при столкновениях со «Стандарт ойл», соглашений, компромиссов, перемирий и уступок. Ведь «Роял датч шелл», пуская в ход политические, экономические, финансовые и военные средства, хотела получить все. Но она не получила ничего. В конце концов перед миром предстали победитель и побежденный. Победителем был Советский Союз, побежденным — «Роял датч шелл» вместе со всеми своими политическими союзниками в Европе и в остальном западном мире.

В 1920 году в Сан-Ремо, в 1922 году в Генуе позже в Гааге западные нефтяные державы пытались договориться о единой линии в отношении Советского Союза. Однако их недоверие друг к другу, а также стремление каждого отдельного нефтяного треста захватить в ущерб другим главную долю в использовании русской нефти привели к тому, что упомянутые конференции не дали никаких результатов. Тогда Детердинг основал в 1922 году «Международную группу нефтяных обществ в России», которая должна была объединить всех бывших владельцев русской нефти вокруг следующей программы: безоговорочный возврат советских нефтяных месторождений их владельцам за границей; переговоры с советскими представителями будут вестись только сообща; ни один из прежних акционеров не должен посягать на права других.

На бумаге это выглядело значительно привлекательнее, чем в действительности, ибо каждый из нефтяных трестов, невзирая на тирады, произносимые на конференциях, стремился за спиной других участников установить контакт с Советским Союзом, чтобы тайком закупить предназначенную для экспорта кавказскую нефть, которая славилась своими превосходными качествами и устойчивостью к холоду и к тому же обходилась сравнительно дешево, и затем заработать на ней. Эти столкновения интересов нефтяных магнатов привели к тому, что с таким трудом сколоченный единый фронт нефтяных держав в январе 1924 года, не просуществовав и полутора лет, потерпел полное крушение.

В войне цен, которую отныне начал Детердинг, стремясь побить советскую нефть более дешевыми ценами и тем самым вытеснить ее с мировых рынков, он также потерпел решительное поражение.

Детердинг на этом не успокоился. Он в еще большей степени перенес свою деятельность в область политики. Затратив колоссальные суммы, он развернул кампанию против закупок «stolen oil»¹. Огромные плакаты на стенах домов в Англии призывали: «Не покупайте русскую нефть! Русская нефть — краденная нефть!» Экспроприация акционеров, никак не связанных с производством и сидевших далеко за границей, народом, у которого прежде похитили эту самую нефть, была объявлена кра-

¹ «Краденная нефть» (англ.).

Dr. H. W. A. DETERING,
H. C. C.

BITTERBUCH DORF
H. ZEICHEN 4.000 L.M.
Pragowstrasse - Berlin Westerholt.

June 20th 1938.

Hermann J. Abe, Esq.,
Berlin, W. 8
Französische Strasse 32.

My dear Mr. Abe:

I have just read that Mr. Funk proposes to
reduce the interest on Dawes Young loans and I am afraid

that the interest is

necessary.

Germany

proposal.

is not a j

creation of

France but

land (3 to

5% to

жей. Таковы нелепые и превратные представления финансового капитала о морали и правах! Сотни газет подкупили английский нефтяной трест для того, чтобы они отстаивали этот тезис. Поток брошюр и статей Детердинга обрушился на головы англичан. Во Франции и в США Детердинг также пытался вызвать бурю возмущения по поводу «краденой нефти».

Возмущенные вопли Детердинга по адресу Советского Союза были вызваны, конечно, не моральными, а сугубо материальными соображениями. Его антисоветизм не помешал ему закупить в период с 1921 по 1925 год сотни тысяч тонн бакинской нефти и обратиться к советскому правительству с просьбой о предоставлении концессии в кавказских нефтяных районах, причем он выдвинул наглые условия. Когда они были отклонены, в душе сэра Генри Детердинга вдруг пробудился голос совести, повелевший ему вести агитацию против закупок «краденой нефти» — той самой, которую он в минуты слабости, находясь во власти неуемной алчности, закупал в огромных количествах.

Каким громадным политическим влиянием пользовался Детердинг в Англии, показывает тот факт, что в 1922 году он нанял в качестве своего «политического советника» руководителя английской службы военного шпионажа генерал-лейтенанта сэра Джорджа Макдонохью. Само собой разумеется, такой шаг не мог быть предпринят без согласия английского правительства, которое в лице Макдонохью направляло к Детердингу в качестве политического комиссара и оперативного руководителя его походов против Советского Союза своего наиболее надежного знатока международного мира политических заговорщиков. Какую солидную роль играл Макдонохью, стало ясно в 1933 году, когда английские финансовые воротилы избрали его председателем союза британских промышленников.

По воле ли случая или в результате ловкости Макдонохью — так или иначе, связи Детердинга с белогвардейскими кругами Западной Европы стали очень тесными, когда в 1924 году он познакомился в Париже с дочерью царского генерала Павла Кудоярова и в том же году на ней женился. Известная своими ультрапрекционными взглядами и планами, она стала чрезвычайно активной помощницей Детердинга. Десятки тысяч фунтов стерлингов вло-

жил он в русских студентов-белогвардейцев, для того чтобы они могли подготовиться к выполнению роли политических, военных и хозяйственных руководителей в «освобожденной России». При этом Детердинг, как деловой человек, рассчитывал на благодарность этих русских студентов, когда они возглавят желанную для его сердца капиталистическую Россию. Он часто появлялся в их обществе, сопровождаемый своей женой Лидией Павловной, а также посещал собрания белогвардейских офицерских союзов, где каждый раз выступал с речами, которые неизменно заканчивались пророчествами относительно предстоящего в самое ближайшее время падения советской власти. Леди Детердинг за свои антисоветские манипуляции была удостоена княжеского титула. Претендент на русский трон Кирилл опубликовал в парижской «Фигаро» 8 июля 1936 года сообщение о том, что он, как «глава русского императорского дома», присваивает ей этот титул в признание ценных услуг, которые она оказала делу русских в эмиграции.

После того как правительство Германии, подписав план Дауэса и Локарнский пакт, недвусмысленно присоединилось к Западу, взоры Детердинга и других поклонников идеи антисоветской военной интервенции стали все больше обращаться к рейху, который так близко прилегал к границам Советского Союза и располагал достаточно многочисленными ордами контрреволюционеров, прямо-таки помешанных на ненависти к большевизму. Детердинг знал их, и они знали его. Узы, соединявшие его с германской реакцией, были завязаны десятки лет тому назад.

В своем труде «Империализм, как высшая стадия капитализма» Ленин рассказывает о борьбе, которая велась в начале нашего столетия между Немецким банком и трестом Рокфеллера за румынскую нефть и закончилась в 1907 году поражением Немецкого банка. Упомянутый Лениным в этой связи «частный секретарь Штаус» тридцать лет спустя, будучи директором Немецкого банка, произнес надгробную речь на могиле Детердинга. Этот самый господин фон Штаус, ставший тем временем главой крупнейшего банка Германии, одним из первых содержателей и пособников нацистов, прусским государственным советником и одной из ведущих фигур германского империализма, сказал в своей речи:

«Несколько лет спустя после того, как он [Детердинг.— А. Н.] прибыл в Лондон, наши пути встретились, и, несмотря на то, что мне, как руководителю отдела нефтяных предприятий Немецкого банка, приходилось отстаивать только немецкие интересы, я постоянно ощущал, как чудесно было сотрудничество с этим большим человеком»¹.

Вот как давно перешел на сторону германского финансового капитала Детердинг, перманентно находившийся в состоянии войны со своим главным конкурентом — Рокфеллером. В своей надгробной речи Штаус недвусмысленно подчеркнул «узы дружбы, которые в течение более трех десятилетий связывали меня с сэром Генри Детердингом; в эти долгие годы я всегда был его попутчиком и, наконец, стал его соседом на этой прекрасной мекленбургской земле»².

Здесь мы имеем авторитетное подтверждение многолетних политico-экономических связей германского финансового капитала с Детердингом и его нефтяным трестом. Действительно, еще в марте 1914 года Детердинг и директор Немецкого банка Карл Бергман вместе с представителями английского и германского (фон Кюльман) правительства подписали соглашение, по которому нефтяные месторождения Ирака и других областей тогдашней гигантской турецкой империи были поделены между английским и германским финансовым капиталом. Правда, после этого началась мировая война, и соглашение осталось на бумаге.

Из дальнейшего содержания речи Штауса вытекает, что вскоре после первой мировой войны Детердинг «вновь прибыл в Германию... вызывая мое восхищение и восхищение всех своих друзей... как один из передовых борцов против мирового большевизма»³.

В каком году это произошло, мы не знаем. Однако тот же самый журнал, который напечатал надгробную речь Штауса, информировал общественность о другом злодея-

¹ «Мекленбургише монатсхефте» (Шверин), 1939, стр. 196.

² Там же, стр. 198. Детердинг, который позже приобрел в Мекленбурге большое поместье, был частым гостем в мекленбургском имении Бург Шлиц, принадлежавшем Штаусу; этот последний начинал свои письма к магнату нефтяной промышленности словами «Дорогой Детердинг» и заканчивал их — «Ваш старый друг».

³ Там же.

нии Детердинга, которое, конечно, и было целью его поездки в Германию после первой мировой войны: «Когда в 1919—1920 годах германские добровольческие корпуса боролись на Востоке против большевизма, чтобы создать предпосылки для позднейшей колонизации Востока, я впервые услышал имя Детердинга... Именно он... оказал энергичную финансовую поддержку нашим добровольческим корпусам»¹.

Таким образом, поход в Прибалтику, организованный германской реакцией с целью возместить себе в Литве, Латвии и Эстонии ущерб в результате поражения в первой мировой войне и создать там трамплин для «операции Москва», получил «энергичную финансовую поддержку» со стороны Детердинга, а мы знаем, что энергии у него было много.

И если мы здесь, а также в ходе нашего дальнейшего изложения уделяем английскому нефтяному королю так много внимания, то это объясняется тем, что Детердинг, как ведущая фигура антисоветских военных заговоров в период между обеими мировыми войнами, оказывал большое влияние на политику германской реакции и серьезно содействовал укреплению гитлеровской партии и диктатуры Гитлера, с которым он заключил самый настоящий союз.

---

¹ Д-р Блауэрт в «Мекленбургише монатсхефте», 1939, стр. 182.

Неблагородный заговор Нобеля¹

Осенью 1924 года, когда был принят план Дауэса и в Германию прибыл некий граф Куденгове-Калерги, чтобы ковать паневропейский союз господствующих классов против социалистического Востока, антисоветские дела привели в Мюнхен и другого путешественника, старавшегося не привлечь к себе ничьего внимания. Это был Эмануэль Нобель, племянник и один из наследников известного шведского военного промышленника и учредителя Нобелевской премии Альфреда Нобеля. Последний еще при царизме вместе со своими братьями Людвигом и Робертом вложил капиталы в различные русские предприятия, главным образом в нефтяные, и был-solidным пайщиком бакинских нефтяных промыслов².

По данным буржуазных источников, Нобелям (а после их смерти сыну Людвигу Эмануэлю), чей пай в русской нефтяной промышленности составлял около 40 миллионов рублей, принадлежало примерно 20 процентов иностранных капиталовложений в этих предприятиях³.

После установления советской власти Эмануэль Нобель инспирировал целый ряд военных заговоров, нити которых вели в Париж. Нобель входил в правление так называемого торгово-промышленного комитета («Торгпром») — обосновавшейся в Париже организации русских банкиров, фабрикантов и крупных торговцев, которые не останавливались ни перед чем, лишь бы возвратить себе свои миллионы. В своей автобиографии пресловутый английский шпион Локкарт, воздавая высокую похвалу Нобелю, пишет:

«Нобель был одним из немногих людей, распознавших в большевизме мировую угрозу. Как и все иностранцы,

¹ В оригинале непереводимая игра слов: Nobels unnobler Komplott. — *Прим. перев.*

² H. Schück und R. Sohlmann, Nobel, Leipzig 1928, S. 39.

³ Wilhelm Mautner in: Osteuropa (Berlin—Königsberg), 1926—1927, S. 247.

имевшее собственность в России, он поддерживал идею объединенной интервенции союзников и немцев против большевиков»¹.

И вот 12 ноября 1924 года этот миллионер дал знать о своем приследе в Мюнхен следующей телеграммой:

«Прибугу субботу вечером — Ожидаю Вас воскресенье 10 часов отеле Регина — Останусь до вечера понедельника — Нобель»².

Кто был этот «Вы», с которым Нобель встретился в Мюнхене? Эмигрировавший грузинский банкир и буржуазный политический деятель Шалва Карумидзе, который еще в первую мировую войну получал от начальника генерального штаба германской Восточной армии Макса Гофмана шпионские и диверсионные задания и выполнял их в Грузии. О характере этих заданий можно судить по следующим фактам. В 1916 году грузинские правые круги установили контакт с германским правительством и верховным командованием германской армии, чтобы при военном содействии Германии оторвать Грузию от Российской империи и создать «самостоятельную» Грузию под германским «протекторатом». Соответствующие переговоры с представителями верховного командования германской армии состоялись в 1916 году в Германии и в Стокгольме. Немцы поручили грузинским реакционерам поднять в Грузии восстание против России. «С помощью оружия, присланного из Германии, это восстание должно было сковать русские военные силы на Кавказе и таким образом облегчить положение немецких войск на Восточном фронте...»³ Во всех этих переговорах Карумидзе принимал активное участие. После переговоров его сразу же доставили обратно в Грузию на германской подводной лодке, и там он занялся приемкой оружия, которое тоже «присыпали Черным морем на подводных лодках, чтобы снабдить им участников восстания...»⁴

Когда русские рабочие и крестьяне в октябре 1917 года свергли самодержавие, Карумидзе и его сторонники, борясь против социалистических сил в Грузии, пустили в ход оружие, полученное от германских империалистов.

¹ R. H. Bryce Lockhart, Memoirs of a British Agent, London 1946, p. 215.

² «Фоссише цайтунг», 5 января 1930 года.

³ DZA, Potsdam, Reichsgericht, Nr. 3383, Bl. 449. Rückseite.

⁴ Ibid., Bl. 450.

Какую роль играл при этом Каумидзе, стало ясно позднее, во время имевшего место в Берлине судебного процесса, на котором Каумидзе и немецкие фашисты обвинялись в совместной подделке советских червонцев. В решении разбирающего это дело немецкого суда от 5 марта 1930 года говорится:

«...В 1917 году следствием революции в России был отвод русских войск из Грузии. С помощью германского оружия Каумидзе организовал добровольческий корпус и поддерживал в стране порядок (! — A. H.), пока... в 1918 году в Грузию не вступили немецкие войска под командованием генерала Кресса фон Крессенштейна и не обеспечили необходимый Германии для ведения войны вывоз сырья, как-то: нефти, шерсти и руды. Поставки эти были еще до вступления германских войск предусмотрены договором, заключенным между германским правительством и новым грузинским правительством, возглавлявшимся Каумидзе, который был тогда членом парламента и руководителем национал-демократической партии...»¹

Тerror контреволюционеров германские органы юстиции называют деятельностью по поддержанию порядка в стране, а грабительский вывоз сырья для дальнейшего ведения войны Германией «необходимым вывозом». Этим лишь официально подтверждается, что Каумидзе и другие, близко стоявшие к нему лица были не кем иным, как пособниками германских империалистов и милитаристов и что, по-видимому, им за это платили как следует. Во всяком случае, д-р Бер, защитник Каумидзе, со всей отчетливостью констатировал на суде 3 февраля 1930 года, «что германское правительство в 1918 году было готово дать ему [Каумидзе. — А.П.] 200 тысяч шведских крон за оказанные услуги»².

После свержения антинародной власти в Баку, Тифлисе и Батуме Каумидзе занял видное место в правом крыле грузинской эмиграции. Разумеется, он поддерживал связь и с меньшевистско-социалдемократическими лидерами, которые, будучи изгнанными грузинскими рабочими и крестьянами, осели в Париже и, получая огромную финансовую поддержку от западных правительств

¹ DZA, Potsdam, Reichsgericht, Nr. 3383, Bl. 272 f.

² «Дайче тагесцейтунг», 4 февраля 1930 года.

и международных нефтяных концернов, организовали в августе 1924 года «восстание» в Грузии, уже в зародыше подавленное трудящимся населением. Позорный провал грузинской авантюры вынудил международный капитализм выискивать новые козыри для своей игры.

Стремление Нобеля паладить в этой обстановке политические контакты с германскими кругами отнюдь не было случайным шагом. В 1924 году — после провала попыток интервенции, предпринятых великими державами, — Англия, Франция, Италия и другие европейские государства были вынуждены пойти на официальное дипломатическое признание Советского Союза, в связи с чем белогвардейцы и связанные с ними элементы испытали горькое разочарование. Но в мае того же 1924 года было совершено наглое полицейское нападение на советское торговладение в Берлине, пользуясь дипломатической неприкосновенностью. В результате его впервые с момента заключения Рапалльского договора ухудшились германо-советские отношения, что явилось проблеском надежды для белогвардейцев и тех международных кругов, которые усматривали в войне с Советским Союзом благо для капиталистического мира. А в августе 1924 года, когда сорвалась империалистическая авантюра в Грузии, германское правительство поставило свою подпись под планом Дауэса, в результате чего Германия оказалась в значительной экономической и политической зависимости от Запада, став одновременно объектом для ввоза крупных американских капиталов.

Такова была международная политическая атмосфера, когда Нобель приехал в Германию и начал там ковать новый заговор против советской власти. При этом он отстаивал не только свои личные интересы и был не только представителем «Торгпрома». За его спиной стоял не кто иной, как Детердинг, нефтяной король Европы. Последний сам рассеял все сомнения на сей счет, заявив 13 апреля 1926 года в своем письме одному немецкому политическому деятелю:

«Интересующий нас вопрос изложил мне господин Нобель. Поэтому, как я полагаю, было бы лучше обо всем, что мы намерены предпринять в связи с этим делом, вначале посоветоваться с господином Нобелем. Я написал в этом духе Его Превосходительству [генералу Гофману.— A.H.] и предложил либо послать господину Нобелю

копию письма Его Превосходительства, либо же непосредственно обратиться к господину Нобелю и сообщить ему, что считает нужным сделать Его Превосходительство. По вышеупомянутым причинам у меня нет возможности предпринять что-либо без контакта с господином Нобелем»¹.

Это письмо дает представление о размахе деятельности Нобеля в Германии. Сюда приехал не только изгнанный из России миллионер, но одновременно политический компаньон и полномочный представитель хозяина крупнейшей в капиталистической Европе нефтяной монополии, приехал для переговоров об участии Германии в планируемых военных действиях против Советского Союза.

Карумидзе, с которым он встретился в Мюнхене, уже давно поддерживал связь с германскими фашистскими кругами. Вначале эта связь была установлена через его доверенного помощника Садатьерашвили. Этот сын грузинского помещика при посредничестве германского кайзеровского посольства в Константинополе приехал в 1917 году в Германию, где учился в школе Эттальского монастыря близ Обераммергау. Для Карумидзе он стал не только переводчиком, но и полезным человеком благодаря своим многочисленным политическим связям. Последние Садатьерашвили установил благодаря своей работе в качестве «личного секретаря» некоего Авалова-Бермондта, у которого все было фальшивым — от генеральского ранга до княжеского титула, присвоенных ему им же самим. Этот Авалов-Бермонт служил марионеткой для германских добровольческих корпусов во время их агрессии в Прибалтике в 1919 году. В ходе нападения на Литву, Латвию и Эстонию, предпринятого с целью передать их в руки германских милитаристов, белогвардейца Авалова время от времени выдвигали на первый план, чтобы по мере необходимости внушать недоверчивым англичанам, что эта агрессия представляет собой якобы «русское» предприятие, а отнюдь не попытку германских милитаристов завладеть русскими лимитрофами и добиться господства на Балтийском море. После провала всей затеи авантюрист Авалов жил частично на доходы от ликерной фабрики, частично же на средства, получаемые от германских реакционных кругов, к которым он по-

¹ «Фоссише цайтунг», 5 января 1930 года.

шел на содержание и которые при случае передавали через него деньги другим белогвардейцам. Так, Карумидзе получил от него однажды 4 тысячи марок¹.

Карумидзе вместе с царским эмигрантом бароном фон Штейнхайлем в начале 1925 года снова присхал из Парижа в Германию с особой миссией. В его портфеле лежали рекомендательные письма ряду видных германских националистских деятелей, подписанные председателем так называемого «Комитета освобождения Кавказа» С. Кедиа, который являлся тогда руководителем национал-демократической партии — буржуазного крыла грузинской эмиграции. Текст «верительной грамоты», датированной 3 марта 1925 года и излагавшей полномочия Карумидзе, гласил:

«Сим имею честь довести до Вашего сведения, что Центральный комитет национал-демократической партии Грузии поручает Вам поехать в Германию, чтобы установить там связь с национальными кругами и изложить им цель указанного комитета, а также применяемые им методы борьбы против большевистской оккупации в Грузии...

Я полагаю, что в настоящий момент интересы германских националистов совпадают с... национальными устремлениями грузинского народа и что вследствие этого установление контакта между национальными силами наших обеих стран могло бы привести к постоянному сотрудничеству и к практическому соглашению, которое сильно способствовало бы наущным интересам обеих партий...

С. Кедиа»²

Приведенный документ был вручен д-ру Веберу — отставному капитану, участнику первой мировой войны, жившему в Мюнхене. Весной 1919 года он в качестве командира роты одного из добровольческих корпусов участвовал в борьбе против Баварской советской республики. Теперь Вебер, близко стоявший к Гитлеру, Эрхардту и Пангерманскому союзу и черпавший денежные средства из обильных таинственных источников, занимался движением так называемых зарубежных немцев и через концентрировавшихся тогда в Мюнхене руководо-

¹ См. показания на процессе подделывателей червоноцев в «Форвертс» и «Роте фане» от 7 января 1930 года.

² DZA, Potsdam, Reichsgericht, Nr. 3383, Bl. 274—275.

дителей различных фашистских группировок, а также через барона фон Дирксена из министерства иностранных дел в Берлине старался добиться практического осуществления своих идей. Он сам подтвердил:

«Я со своими друзьями считал, что для разгрома большевизма нужна интервенция европейских великих держав и что Россию надо взорвать изнутри, дабы отторгнуть от этой огромной страны отдельные части. Я очень часто обсуждал эти планы с генералом Гофманом, и результатом бесед был готовый план взаимодействия Англии и нашей страны. В этом плане не хватало лишь подписей официальной Англии и виднейших дельцов... В Женеве состоялись переговоры по этим вопросам с английскими и итальянскими деятелями»¹.

Вебер настоятельно подчеркивал, что он «непосредственно сотрудничал с мюнхенским полицейским управлением и информировал его обо всех шагах»².

Следует заметить, что здесь речь шла о полицейском управлении не только того времени, когда оно было заполнено нацистами (то есть до 1923 года), но и более позднего периода, когда оно было целиком в руках баварской народной партии, предшественницы нынешнего христианско-социального союза.

Сказанное дает некоторое представление о том, насколько широка была сфера деятельности заговорщиков. Вебер, который с досадой наблюдал за расколом в фашистском и профашистском лагере, проявившемся как раз во время и после гитлеровского путча, хотел — по его собственным словам — собрать под одной внешнеполитической крышей различные фракции и для достижения этой антисоветской цели заключить союз с Англией. Он усматривал в Грузии и Украине те пункты, откуда можно было бы опрокинуть «мировой большевизм».

В течение 1925 года — как следствие появления Нобеля в Германии — состоялись многочисленные переговоры в треугольнике Париж—Мюнхен—Берлин, завершившиеся в конце того же года проведением в парижском ресторане «Ля рю» первой международной конференции заговорщиков. Среди ее участников были скорбевший о своей нефти и добивавшийся возврата ее Нобель, генерал

¹ Показания д-ра Вебера на процессе подделывателей червонцев, «Франкфуртер цайтунг» от 8 января 1930 года.

² «Роте фане», 8 января 1930 года.

Гоффман, Кедиа, Карумидзе, Садатьерашвили и некий Белл. Генерал Гоффман изложил в общих чертах свои военные планы. Нобель указал на необходимость военного участия Германии и говорил о возможности привлечения английского капитала и английских политиков. Был создан «Комитет освобождения Грузии» и принято решение о расширении политических связей.

После подведения на конференции первых итогов все дело вышло из стадии установления контактов. В начале 1926 года Нобель появился в Берлине, где вместе с генералом Гоффманом и Карумидзе рассматривал вопрос, «насколько созрели Грузия и Кавказ для борьбы с большевистской системой» и можно ли в широком масштабе создать «круг международных политических деятелей для ограждения Европы от большевизма»¹.

Через две недели после отъезда из Берлина Нобель разослал приглашение на новую тайную международную конференцию, на этот раз в Гааге. Для ее подготовки на берлинской квартире Гоффмана в феврале состоялась встреча, «на которую были приглашены 30 человек, в том числе депутаты рейхстага. Генерал Гоффман в пространной речи осветил свое отношение к России, и его планы в части, касавшейся освобождения Грузии, встретили полную поддержку со стороны присутствующих, за исключением одного политического деятеля из немецко-национальной народной партии, который считал, что решение проблемы в таком виде, как оно предложено Гоффманом, преждевременно»².

Общественность так никогда и не узнала, кто были участники этой встречи. Запитник Бер на кассационном разбирательстве заявил, что может назвать их лишь при закрытых дверях, «так как многие из них занимают ныне видные посты и играют активную роль в политике»³. Это звучало достаточно красноречиво.

В начале февраля 1926 года в ателье одного мюнхенского художника встретились Карумидзе и капитан Эрхардт. Насколько нам известно, эту встречу организовал генерал Гоффман. Уже несколько дней спустя состоялась вторая беседа, в которой принял участие также ряд ли-

¹ Сообщение Карумидзе, «Фоссише цайтунг» от 12 июля 1929 года.

² Там же.

³ «Роте фане», 8 июля 1930 года.

деров украинской эмиграции. Как раз в это время Эрхардт вошел в высшее руководство «Стального шлема» и сразу приобрел вес и влияние в этом полувоенном «союзе фронтовиков», остававшемся вплоть до распространения штурмовых отрядов самой широкой массовой организацией германской реакции. О своем участии в антисоветских сговорах путчист Эрхардт сам рассказывал, выступая на суде в качестве свидетеля:

«В Мюнхене у меня было политическое бюро, куда в числе других приходило много русских эмигрантов, излагавших мне свои планы... Каумидзе тоже сообщал мне о своих планах, и я не мог не отметить, что за ним стояли серьезные английские круги...

В Берлине, где велись разговоры о возможности свержения некоего правительства с помощью фальшивых денег, Каумидзе снова обратился ко мне. Наша беседа состоялась в отеле «Сансуси», а затем в Берлине же произошла встреча с генералом Гофманом¹.

Говоря об Эрхардте, нельзя не упомянуть и того самого Белла, о котором мы говорили выше, как об участнике парижской конференции, устроенной Нобелем. Сын англичанина и немки, офицер добровольческого корпуса, член фашистской военной организации «Имперский флаг», инженер фирмы «Маффей» в Мюнхене, Белл являл собой образ человека, состоявшего на службе многих шпионских центров, образ бывшего международного шпиона. Вне всякого сомнения, он был эmissаром Детердинга и английской секретной службы, да он и сам не оспаривал этого. Во время его авантюрных поездок по Европе и Ближнему Востоку по делам, связанным с заговором британского нефтяного треста и германской реакции, его почта шла регулярно в адрес английских консульств, где он получал также значительные суммы, перечисленные на его имя. Допрос обвиняемых и свидетелей на происходившем позднее процессе подделывателей червонцев подтвердил, что Белл в качестве платного агента английской секретной службы занимался деятельностью, направленной против Советского Союза². Одновременно он принадлежал к

¹ Показания Эрхардта на процессе подделывателей червонцев, «Франкфуртер цайтунг» от 31 января 1930 года.

² F. W. von Oertzen, Im Namen der Geschichte. Politische Prozesse der Nachkriegszeit, Hamburg 1934, S. 167, «Роте фане» от 9 февраля 1930 года.

непосредственному окружению Эрхардта, на чьей совести осталось немало индивидуальных и массовых убийств, и был непосредственным связным между ним и английским нефтяным королем. На суде Эрхардт отрицал это. И, лишь когда защитники Белла насытили на него, он соблаговолил дать следующее весьма странное показание:

«Я познакомился с господином Беллом потому, что у него был автомобиль. Мне нужна была машина, я сказал об этом своим знакомым, и тогда ко мне привели господина Белла. Я использовал его для таких поездок, когда мне было важно избежать контроля полиции... Обвиняемый Белл доставлял мне сведения и порою получал от меня указания обратить внимание на некоторые вопросы»¹.

Процитированное показание достаточно убедительно подтверждает наличие тесной связи между фашистским воjakом и английским агентом. При самых секретных операциях, о которых даже профашистская полиция Мюнхена ничего не должна была знать, Белл исполнял обязанности шофера. Но, кроме того, он был также связанным Эрхардта и подчинялся ему («получал указания»), подобно тому как он подчинялся и Детердингу.

В дальнейшем ходе заговора Белл то и дело всплывает в роли чрезвычайно деятельного участника этой авантюры, причем попутно он отнюдь не гнушается ради личного обогащения пускаться на мелкие и крупные мошенничества, всякий раз, разумеется, во имя «борьбы в защиту западной культуры от большевизма».

---

¹ «Фоссише цейтунг», 31 января 1930 года.

Из Гааги в Лондон

Мы приближаемся к тем событиям, которые в 1927 году создали для Советского Союза самую сильную угрозу за период между воинской интервенцией и нападением Гитлера. Из послевоенного кризиса и круговорота революционных событий капитализм выбрался не без синяков и шишек, но затем он сумел временно стабилизироваться. В то же время экономика Советского Союза неуклонно развивалась, политика индустриализации страны приносила первые значительные успехи и победоносное утверждение первого в мировой истории рабоче-крестьянского государства оказывало глубокое революционизирующее влияние на народные массы Европы и Азии.

В этой обстановке английский империализм взял в свои руки политическое руководство создаваемым международным фронтом войны против Советского Союза. Не следует считать случайным тот факт, что именно лондонское правительство было главным инициатором в этом деле. Английский капитализм, который незадолго до этого был вынужден уступить Соединенным Штатам Америки свои главные позиции внутри мировой капиталистической системы, меньше всех других стран извлек выгоды из общей стабилизации капитализма. Он подвергался опасности оказаться позади в связи с быстрым ростом производительных сил на континенте, прежде всего в Германии. Одновременно революционное движение колониальных народов ставило под угрозу само существование Британской империи. Вот почему английский империализм больше, чем какой-либо другой, был заинтересован в том, чтобы втянуть в войну против Советского Союза и ослабить европейские континентальные державы и одновременно посредством уничтожения Советского Союза вновь обуздать азиатские народы и поставить их на колени. Была сплетена целая сеть дипломатических и военных союзов. Вокруг границ Советского Союза, на Балканах, в прибалтийских государствах, в Польше, Персии и на Дальнем Востоке английский империализм раздувал интриги,

дёбиваясь изоляции Советского Союза, и формировал милитаристские фракции внутри господствующих классов. Особое внимание уделялось, конечно, Германии, самой населенной стране европейского континента. Ее неучастие в будущей войне создало бы решающую брешь в линии фронта. Поэтому авторитетные круги английского финансового капитала весьма интенсивно старались привлечь Германию на свою сторону в качестве активного военного партнера. Сказанное проливает свет и на значение кампании, предпринятой Детердингом. Она была частью военного заговора лондонского консервативного правительства, заговора, охватывавшего целые материки¹.

По приглашению Нобеля в марте 1926 года в столице Голландии Гааге собрались те же самые люди, которых мы за несколько месяцев до этого встречали в Париже. Но на сей раз режиссер впервые вышел из-за кулис на сцену.

Сэр Генри Детердинг прибыл лично в сопровождении своего первого секретаря и двух директоров «Ройял датч шелл». Нефтяной магнат счел, что время назрело. Его эмиссары зондировали почву, устанавливали контакты, протягивали нити через весь континент, подготавливали союзы, налаживали связи между различными политическими фракциями и военными кругами разных стран. И при этом имя нефтяного бога всегда было на устах участников. Теперь он непосредственно взял в свои руки управление подготавливаемой кампанией. Несколько неделями раньше он опубликовал в консервативной лондонской «Морнинг пост» письмо, в котором констатировал, что планы новой вооруженной интервенции против Советского Союза уже готовы. В письме говорилось:

«... В течение нескольких месяцев Россия вернется в лоно цивилизации, но с лучшим правительством, чем было царское самодержавие... Еще до конца этого года боль-

¹ Давая анализ международной обстановки в августе 1927 года, ЦК ВКП(б) заявил: «Опасность контрреволюционной войны против СССР есть самая острыя проблема текущего периода... Готовя войну против СССР и против рабочего класса своей страны, английское консервативное правительство ведет повсеместную дипломатическую борьбу против СССР, организует кредитно-экономическую блокаду СССР, заговоры и террористические акты на территории Союза, поддерживает контрреволюционные группировки на Кавказе, особенно в Грузии, на Украине...» («КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», Москва, 1953, част. II, стр. 239 и 242).

шевизму в России будет положен конец; и тогда Россия станет пользоваться кредитом во всем мире, она откроет свои границы всем, кто будет готов сотрудничать с ней. Деньги и кредиты и, что еще важнее, новые заказы потекут в Россию»¹.

Детердинг переоценил возможности антисоветских элементов и безмерно недооценил силы Советского Союза. Это было и еще долго оставалось характерным для политики международной реакции и стало причиной ее катастрофических неудач.

Если президент нефтяного треста, второго в мире по величине, предсказывал свержение советского правительства, называя близкую и определенную дату, то, по-видимому, у него были на то известные основания. Они заключались в новом, инспирированном им заговоре, который после гаагской конференции приближался к своему кульмиационному пункту.

На этой конференции Детердинг выступал как представитель английской делегации, тогда как генерал Гофман представлял немецкую сторону. Гофман обрисовал разработанные им планы, после чего был уполномочен взять в свои руки техническую подготовку. В своем выступлении он указал, что основная проблема предполагаемого похода в настоящее время заключается в его финансировании. Детердинг пожелал получить для английской группы около двух месяцев на размышления, но заметил, что Гофман может между тем вести свою подготовку.

После этого темпы подготовки стали значительно более интенсивными. Каумидзе и Гофман установили контакт с герцогом Георгом Лейхтенбергским, правнуком Евгения Богарнэ, пасынка Наполеона I. Через женитьбу одного из Лейхтенбергов на дочери царя Николая I герцоги Лейхтенбергские стали русскими князьями. Георг Лейхтенбергский, полковник царской армии, сразу же после Великой Октябрьской социалистической революции эмигрировал и поселился в своем замке Зеон на озере Хим в Баварии. В Германии он поддерживал активную связь с ультрапрекционными кругами Пангерманского союза, с представителями немецко-национальной народной партии и действовал в качестве уполномоченного белогвардейского генерала Врангеля, интервенционная армия ко-

¹ «Моринг пост», 4 — 5 января 1926 года.

терого в 1919 году была выброшена из Крыма в Черное море. Сразу же после гаагской конференции герцог организовал поездку Врангеля из Белграда в Берлин к генералу Гофману. Сказался ли здесь холерический нрав Врангеля или же дало себя знать соперничество генералов, но Врангель хотел начать поход снова там, где ему уже однажды досталось как следует, тогда как Гофман наметил отправной пункт севернее. Во всяком случае, генералы тогда ни до чего не договорились¹.

О тесной связи герцога и примыкающих к нему эмигрантских кругов с упомянутыми заговорщиками свидетельствуют рекомендательные письма, с которыми Каумидзе приехал в Лондон, где созывалась очередная международная конференция. В частности, такие письма, помеченные «Замок Зсон, 28 мая 1926 года» и подписаные «Георг, герцог Лейхтенбергский»², были направлены бывшему русскому военному атташе в Лондоне, «его пре-восходительству» Саблину, председателю всех антибольшевистских организаций в Англии, а также основателю и главному руководителю Русско-Азиатского банка в Лондоне. В этих и других письмах внимание адресатов обращается на значение Каумидзе и на «важность» его планов, которые «в Германии имеют широкую базу», но могут быть осуществлены лишь в том случае, если приобретут подобную же базу и в Англии. Ввиду этого письма содержат просьбу устраниить все могущие возникнуть для Каумидзе трудности.

Лондонскую конференцию, первоначально назначенную на 5 мая, пришлось отложить на несколько недель из-за всеобщей забастовки в Англии. Она состоялась в июне 1926 года и собрала не только всех участников

¹ В дальнейшем герцог делал все возможное для кампании Детердинга — Гофмана и позднее разыграл очередной скандальный фарс в целях антисоветской пропаганды, выпустив из своего замка на свет божий авантюристку, которая якобы была царской дочерью Анастасией, вырвавшейся из рук большевиков. После второй мировой войны Бони и Голливуд, соперничая за царльму первенства в «холодной войне», одновременно выпустили фильмы, пре-возносившие мнимую Анастасию и поносившие Советский Союз. Западногерманские иллюстрированные журналы, всегда охотно подхватывающие всякие дурно пахнущие истории, тоже извлекли авантюристку из забвения с целью натравливания масс на Советский Союз.

² Их полный текст был опубликован в «Фоссише цайтунг» 20 июля 1929 года.

на рижской и гаагской конференций, но наряду с Гофманом еще четырех немцев, в том числе прибалтийских эмигрантов фон Клейста и фон Курселя. Кроме того, на ней присутствовал также заместитель английского министра иностранных дел Локкер-Лэмпсон, особенно агрессивный консерватор и приверженец политики войны¹.

Согласно договоренности, достигнутой в Гааге, генерал Гофман разработал для лондонской конференции своего рода повестку дня, вернее, точную программу нападения на Советский Союз со всеми конкретными деталями, касающимися исходных баз, распределения ролей между отдельными державами и т. д. Краткие тезисы Гофмана к докладу, показывающие, как в интересах международной нефтяной олигархии готовилась новая мировая война, были позднее опубликованы газетой «Фоссише цайтунг», ведущим органом либерального крыла германских капиталистов. Значение тезисов столь велико, что мы приводим здесь дословно корреспонденцию из «Фоссише цайтунг», посвященную этим тезисам.

«Первый пункт повестки дня — «Государства Европы и большевизм» — заканчивался лапидарной фразой: «Большевизм должен быть ликвидирован». Второй пункт — «Интересы Европы на Ближнем Востоке» — заключался выводом, что в ограничении панславизма и в освоении экономических областей заинтересованы и Англия, и Германия. На Кавказе, как одной из территорий, которые надлежит освободить из-под большевистского ига, Германия и Англия должны будут сообща заняться экономическим освоением и преградить путь большевистской экспансии, направленной на Турцию, Персию и Индию.

Слабости советской системы усматриваются в экономическом положении, в финансовых трудностях, расколе внутри руководства, наличии противников за границей, в национальном и аграрном вопросах.

Участие Германии в освободительной деятельности расчленяется на следующие пункты:

а) военно-техническое руководство;

¹ Факт участия Локкер-Лэмпсона и его переговоров с генералом Гофманом о намечавшихся военных действиях против Советского Союза вдова генерала Гофмана выболтала позднее в письме, адресованном газете «Фоссише цайтунг». Газета опубликовала письмо в своем утреннем выпуске от 2 февраля 1929 года.

- б) людские ресурсы (солдаты и инструкторы);
- в) технические ресурсы: производство военных материалов и снаряжения (фиктивные заказы от других государств, частичное изготовление в практических участвующих других странах);
- г) характер деятельности в официальной Германии: упоминание договора о нейтралитете (тактически), положение Германии после Версалья;
- д) участие в экономическом восстановительном строительстве освобожденных стран (впоследствии на договорной основе);
- е) использование зарубежных немцев (колонисты);
- ж) активизация русских мусульман.

Чрезвычайно интересен пункт повестки дня, посвященный поддержке со стороны соседних государств. Здесь перечисляются Турция, Болгария, Персия, Румыния, Польша, Чехословакия и Финляндия.

- а) Турция: поддержка военных приготовлений; сборные пункты, обеспечение коммуникаций; возможно, людские ресурсы и дипломатическая помощь;
- б) Болгария: то же в стадии подготовки;
- в) Персия: относится к делу благожелательно; подробности предстоит выяснить;
- г) Румыния: еще раньше при случае удалось установить наличие заинтересованности;
- д) Польша: круги Пилсудского проукраинские; приглашение украинскому центру перебраться в Польшу; на этот случай заверение в самой широкой поддержке; подлинное сотрудничество Польши и Румынии представляется возможным при английской дипломатической помощи и гарантии неприкосновенности оккупированных украинских территорий;
- е) Чехословакия: до сего времени украинская культурная пропаганда; дружественное отношение отдельных министров к украинскому национальному движению;
- ж) Финляндия: предпринятый Зондаци убеждает, что идея свободной Украины пользуется симпатией. (Беглые переговоры с представителями «щюцковского движения» и одной официальной инстанцией.)

Но решающими для экономических интересов, которые в сущности были подоплекой этой борьбы за Грузию и Украину, являются следующие пункты, раскрывающие карты.

В повестке дня говорится:

- а) англо-кавказские переговоры. Подготовка соглашений с представителями кавказских нефтяных промыслов;
- б) предложение уточнить позднее английские и германские интересы и на Украине;
- в) экономические интересы Германии будут служить предметом дальнейших переговоров;
- г) возможности поселения для немцев — участников борьбы.

Наконец, гарантируется свобода немецкого технического руководства при соблюдении лояльных контактов с английской стороной. Управление необходимым для операций фондом находится в руках немцев при участии одного английского доверенного лица и одного кавказского представителя. Из англо-германских и кавказских фирм должны быть созданы экономические объединения, возможно, с привлечением других экономических групп»¹.

Если мы, отбросив наслоения, доберемся до политического смысла этих военно-агрессивных планов, то увидим, что речь шла об англо-германском военно-экономическом союзе с целью насильтственного отторжения Кавказа и Украины от Советского Союза и превращения этих огромных областей в протектораты Англии и Германии, ибо миллионеры этих стран хотели заполучить в свои руки экономические ресурсы Украины и республик, расположенных между Черным и Каспийским морями. Сэр Генри Детердинг мог только радоваться. Присутствовавший на конференции высокий представитель английского правительства Локкер-Лэмпсон тоже отнесся одобрительно к этим планам. Он совершенно отчетливо пообещал, что «Англия будет ходатайствовать перед Лигой Наций о признании самостоятельной Грузии»².

Правда, возникли серьезные разногласия, когда речь зашла о *nervus regum*³. В плане Гофмана подробно го-

¹ «Фоссише цейтунг», 4 февраля 1930 года.

² «Фоссише цейтунг», 12 июля 1929 года.

³ Главная движущая пружина, здесь деньги (лат.).

ворилось о том, что даст война, но меньше о том, как ковы должны быть капиталовложения для подготовки этой войны. Детердинг заявил, что он лично внесет столько, сколько он потерял за десять лет, лишившись доходов от «своих русских нефтяных владений»¹. Это была, безусловно, большая сумма, выражавшаяся в марках девятизначным числом. Но и ее все же было недостаточно, особенно в том случае, если бы, согласно плану Гофмана, попытались нанести военный удар в сердце советской страны. Детердинг был заинтересован главным образом в своей нефти, он рассчитывал на возможность ограниченного югом и поэтому не столь дорогостоящего военного предприятия, которое мыслилось как первый этап.

В ходе этих финансовых споров на лондонской конференции была выдвинута идея, встретившая всесобщее одобрение и заключавшаяся в том, чтобы наряду с другими антисоветскими мероприятиями изготовить большое количество фальшивых советских денег, которые, будучи переправлены в Советский Союз, серьезно подорвали бы его экономику. Во всяком случае, чрезвычайно характерно, что Детердинг именно 10 июня 1926 года, перед окончанием конференции, где он встретился с Гофманом и компанией, предсказал в английской печати инфляцию в Советском Союзе. Детердинг знал, о чем говорил. Если он полагал, что может предвидеть обесценивание денег в Советском Союзе, то лишь потому, что был одним из организаторов этого обесценивания при помощи фальшивых банкнот, которые должны были быть заброшены в Советский Союз из-за границы.

Сразу же после конференции Детердинг отправился в Нью-Йорк — не только для того, чтобы парализовать маневры своих извечных конкурентов, но и для того, чтобы привлечь мировую державу «Стандард ойл» к совместным активным действиям и заручиться ее финансовой помощью в интересах антисоветской кампании. Однако его усилия, по-видимому, не увенчались полным успехом, тем более что как раз тогда за кулисами шел упорный спор между крупнейшими нефтяными трестами за долю участия в нефтяных промыслах Ирака. В этом споре государственный департамент США с бес-

¹ F. W. Oerlzen, Im Namen der Geschichte, S. 160.

стыдной откровенностью и энергией выступал в качестве адвоката «Стандард ойл»¹. Лишь в апреле 1928 года торг закончился и «Стандард ойл» вступил на эту территорию, до того времени находившуюся почти целиком под контролем Англии.

Правда, Детердинг добился, что правительство США официально признало так называемый «Комитет освобождения Кавказа»². Подобный шаг означал новый враждебный акт Вашингтона по отношению к Советскому Союзу, ибо упомянутый комитет представлял собой не что иное, как клику парижских эмигрантов под председательством Кедиа, главным агентом которого в Германии был Каумидзе.

В 1927 году созрели некоторые плоды антисоветского заговора. В это время серьезно обострилась международная обстановка. 20 января 1927 года Черчилль, занимавший тогда в английском правительстве пост министра финансов, заявил на пресс-конференции в Риме, где он находился вместе с министром иностранных дел Чемберленом, что, если бы он был итальянцем, он от всего сердца был бы за Муссолини и, безусловно, с самого начала стоял бы на его стороне в его борьбе против большевизма. «Италия, — подчеркнул он, — дала нужное противоядие против русского яда. Отныне нет ни одной великой державы, которая не располагала бы защитным средством против раковой опухоли большевизма»³.

Так консервативное правительство Англии в 1927 году восхваляло фашизм в качестве спасителя капитализма и возвысило его до своего союзника в борьбе против СССР.

Несколько недель спустя правительство Муссолини ратифицировало конвенцию о Бессарабии от 1920 года. Конвенция санкционировала осуществленный Румынией в ходе вооруженной интервенции захват Бессарабии, входившей в содружество советских республик.

В первые месяцы 1927 года в Лондон прибыли из Германии не очень блестящие, но чрезвычайно активные гости. Приехал Арнольд Рехберг для переговоров с ан-

¹ «Foreign Relations of the United States», 1926, vol. II. p. 362—370.

² «Фоссише цайтуинг», 20 ноября 1927 года.

³ K. Z illi a c u s, I choose peace, London 1949, p. 146.— Зиллиакус является депутатом палаты общин от лейбористской партии.

глийскими промышленниками о «создании англо-франко-германского производственного объединения угля, железа и стали». В лондонской «Морнинг пост» он заверял, «что одна из главных целей этого объединения... будет состоять в борьбе против растущей большевистской угрозы». Хозяин самого крупного английского химического концерна «Империэл кэмикал индастриз» сэр Альфред Монд (позднее лорд Мэлчест) в той же газете дал высокую оценку Рехбергу и его инициативе.

В период с марта по май 1927 года в Лондоне находился приехавший из Берлина Орлов, одна из самых подозрительных фигур царской эмиграции. Мы не можем точно сказать, что он там делал. Но мы знаем, чем он занимался в Берлине до и после этой поездки. То были интенсивное производство и бойкая торговля фальшивыми документами, в которых советское правительство и Коммунистический Интернационал вкупе и порознь якобы давали указания относительно всяких гнусных дел и нередко относительно совершения самых подлых преступлений.

Пока Орлов находился в Лондоне, полиция Пекина в начале апреля напала на советское посольство и вслед за этим опубликовала якобы найденные там, а на деле исходившие из кухни Орлова и других фальсификаторов документы о «коммунистической пропаганде» советского правительства. В это же время Чан Кай-ши предал национальную революцию, порвал союз с коммунистами и жестоко расправился с тысячами из них в Шанхае и других городах.

После такой увертюры последовал главный удар. 12 мая 1927 года по распоряжению английского министра внутренних дел и личного друга Детердинга сэра Уильяма Джойсон-Хикса был произведен налет на советское торговое представительство (Аркос) в Лондоне. Были взломаны сейфы и похищены дипломатические документы. Две недели спустя консервативное английское правительство порвало дипломатические и торговые отношения с Советским Союзом и в оправдание этого, явно нарушавшего мир шага опубликовало документы, которые якобы были обнаружены в помещении Аркоса, а на самом деле сфабрикованы в конторах белогвардейских фальсификаторов.

Английская общественность распознала в этих зловещих событиях руку Детердинга. Так, авторитетный буржуазный журнал «Форин афферс» писал:

«Тот факт, что были высланы как раз те агенты Аркоса, которые занимались продажей нефти, создал впечатление, что защита частных интересов вообще слишком совпадает с защитой некоторых нефтяных интересов»¹.

Седьмого июня 1927 года, через одиннадцать дней после разрыва англо-советских отношений, от руки белогвардейских убийц пал советский посол в Варшаве Войков.

Такова была атмосфера, которую создали датердинги и их международные сообщники и которая нужна была им для их авантюр. Датердинг временно перенес арену своей деятельности в Париж, чтобы через французскую буржуазную печать, с давних пор особенно расположенную к подкупу, развернуть кампанию, призывающую к подражанию английскому примеру.

«Мистер Датердинг располагал несколькими ежедневными газетами во Франции. Этим объяснялись некоторые кампании в печати, особенно те, которые были направлены против русского посольства», — писал один французский журнал². Даже сугубо буржуазный орган французской нефтяной промышленности «Курье де петроль» писал с возмущением в сентябре 1927 года:

«Снова сэр Генри Датердинг пытается вмешаться непосредственно во французскую политику, чтобы в абсолютно нетерпимой форме поставить интересы нашей страны на службу своего треста... Даже некоторые члены правительства считают, что роль, которую играет у нас сэр Генри Датердинг, совершенно невыносима и что этой скандальной комедии надо положить конец».

Разгласил все председатель акционерного общества «Кавказские нефтяные промыслы» мистер Аллан, заявив-

¹ «Форин афферс», октябрь—ноябрь 1927 года. — Для историографии в Западной Германии характерно, что один из ведущих «специалистов по России», прибалтийский эмигрант профессор Георг фон Раух в своей «Истории большевистской России», вышедшей в Бисбадене в 1955 году, со всей серьезностью утверждает, «что Аркос стал в Англии настоящим центром большевистского шпионажа и пропаганды с целью переворота» (в оригинале стр. 275). От этой тенденциозной лжи английские историки уже давно отказались, ибо на деле английское правительство не смогло тогда представить ни одного подлинника. Но, когда речь идет о борьбе против Советского Союза, апологеты аденауэровской «политики силы» не останавливаются ни перед каким искажением фактов.

² «Крапую» (Париж), июль 1939 года, стр. 50.

ший 4 октября 1927 года в Лондоне на годовом собрании акционеров этого предприятия, тоже находившегося в руках Детердинга:

«Самым важным событием этого года является отзыв русского посла из Англии. Надо надеяться, что французское правительство последует этому примеру. Сэр Генри Детердинг сделает все, что в его силах, для оказания давления на французское правительство»¹.

Три дня спустя французское правительство самым наглым образом потребовало отзыва советского посла. Политическому сброду, находившемуся на содержании у Детердинга, удалось добиться, чтобы советского посла объявили персоной нон грата и заставили уехать из Парижа. Но это означало для Детердинга лишь частичный успех, так как он рассчитывал на полный разрыв отношений между Францией и Советским Союзом.

---

¹ Clyn Roberts, *The most powerful man in the world*, London, 1939, p. 278—279.

Подделыватели червонцев и их инспиранты

Между тем участники международного военного заговора, оперировавшие в Германии, не сидели сложа руки. На против, они удесятерили свои усилия. Эрхардт и другие немецкие фашисты во второй половине 1926 года вместе с уже упоминавшимися грузинскими эмигрантами взялись за осуществление проекта подделки червонцев. Капитан Эрхардт и Карумидзе «решили, что этот план подделки валюты с целью вызвать инфляцию в России должен считаться общей целью, отвечающей стремлениям обеих сторон»¹.

Практика подделки денег для нанесения ущерба советской власти была излюбленным способом действий контрреволюции. Свидетельство тому — хотя бы дело о диффамации, слушавшееся в Мюнхене в конце июня 1926 года. Поводом для его возбуждения явился частный спор между двумя реакционерами, во время которого один майор из свиты генерала Людендорфа упрекнул герцога Лейхтенбергского в том, что в своих политических сделках он пользовался фальшивыми русскими банкнотами. В ходе разбирательства герцог сделал следующее заявление, занесенное в судебный протокол:

«Три миллиона рублей, предоставленные летом 1918 года для формирования русской добровольческой армии, состояли из банкнот, печатавшихся в Берлине»². (Курсив мой.— А. Н.)

Итак, друг герцога Лейхтенбергского Карумидзе прибегнул в 1926 году к уголовным методам, которые германский имперализм практиковал в своей борьбе против молодой советской державы еще в 1918 году.

Дабы наладить дело, Эрхардт выделил связного для обеспечения контакта между его организацией и органи-

¹ Заявление защиты на процессе подделывателей червонцев. «Франкфуртер цайтунг», 21 января 1930 года.

² «Мюнхенер пост» (ежедневная газета баварской социал-демократической партии); цитировано в «Роте фане» 25 июня 1926 года.

зацией грузинских эмигрантов. Этим связным был Белл, который, работая одновременно также на Дестердинга и на английскую секретную службу, чувствовал себя здесь в своей стихии.

Осенью 1926 года по заказу Вебера и Белла, Каумидзе и Садатьерашили в мюнхенской типографии Шнейдера было отпечатано около 15 тысяч фальшивых банкнот купюрами в один, два и десять червонцев. Как было установлено позднее, на судебном разбирательстве, около 12 тысяч из них были нелегально завезены в Советский Союз. Именно несколько тысяч этих червонцев осенью 1928 года были обнаружены советскими властями у царского ротмистра Шиллера и его белогвардейской боевой группы в окрестностях Ленинграда.

Позднее фальшивомонетчики по соображениям безопасности перевели свое предприятие из Мюнхена во Франкфурт-на-Майне, где привлеченный Вебером нацистский книготорговец Бёле наладил дальнейшее печатание фальшивых червонцев, и притом в гораздо более широком масштабе, чем прежде. Во всяком случае, при обыске в типографии в августе 1927 года было обнаружено около 120 тысяч полуготовых банкнот и, кроме того, рулоны бумаги, которых хватило бы на изготовление еще 1200 тысяч фальшивых банкнот. Фальшивомонетчики перешли к массовой фабрикации.

Белл после лондонской конференции все время был занят поездками внутри страны и за границу. Между летом 1926 года и осенью 1927 года он повсюду и нигде, он плетет сеть, объединяющую заговорщиков в Юго-Восточной Европе и в Северной Турции. В Будапеште диктатора Хорти он встречается с Вильгельмом Шмидтом, довольно состоятельным сыном фабриканта из Нюрнберга, оплатившим поездку прибалтийских эмигрантов на лондонскую конференцию и пожертвовавшим из кармана отца — коммерции советника несколько десятков тысяч, чтобы двинуть вперед «операцию Украина — Грузия». В Софии Белл действует вместе с сыном баварского премьер-министра Гельда, которого германское министерство иностранных дел великодушно спандило дипломатическим паспортом, хотя молодой человек имеет мало общего с дипломатией, но очень много соприкасается с преступником Беллом. Он ведет переговоры с болгарскими военными, в ходе которых разрабатываются военно-технические меро-

приятия и планы для использования портов Варна и Бургас в качестве морских исходных пунктов в антисоветской акции. Наконец, Белл и Гельд удостаиваются даже чести быть принятами царем Борисом, которому, очевидно, улыбалась перспектива использования его страны в качестве трамплина для нападения на Советский Союз (через полтора десятка лет он втянул свой народ на стороне Гитлера во вторую мировую войну, что, правда, ему лично стоило жизни).

Затем Белл в 1927 году появляется в Турции и отправляется в портовый город Трабзон на Черном море, «где провалился заграничный грузинский комитет и откуда Белл в качестве доверенного лица эмигрантов должен был раздувать восстание в Грузии»¹.

«Реакционная разбойничья романтика!»—подумает кое-кто, судя по актерам, появляющимся на сцене. Но такое суждение было бы крайне наивным. С заговором подделявателей червонцев дело обстояло, как с айсбергом, у которого над поверхностью воды возвышается только очень небольшая часть. С первого взгляда здесь нельзя было распознать представителей влиятельных кругов крупной германской буржуазии и чиновников ее правительственно-го аппарата, да и позднее они избежали обвинения. Тем не менее именно они, явно нарушив межгосударственные договоры, покровительствовали антисоветским проискам.

Резкая реакция Советского Союза на заключение Локарнских соглашений вызвала у германской буржуазии опасения, что Советский Союз сделает из этого враждебного акта соответствующие внешнеполитические выводы. Дабы предупредить подобный шаг, германское правительство вступило в переговоры с Москвой, завершившиеся 24 апреля 1926 года заключением так называемого Берлинского договора. Авторы советского труда «История дипломатии» стоят на той точке зрения, что упомянутым договором «значительно притуплялось антисоветское острье Локарнских соглашений»².

Договор, заключенный в Берлине, на деле подтверждал, что Раппальский договор будет и в дальнейшем служить основой германо-советских отношений, что оба правительства будут и впредь поддерживать дружественные

¹ Показания Карумидзе, «Роте фане», 7 января 1930 года.

² «История дипломатии», т. III, стр. 338.

контакты, «чтобы добиться взаимопонимания во всех вопросах политического и экономического характера, касающихся обеих стран»¹, что в случае нападения на одного из обоих участников договора другой участник будет соблюдать нейтралитет и что ни один из них не присоединится к экономическому или финансовому бойкоту, направленному против партнера по договору.

Таким образом, все, казалось, было в порядке, если бы не двурушническая внешняя политика Штреземана. Практика авторитетных правительственные инстанций Германии слишком часто шла вразрез с обязательством стремиться к «дружественной договоренности по всем политическим вопросам», подписанным лично Штреземаном. Процесс подделывателей червонцев дал неопровергимые доказательства этого.

Даже осторожные свидетельские показания немецко-прибалтийских баронов, ближайших сотрудников генерала Гофмана, позволили получить отчетливое представление о связях генерала, которые придавали его заговору почти официальный характер. Барон фон Курсель в ответ на вопрос председателя суда, не были ли планы Гофмана утопичными, категорически заявил, что связи Гофмана с германскими и иностранными инстанциями делали осуществление этих планов вполне возможным. Но он, Курсель, не хочет рисковать, возводя обвинение на существующие еще и ныне германские и иностранные инстанции.

«Защитник Бер. Известно ли Вам, что официальные германские инстанции знали о стратегическом плане нападения на Грузию, предложенном Гофманом?

Курсель. Гофман для собственной гарантии поддерживал постоянную связь с официальными инстанциями, и я уверен, что он представил свой план министерству иностранных дел.

Барон фон Мантейфель еще больше подкрепил это показание, заверив после принесенной им на суде клятвы, что Гофман постоянно бывал в доме министра иностранных дел Штреземана и наверняка изложил свои планы министерству иностранных дел»².

---

¹ «Konferenzen und Verträge», Vertrags-Ploetz, Teil II, Bielefeld 1953, S. 312.

² Корреспонденция в «Роде фане» от 8 июля 1930 года о ходе кассационного разбирательства по делу о подделывателях червонцев.

Общественности не пришлось узнать, что в эти планы входила и подделка червонцев, ибо тогда бы вместе с генералом был скомпрометирован и министр иностранных дел. Но обнаруженные впоследствии судебные документы не оставляют никакого сомнения насчет осведомленности и соучастия Гофмана в афере с подделкой червонцев.

Адвокат д-р Бер высказался на сей счет более отчетливо. Правда, это было сделано не на открытом заседании, а в кассационном заявлении по делу Карумидзе, направленном Бером 10 февраля 1931 года в берлинский суд. Мотивируя просьбу, Бер писал в связи с приговором от 21 июля 1930 года:

«... А в остальном весьма прискорбно, что в приговоре не сказано ни слова о заслуживающих внимания показаниях Эрхардта, Клейста и Курселя по важным пунктам существа дела... Все же следует подчеркнуть, что, согласно недвусмысленному заявлению свидетеля Эрхардта... он по инициативе Карумидзе — после серьезной беседы с ним, в которой упоминался вопрос о подделывании червонцев, — связался с генералом Гофманом и обсудил с генералом и этот план.

Далее, свидетели Курсель и Клейст подтвердили, что генералу Гофману был, по-видимому, известен план выпуска фальшивых червонцев и он одобрил его как политическую цель Германии. Приговор обходит эти важные показания...»¹.

Барон фон Клейст, выступая в качестве свидетеля, уточнил, что он, будучи близким к Гофману, слышал, как последний сказал по поводу подделки червонцев, что «в отношении России всякое средство оправданно». Когда защитник задал свидетелю вопрос, ставил ли Гофман министерство иностранных дел в известность о всех предпринимаемых им шагах, в том числе и о лондонской поездке к Детердингу, Клейст не смог отвечать соглашением *publico*,² так как председатель сразу же оборвал его и предложил ему ответить на этот вопрос лишь позднее, когда дело будет слушаться при закрытых дверях. Требование председателя суда было выполнено³. Уже один этот факт показывает, в какой сильной степени, осторожно выражаясь,

¹ DZA, Potsdam, Auswärtiges Amt, Abt. V, Nr. 26354, Bl. 213-214.

² Совершенно открыто, гласно, публично (лат.).

³ «Рote фane», 12 июня 1930 года.

были замешаны в заговоре видные чиновники, имевшие отношение к германской внешней политике.

О том, что и весьма солидные капиталистические круги заигрывали с заговорщиками, стало ясно из показаний д-ра Вебера, сообщившего, что поездку Гофмана в Лондон финансировал Дрезденский банк. Курсель также говорил о связях Гофмана с Дрезденским банком. Столъ авторитетный орган германской буржуазии во времена Веймарской республики, как «Фоссише цайтунг», не смог обойти молчанием разоблачения газеты «Роте фане», писавшей, что «Дрезденский банк, у которого до войны были большие капиталовложения на Кавказе, финансировал целый ряд лиц, сопровождавших генерала Гофмана в Лондон»¹. 11 января 1930 года «Роте фане» писала, что Детердинг во время пребывания в Германии в 1928 году «лично встречался с руководящими представителями Дрезденского банка». А ведь Дрезденский банк был не каким-то мелким провинциальным предприятием, но наряду с Немецким банком самой мощной финансовой организацией (какой он ныне снова стал в Западной Германии). В описываемый период, и особенно позднее, во время второй мировой войны, он был сильным оружием в руках империалистических разбойников.

Министерство иностранных дел, Дрезденский банк...
Круг расширяется еще больше. Возникает вопрос, как же грузинский эмигрант Каумидзе, совершивший неизвестный до 1925 года, мог курсировать между Берлином, Парижем, Швейцарией и Болгарией, а в Германии был вхож повсюду, куда бы ни захотел. Кто были они, эти грузинские эмигранты? Люди без корней, потерявшие всякую связь с родиной, которая ничего не хотела знать о них, которая, больше того, забыла их и шла новыми путями навстречу новой, лучшей жизни. Попав под колеса локомотива истории, оказавшись на задворках жизни, эти заговорщики, не склонные заниматься никакой определенной работой, по своей силе были равны нулю. Лишь когда мультилионеры и служившие им политические деятели извлекли этих людей из задворок на свет, в парадные хоромы европейской политики, и обильно снабдили их деньгами, лишь тогда эти грузинские фашисты, подобно своим немецким единомышленникам, облачившись в тогу самозван-

¹ «Фоссише цайтунг», 11 января 1930 года.

ных спасителей Запада, получили возможность творить свои темные дела.

Выяснилось, что Карумидзе действовал от имени и по поручению рейхсвера. У него было официальное удостоверение, выданное управлением VII военного округа рейхсвера и подписанное не кем иным, как командующим округом генералом Крессом фон Крессенштейном. Это удостоверение — пропуск, открывавший Карумидзе все двери, — было выдано еще в 1925 году, как признало впоследствии министерство рейхсвера¹. Дата свидетельствует, что еще тогда генерал, сидя в своем северобаварском штабе, принимал активное участие в заговоре. После лондонской конференции во исполнение соглашений генерала Гофмана с Дестердингом и английским заместителем министра иностранных дел Локкер-Лэмпсоном в Германию был направлен английский генерал Стокс. В 1919 году Стокс в качестве так называемого политического офицера появился с английскими войсками в Баку, а в 1920 году — когда английские войска после поражения Германии в мировой войне оккупировали Грузию и Азербайджан — был выдвинут на пост английского верховного комиссара в Закавказье.

У Кресса, который в 1918 году, когда в Грузии хозяинами были меньшевики, командовал кайзеровской оккупационной армией на Кавказе, состоялось несколько конференций, в которых принимали участие английский генерал Стокс и Карумидзе, а также другие эмигранты.

Германские и английские разбойники-генералы, с 1918 по 1921 год спорившие из-за не принадлежавшего им Кавказа, объединились в 1926 году, чтобы сообща вновь захватить его. В этом и в следующем году они устраивали настоящие военные игры, в основу которых были положены разработки начальника крессовского штаба Адама, впоследствии гитлеровского генерала. В ходе игр ставилась и решалась задача: что должно делать государство, отделившееся от центральной власти, и как оно должно отражать контрмеры центральной власти?² Чтобы никто не подумал, что речь шла об отношении Монако к Франции или Баварии к германскому рейху, надо здесь сказать, что тогдашнему полковнику Адаму все географические и

¹ «Берлинэр тагеблатт», 11 января 1930 года.

² К этому и последующему: «Роте фане», 11 января 1930 года.

экономические посылки, данные по народонаселенным проблемам и т. д. поставлялись не кем иным, как Карумидзе. В результате Кресс предложил использовать области между Эрзерумом и Трабзоном на турецком побережье Черного моря в качестве плацдарма для первоначального сосредоточения армии и построить там необходимые для проведения запланированных военных операций дороги, которые вели бы до самой советской границы. Туда предлагалось направить большое количество германских офицеров, переодетых техниками строительных специальностей, чтобы они прежде всего наладили там концентрацию военных материалов, осуществляя наблюдение за ходом этих работ. Кресс рассматривал вполне положительно возможность нападения на Советский Союз с юга в сочетании с морскими операциями на Черном море.

Лишь в этой связи приобретают более значительный смысл миссии Белла к царю Борису и в Северную Турцию. Махинации на Балканах и на Ближнем Востоке были частью плана Дестердинга — Гофмана — Стокса — Кресса фон Крессенштейна — Эрхардта.

Общественности был совершенен неизвестен факт участия генералов рейхсвера в заговоре. И именно центральному органу коммунистической партии «Роте фане» принадлежит заслуга разоблачения впоследствии этой чрезвычайно важной стороны заговора. 11 января 1930 года газета на первой странице под крупным заголовком «Рейхсвер за спиной подделывателей червонцев» опубликовала подробную информацию о роли Кресса фон Крессенштейна, о его конференции со Стоксом, об официальном удостоверении, которое он выдал Карумидзе, об его антисоветских военных играх¹.

---

¹ Между прочим, за эти разоблачения «Роте фане» хотели было привлечь к судебной ответственности. Следователь имперского суда Фогт, один из самых рьяных и беспощадных охотников за коммунистами, допрашивал главного редактора «Роте фане» Сланга (Гампеля), намереваясь предать его суду по обвинению в измене родине. Тогда Фогту памекнули, что если будет возбужден процесс, то газета опубликует еще и другой материал, сильно компрометирующий германское правительство. Речь шла о массовой фальсификации французских франков, предпринятой германскими и венгерскими фашистами с помощью германских властей. Господин Фогт понял напек и отказался от возбуждения дела. (11 апреля 1930 года Сланг за другие статьи, истолкованные как подготовка к государственной измене, был приговорен имперским судом к двум годам заключения в

Хотя поведение Кресса было достаточно возмутительным, верховное командование рейхсвера и его министр Грёнер возмутились лишь тем, что «Роте фане» пролила свет на эти темные дела¹. Они отнюдь не отступились от совершенно невероятных действий генерала, обращавшегося со всеми германо-советскими договорами, как с клочком бумаги. Да и как они могли сделать это! Ведь концепция Грёнера почти не отличалась от концепции Кресса.

В 1920 году Грёнер писал: «... на нашу долю — как первый результат войны — снова выпадет старая историческая задача создания вала против Востока, против большевизма». Западным державам он разрисовывал ужасы «большевистской волны», которая захлестнет их, «если немецкий народ не одолеет силу этой волны». Грёнер предлагал немцев в качестве антисоветских жандармов, чтобы таким путем добиться союза с западными империалистами. Он предложил создать всеобъемлющий военный фронт против советской власти: «Было бы безумием, если бы все европейские народы не решились общими усилиями пристановить процесс разрушения...» При этом Грёнер уточнял, какую позицию должна занимать Германия, как «авангард Европы в борьбе с разлагающим большевистским влиянием»².

Так говорил человек, который с 1920 по 1923 год был министром путей сообщения, а с января 1928 года до конца мая 1932 года министром рейхсвера Веймарской республики. Позднее точно так же формулировал роль Германии и Гитлер, а еще позднее Аденауэр.

С тех пор как германские армии в 1918 году, нарушив германо-советское перемирие, оккупировали Украину, германские империалисты не могли расстаться с идеей

крепости.) Впоследствии махровый гитлеровец Фогт отправил на эшафот немало антифашистов. Он участвовал в нападении на Советский Союз, за что поплатился жизнью.

¹ После того как защитники фальшивомонетчиков во время предварительного следствия пригрозили, что, возможно, назовут имя баварского генерала, руководители рейхсвера выдали себя, приняв меры предосторожности; Кресса, который еще не нуждался в пенсии, да и не имел еще на нее права, 1 декабря 1929 года — за четырех недели до процесса — быстро спроводили в отставку. Таким путем они намеревались выбраться из неприятной ситуации.

² Д о г о т h e а Г г о е н е г - Г е у е г, General Groener, Frankfurt/Main 1955, S. 210—211. Цитированные места взяты из статьи Грёнера в издававшемся Обществом мирового хозяйства журнале «Криг унд вельтвиртшафт» от марта 1920 года.

присоединения к Германии этой житницы на Востоке, земля которой к тому же была так богата высококачественным каменным углем и рудами. В 1918 году они учредили «Германо-украинское общество», заместитель председателя которого д-р Пауль Рорбах, известный трубадур германского империализма, восхвалял Украину не только как резервуар продуктов питания для Германии, но и как связующее звено с Кавказом.

После войны начальник оперативного управления штаба верховного командования германской армии и впоследствии министр Грёнер вошел в состав руководства «Германо-украинского общества», в который входили также Штреземан, ставший позднее министром иностранных дел, банкиры, крупные промышленники и правосоциалистический лидер Альберт Зюдекум. Правда, заняв в Веймарской республике пост министра рейхсвера, Грёнер официально вышел из этого органа. Но в двадцатые годы состоялось несколько неофициальных конференций общества, в которых принимали участие Грёнер и представители министерства иностранных дел. На этих встречах обсуждался вопрос об отторжении Украины от советской страны.

При этом германские империалисты весьма определенно намеревались использовать в своих целях проживавших на Украине немецких колонистов. Один меморандум ministra иностранных дел, направленный им министерству хозяйства в 1924 году, содержал рекомендацию «связать колонистов самыми разнообразными экономическими узами с германскими предприятиями, германскими фирмами, с экономикой их родины (! — A. H.)... При будущем бесспорном изменении экономических условий в этой стране нетрудно будет расширить уже существующую организацию, используя ее для экспорта зерна, скота и для импорта предметов широкого потребления, нужных колонистам. Следующим шагом на этом пути было бы привлечение немецких колонистов к какому-нибудь специальному немецкому банку, который можно будет создать к тому времени»¹.

Итак, правители Германии хотели использовать потомков немецких крестьян, иммигрировавших несколько веков назад на Украину, использовать их как государ-

¹ DZA, Potsdam, Reichswirtschaftsministerium, Handel - und Zollpolitik, Allgemeines, Ukraine, vom 1. August 1924 bis 31. Dezember 1928, Nr. 2882.

ство в государстве, как капиталистический остров в социалистическом море, как форпост германского империализма. Поскольку ожидалось «бесспорное изменение экономических условий», то есть замена социализма капитализмом, германский империализм хотел своевременно обеспечить себе позиции в соревновании с другими империалистическими державами за захват богатств Украины.

Разнообразны были усилия, направленные на достижение этой цели. В Берлине был учрежден так называемый Украинский научный институт с восемью профессорами и несколькими десятками студентов, к которым прибавились еще студенты-заочники из других городов Германии. Студентов разместили в бывшем здании военного штаба в Берлине-Адлерсхофе, и за жилье и питание им не пришлось платить ни гроша. Обо всем этом позаботился министр Грёнер, лично состоявший в руководстве этого института, что уже само по себе достаточно отчетливо говорило о характере преподававшейся там «науки» и ее специальных целях. Эти цели сводились к обучению кадров для подрывной работы на Украине и к подготовке работников для руководства «новой» Украиной. Достаточно лишь добавить, что госпожа Скоропадская тоже принадлежала к группе лиц, возглавлявших институт, чтобы совершенно ясно представить себе характер этого учреждения. Она была женой того царского помещика и генерала, которого верховное командование германской армии в конце апреля 1918 года провозгласило гетманом Украины, чтобы через него грабить страну и людей для удовлетворения аппетитов германских империалистов. Скоропадский пробыл на этом посту несколько месяцев, позднее он на деньги германского правительства проживал в роскошной вилле в Берлине-Ванзе. Бюллетень, издававшийся им в Берлине, был обязательным учебным материалом для студентов Украинского института, которому протекировал Грёнер.

Следует отметить, что свою антисоветскую деятельность, которую Скоропадский вел и при кайзеровской империи, и при Веймарской республике, он продолжал также при Гитлере. С 1933 года он стал центральной фигурой украинской контрреволюционной эмиграции. Летом 1934 года в Берлине состоялся конгресс украинских эмигрантов, на котором присутствовали уполномоченные Геринга и министерства рейхсвера. На этом конгрессе Скоропадский

выдвинул вопрос о военном обучении эмигрантов. От имени Гитлера конгресс приветствовал Альфред Розенберг¹.

Скоропадский представлял монархистскую фракцию украинских эмигрантов. Существовали и другие группировки, ведущей среди которых была организация, занимавшаяся почти исключительно убийствами. С центральным руководством этого террористического союза, называвшегося УВО (Украинская военная организация), имперское министерство рейхсвера и министерство иностранных дел установили тесные связи.

Руководитель УВО некий Коновалец не был германским подданным. Но, несмотря на это, он еще в двадцатых годах получил при посредничестве министерства рейхсвера германский паспорт. Почему? Потому что цель УВО заключалась в отторжении Украины от Советского Союза.

Здесь мы сталкиваемся с заранее налаженными связями рейхсвера, министерства иностранных дел и гитлеровского фашизма. «Роте фане» в своих уже цитированных выше разоблачениях (материалы были опубликованы 11 января 1930 года) рассказала о встрече двух чиновников министерства иностранных дел с мюнхенским представителем УВО «полковником» Полтавцом — Остравницей, в ходе которой они обсуждали с ним вопрос о возможностях антисоветской борьбы на Украине. А Полтавец

¹ О том, что Скоропадский еще и во второй мировой войне играл активную роль в качестве вассала Гитлера, свидетельствует, между прочим, дневник начальника отдела «имперского министерства оккупированных восточных областей» Брейтигама. 5 марта 1942 года он сделал следующую запись: «Вечером визит гетмана Скоропадского. Беседовал с ним об украинских проблемах» («Aus dem Tagebuch eines Judenmörders», Berlin 1956, S. 18). В конце войны украинский предатель неожиданно погиб: его жизни положила конец бомба, сброшенная 26 апреля 1945 года на Мурнау в Верхней Баварии. Германскому партнеру Скоропадского — Брейтигаму повезло больше. Несмотря на то или потому, что он в свое время отдал приказ об уничтожении 85 тысяч латвийских евреев и лично участвовал в грабительском вывозе ценностей из Советского Союза, Аденауэр назначил его главой восточного отдела министерства иностранных дел боннского правительства. Мировая общественность резко осудила преступления Брейтигама, разоблаченные Комитетом германского единства в Берлине, так что Бони был вынужден отстранить злодея на некоторое время. В начале 1958 года он вновь поднялся вверх по лестнице и был выдвинут на пост генерального консула боннского государства в Гонконге. Он же единственный военный преступник, занимающий высокий пост в правительстве Аденауэра.

был не кем иным, как официальным связным между украинскими террористами и Гитлером.

Восточная политика английского империализма с давних пор была направлена на то, чтобы воспрепятствовать укреплению центральной русской государственной власти и путем откола многих лимитрофов как можно больше сузить границы России. Такими методами английские империалисты стремились оградить себя от русской конкуренции прежде всего на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке. Эта политика, проводившаяся применительно к царизму, продолжалась Лондоном и в отношении советской власти.

В свою очередь министр иностранных дел Франции Аристид Бриан также серьезно рассчитывал на крах советской власти. Штреземан по поводу одной встречи с ним, состоявшейся в сентябре 1926 года, записал в своем дневнике следующее: «Разговор насчет России: Бриан считает, что большевистский режим не продержится долго. Повсюду своя политика. Украина и Грузия хотят стать самостоятельными»¹.

Нет надобности подчеркивать, что эта позиция английских и французских империалистов не могла не придавать смелости влиятельным господствующим группам Германии в проведении их антисоветского курса. Что касается Грёнера и его круга, то мы видели, как они поощряли «политику в отношении лимитрофов». Если взять наиболее агрессивные разновидности германского империализма, то они мыслили точно так же, как и официальные круги Англии. Пангерманский союз, который в качестве ведущего объединения реакции то и дело оказывался причастным к попыткам государственного переворота, направленного на ликвидацию Веймарской республики, придерживался следующей точки зрения:

«Нам не нужна Великая Россия, нам надо, чтобы это было русское государство, от которого отойдет ряд лимитрофов. Последние, став самостоятельными, будут препятствовать проведению сильной русской политики»².

¹ Gustav Stresemann, *Vermächtnis*. Bd. III, S. 23.

² Письмо главного редактора и члена правления Пангерманского союза майора в отставке фон Рёдера австрийскому фельдмаршал-лейтенанту Алоису Покорному от 14 ноября 1923 года. (DZA, Potsdam, Alldeutscher Verband, Hauptleitung. Akten 1923, Abt. 20, Folge 23.)

Политику насилия и расчленения огромного государства на востоке пангерманисты обосновывали аргументами расистского пошиба. Вскоре их мотивировку подхватили нацистские лидеры. На заседании руководства Пангерманского союза, состоявшемся 6 февраля 1921 года, докладчик барон фон Мантейфель-Катцданген, бывший владелец двенадцати поместий в Латвии и один из вдохновителей военных действий в Прибалтике в 1919 году, заявил, что «Россия была государством, которое создали германцы, в котором господствовали германцы и на которое германцы оказывали решающее влияние. Теперь же оно распадается вследствие постепенного оттеснения и поглощения германского высшего слоя... Мировая история предназначила для Германии роль колонизатора Востока. На Восток хотим мы скакать»¹.

Согласно этой концепции, славяне и другие народы, населявшие царскую Россию, без немцев были обречены на бессильную осуществить что-либо положительное анархию, ибо им не хватало умения обеспечить самостоятельное экономическое и государственно-политическое развитие. Лишь в том случае, если на тело этой славянской массы посадить германскую голову, снова сможет возникнуть нечто конструктивное.

Это было не только расистской наглостью, но и архиреакционной точкой зрения в социальном аспекте. Ибо наряду с этим тезисом о германском превосходстве выдвигалось и утверждение, что только социальная верхушка в состоянии управлять страной. Не только славяне, но и народные массы вообще не признавались слоем, способной на создание государства.

Такой взгляд всегда был в корне неверным. Окончательно он был опровергнут ходом истории после 1917 года. На месте России царей, при дворе которых немецкие аристократы играли известную роль, на месте России слабой, коррумпированной, разложившейся, находившейся в экономической зависимости от заграницы, именно народные массы под руководством коммунистической партии построили самое мощное и самое стабильное государство

¹ DZA, Potsdam, Alldeutscher Verband, Geschäftsführender Ausschuß, 5. und 6. Februar 1921, Abt. 3, Folge 28, Mappe 1. (Verhandlungsbericht über die Sitzung des Geschäftsführenden Ausschusses in Berlin am 5. und 6. Februar 1921.)

на земле, государство, не имеющее себе равных по грандиозному экономическому и культурному развитию.

Плагиатором цитированных выше пангерманских идей был Альфред Розенберг. Он выходец из Ревеля (нынешней столицы Советской Эстонии Таллина), где вел свою пропаганду среди прибалтийских немцев антисемитско-пангерманистского толка. Спасаясь от Октябрьской революции, он бежал в Мюнхен. Здесь он, примкнув к Гитлеру, стал собирать прежде всего говорящих по-немецки эмигрантов, которые бежали с советских территорий и которых мы знаем уже по заговору, организованному Детердингом — Гофманом — Эрхардтом — Крессом в союзе с грузинским белогвардейцами, и по многим другим антисоветским проникам. Эти бароны: фон Клейст, фон Мантейфель и фон Курсель — восхваляли все ту же теорию о германском господстве над славянами, которую впоследствии заимствовали и исповедовали письменно и устно Гитлер и Розенберг. Правда, это было глупое измышление, но нацистские вожаки со всей серьезностью положили его в основу своей политики германо-английского союза против Советской России, и Розенберг заявил о готовности Германии защищать интересы Англии на русской границе.

В разгар акции Детердинга, Гофмана и Кресса фон Крессенштейна в центральном издательстве нацистской партии вышла брошюра «Будущий путь германской внешней политики». В этой брошюре, относящейся к 1926 году, Розенберг, который отвечал в гитлеровской партии за внешнюю политику, а после нападения на Советский Союз стал «имперским министром восточных областей», проповедовал союз с Англией и создание блока государств, «охватывающего Англию, Германию, Италию и будущую Украину»¹.

В то же время центральный орган нацистской партии «Фолькишер беобахтер», главным редактором которого был тот же Альфред Розенберг, опубликовал статью, где отмечалось, что «готовится окружение Советской России... и что за этим предприятием стоят определенные английские круги»². В связи с этим, по словам газеты, становился

---

¹ F. Th. Hart, Alfred Rosenberg, München 1933, S. 61.

² «Фолькишер беобахтер», 26—27 сентября 1926 года.

«актуальным и украинский вопрос», что предоставляло Германии «возможность для активной внешней политики»¹.

Из другой статьи, помещенной в той же «Фёлькишер беобахтер», со всей очевидностью явствовало, что руководство нацистской партии в двадцатые годы стало инструментом политики Детердинга, что Гитлер и Розенберг уже тогда интенсивно разжигали вражду между Германней и Советским Союзом, вынашивая конкретные военные планы, и что эта политика в принципе согласовывалась с политикой генералов рейхсвера и других групп германского империализма. Статья призывала к «участию великих держав в мощных усилиях Украины и Кавказа, стремящихся обрести самостоятельность». «Совершенно естественно,— говорилось далее в ней,— что великие державы и особенно Англия рано или поздно будут вынуждены заняться украинско-кавказским вопросом: ибо отторжение от Москвы столь богатой области чрезвычайно ослабит Россию... А уж если Украина будет отделена от Москвы, то и весь советский режим автоматически распадется»².

Чтобы разжечь аппетит империалистов, главный орган нацистской партии подробно расписал все, чем можно поживиться на Украине: «богатые залежи нефти и руды», «широкая сеть рудников», «богатое сельское хозяйство», «большие возможности производства чугуна» и т. д.

Далее в статье была дана характеристика различных групп украинских эмигрантов. Группой, с которой гитлеровская партия полностью солидаризировалась через свой центральный орган, была УВО Коновалца и Полтавца — Остраницы, то есть как раз та группа, с которой были связаны министерство рейхсвера и министерство иностранных дел. Подытоживая, «Фёлькишер беобахтер» закончила статью советом:

«Небольшой решительный удар, поддержанный великими державами, обеспечит через короткий срок отделение Украины от Москвы ...»³

В представлениях и в практике антисоветских деятелей проблемы Кавказа и Украины сливались в одно целое. Нюрнбергский фабрикант и «специалист по Украине» В. Шмидт проиллюстрировал это на процессе подделывателей червонцев. Рассказывая о том, как он через при-

¹ «Фёлькишер беобахтер», 26—27 сентября 1926 года.

² «Фёлькишер беобахтер», 13 июля 1928 года.

³ Там же.

балтийских немцев примкнул к генералу Гофману и стал разделять его устремления, он на последовавший затем вопрос председателя суда о том, что это были за устремления, ответил следующее:

«Они заключались в отторжении богатого юга Советского Союза, Кавказа и Украины, в создании на Черном море союза независимых государств и *ввозе туда частных капиталов западных держав*¹. (Курсив мой.— A. H.)

Здесь Шмидта прервал его защитник, который спросил его, верно ли, «что намечавшийся захват Южной России был продуман вплоть до мелочей, что были подготовлены наземные и воздушные коммуникации и что были установлены тайные связи...» Обвиняемый ответил:

«Все это обсуждалось в германо-английских кругах очень подробно, вплоть до мелочей... Генерал Гофман имел контакты с крупнейшими экономическими силами; он поддерживал связь с английским нефтяным концерном. Когда он встречался в отеле «Адлон» с руководителями экономики, то речь, разумеется, шла не о создании общества для свержения большевизма, общества с председателями и секретарями; там обсуждались чрезвычайно важные экономические вопросы... В интересах Германии... было... работать в таком направлении, чтобы *на юге России, в этом богатейшем районе мира, была создана экономическая система, которая была бы приспособлена к системе Европы*. Это отвечает интересам и нефтяных магнатов...»² (Курсив мой.— A. H.)

Здесь в расчете на классовые симпатии судей обвиняемый выболтал то, о чем думали и на что держали курс руководящие круги германских империалистов и что Гитлер в 1941 году попытался претворить на практике. Какая там «большевистская тирания»! Какая там «западная свобода»! Речь шла просто о грабеже, об «экономической эксплуатации». Движимые алчностью крупные капиталисты жаждали заполучить «богатейший район мира». Такова была истина, и через наивно-циничное признание Шмидта она стала известна даже в зале Моabitского суда в Берлине.

¹ «Роте фане», 10 января 1930 года.

² Показания обвиняемого Шмидта на процессе подделывателей червонцев. «Франкфуртер цайтунг», 10 января 1930 года, а также «Роте фане», 10 января 1930 года.

Правосудие на стороне преступников

Как вообще дело дошло до процесса подделывателей червонцев? Почему влиятельные частные и официальные круги, которые на протяжении долгих лет прикрывали антисоветских преступников, не оградили своих подопечных от скамьи подсудимых? Разумеется, дело никогда не дошло бы до открытого судебного разбирательства, если бы их махинации были успешными. Но события развернулись так, что избежать открытого процесса было невозможно.

Летом 1927 года в управление по делам, связанным с подделкой денег, с разных сторон стали поступать сигналы о появлении фальшивых червонцев в городах Германии, и прежде всего в Берлине. В начале августа комиссар уголовной полиции фон Либерман задержал в одном берлинском банке инженера д-ра Беккера при попытке обменять фальшивые червонцы на немецкие марки. Вслед за этим было установлено, что Беккер возглавляет техническое бюро крупной машино- и паровозостроительной фирмы «Маффей и Шварцкопф» в Мюнхене и что он крайний националист. «Большевизм хочет уничтожить все устои цивилизации», — заявит он позднее на суде, чтобы оправдать свой «цивилизованный» поступок — подделку денег.

Идя по следу, власти в дальнейшем натолкнулись на грузинского эмигранта Садатьерашили. Его хотели арестовать в его мюнхенской квартире, но там застали не его, а Карумидзе, которого не тронули. В результате Карумидзе смог ускользнуть и пустить в ход всю систему предсторожения. Садатьерашили был задержан во Франкфурте-на-Майне 11 августа 1927 года в тот момент, когда он собрался было бежать. В его чемодане были обнаружены шесть типографских клише для изготовления советских бумажных денег и два письма из Франкфурта, из которых было видно, что друзья оборудовали ему там помещение для типографии.

Если бы ущерб был нанесен только Советскому Союзу, власти, пожалуй, посмотрели бы сквозь пальцы на это

Zulässiges Amt.

V Str
Akten

bereitstehend:

aus dem 1. bis 10. April 1928 und den folgenden Monaten und
bis 1928 mit den übrigen Monatsangaben im
Anschluss daran.

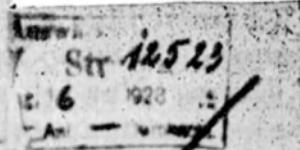
mit Zeitung Band 1.

7 Kolumnen pro Seite vom 7. April 1928 bis 1928

Band 1. bis Foto (mög) 1928

Rechtsfachen.

99 aufh. I
Nr. — Allgemein

Aufzeichnung

Das Preussische Justizministerium (Ministerialrat Wiechmann) teilte mir heute telefonisch mit, die Staatsanwaltschaft beim Landgericht I habe das Preussische Justizministerium wissen lassen, dass sie beabsichtige, die Reichsausheftung auf die an den Tschirwonzefälschungen beteiligten Angeklagten anzuwenden, da es sich um eine Straftat handele, "die aus politischen Beweggründen begangen worden sei".

Германское правительство в 1928 году пыталось избежать неприятного процесса по делу фальшивомонетчиков, применив к ним амнистию.

дело. Но здесь понесли ущерб и немецкие получатели денег, в данном случае берлинские банки. Это было уже слишком много. Там, где дело касается денег, нет места благодушию. Правда, через несколько недель после первых арестов полицейские и юридические инстанции поняли, что эта афера имеет международно-политическую подоплеку, что за фальшивомонетчиками стоят другие лица. Но было уже слишком поздно: замять дело оказалось невозможным. Ибо уже с начала сентября 1927 года общественность была информирована и встревожена в связи с многочисленными сообщениями и статьями в прессе. Но еще представлялась возможность повести следствие черепашими темпами и притом в безопасном направлении.

Чья-то таинственная рука предпринимала целый ряд попыток предельно сузить рамки разбирательства, не допустить, чтобы были названы имена подлинных виновников, а тем более, чтобы они предстали перед судом, и по возможности вообще не допустить проведения судебного процесса. Был создан специальный орган по вылавливанию подделывателей червонцев во главе с судебным следователем ландгерихтсратом Крюгером и прокурором Васмундом. Нет нужды подробно рассказывать, кто были эти два человека. Это сделал сам арестованный д-р Вебер, который, сидя в следственной тюрьме, писал в одном перехваченном нелегальном письме:

«Прокурор и судебный следователь — хорошие националисты. Главных виновников ищут в других странах, но те, по-видимому, не выдадут. Для нас очень хорошо»¹. (Курсив мой.— А. Н.)

Насколько явно судебный следователь и прокурор держались как пособники преступников, видно из всех фаз предварительного следствия.

Международный шпион Белл был арестован в мае 1928 года. Хотя он уже привлекался к судебной ответственности по обвинению в шпионаже и против него имелся серьезный материал, его уже в июле освободили из заключения.

25 ноября 1927 года «Берлинер бёрген-курир» писала: «В Гамбурге уполномоченные группы «Шелл», то есть сэра Генри Детердинга, действовали так, что их тесная

¹ DZA, Potsdam, Reichsgericht, Nr. 3383. Strafsache gegen Sandathieraschwili u. Gen., Bl. 292.

политическая связь с грузинами вряд ли может уже подвергаться сомнению». То же самое заявляли и другие газеты.

Судебный следователь Крюгер, правда, допрашивал этих служащих концерна «Шелл» в Гамбурге¹, но общественность так ничего и не услышала о них. На процессе эта сторона дела тоже совершенно не освещалась, ибо могущественный нефтяной король был для господствующих кругов Германии и их правосудия стыдливой мимозой, к которой нельзя прикасаться.

Парижские власти временно задержали пресловутого Кедиа, начальника Карумидзе, и барона фон Штейнхайля, прибалтийско-белогвардейского компаньона Карумидзе. Но Крюгер и Васмунд даже не потребовали их выдачи. А другие прибалтийские бароны из соучастников, которые тоже должны были бы попасть на скамью подсудимых, превратились в свидетелей защиты. На суде они принесли клятву как свидетели, и их показания в значительной мере способствовали вынесению благоприятного для обвиняемых приговора.

Больше того, Советское правительство попросило разрешения ознакомиться с материалами дела, так как речь шла об афтере, которая должна была нанести и действительно нанесла ущерб Советскому Союзу. Законная просьба натолкнулась на резкий отказ. Вместо этого произошло нечто другое. Все материалы предварительного следствия по пути из Берлина в Мюнхен (почему их вообще туда отправили?) временно исчезли². Каждый протокол допроса, каждое распоряжение судебного следователя и прокурора, в том числе и самые секретные материалы предварительного следствия, каждая страница из папок с документами были пересняты на фотопленку и отосланы в Англию, «хотя документы находились под строгой охраной и хранились в сейфах», как впоследствии заверяла

¹ «Берлинер бёрзен-курир», 9 декабря 1927 года.

² Следственный материал по делу подделывателей червонцев состоял из:

19 томов основного материала (4048 листов),

2 томов препроводительной почты,

1 папки приложений к тому протоколов,

1 специальной папки и

3 томов дополнительного материала. (DZA, Potsdam, Reichsgericht, Nr. 3383, Bl. 1 f.)

Материалов по этому делу в архивах Германской Демократической Республики обнаружить не удалось.

«Берлинер тагеблатт» в своем номере от 3 января 1930 года. Детердинг, Нобель и неарестованные обвиняемые (как раз в то время, когда документы пересылались в Мюнхен, там находился освобожденный из-под ареста Садать-ерашвили) были предупреждены, знали во всех деталях содержание показаний и были осведомлены о шагах, предпринятых властями. В результате они смогли сделать все необходимое, чтобы замести следы, предупредить еще не обнаруженных соучастников и вновь привести в порядок поврежденную сеть заговора.

Кто похитил документы или кто с готовностью передал их в чужие руки? Этого человека можно назвать безошибочно: то был обвинитель, которого так расхваливал Вебер. Прокурор д-р Васмунд принадлежал к коррумированному кругу в полном смысле слова и находился на содержании у самого известного берлинского спекулянта того времени Склярека. Когда «Роте фане» разоблачила это, человек, который в течении двух с лишним лет так вел следствие, что заметались все следы, был снят с поста. Это произошло за четыре дня до начала процесса подделывателей червоицев, на котором он должен был представлять обвинение. Однако один ворон не выклевывает глаз другому, и Васмунд не был отдан под суд. Ведь тогда выяснилось бы, что происходило за кулисами следствия по делу о подделывателях червоицев и какие суммы, от кого и кому текли в карманы в качестве мзды за готовность информировать и выгородить пахнущих нефтью и занимающих правительственные посты инспирантов этих фальшивомонетчиков, за готовность скомпрометировать и замять все следствие.

Стремясь скрыть неприглядные факты, Крюгер, Васмунд и инстанции прусского министерства юстиции, которым они подчинялись, увенчали усилия, направленные на замазывание дела, попыткой вообще приостановить следствие и амнистировать обвиняемых. 16 июля 1928 года прусское министерство юстиции сообщило по телефону министерству иностранных дел, что прокуратура при I земельном суде намеревается «применить имперскую амнистию к обвиняемым по делу подделывателей червоицев»¹. Мотивировалось это тем, что обвиняемые руководствовались «политическими соображениями».

¹ DZA, Potsdam, Auswärtiges Amt, Nr. 26354, Bl. 1 und 2.

Помимо того, что это означало бы поощрение преступников за ущерб, нанесенный Советскому Союзу, освобождением от наказания, сама мотивировка была абсолютно неверной, поскольку на деле подделка червонцев служила обвиняемым для легкого обогащения. Когда Садатьерашивили уезжал из Мюнхена, чтобы фабриковать фальшивые червонцы во Франкфурте-на-Майне, он, прощаясь со своей невестой, сказал ей: «Молись за мою удачу, тогда мы скоро сможем обзавестись своим домом»¹.

Белл пустился из Мюнхена в путешествие по Балканам и Турции со значительным количеством фальшивых червонцев, и большую долю выручки он положил в свой собственный карман. Его уличили после того, как он выманил у одного крупного баварского коммерсанта, по фамилии Ригер, много тысяч марок, пообещав ему за это раздобыть титул болгарского консула. Обвиняемого Шмидта он тоже заставил солидно раскошелиться. Книготорговец Бёле, устроивший во Франкфурте-на-Майне типографию для печатания фальшивых денег, также заработал на части этих денег, полученных им в качестве платы за помещение типографии.

Все они, конечно, ненавидели Советский Союз. Но стоит ли затевать антисоветское предприятие, если при этом самому нельзя погреть руки? То, что капиталистические олимпийцы делают в крупном масштабе, их подчиненные реализуют в мелком: они занимаются подделками и не доверяют друг другу, обманывают и потихоньку опускают кое-что в собственный кошелек. Антисоветские акции и нечистые частные дела крепко переплетаются в единое, неразделимое целое, а «спасители Европы от большевистской чумы» оказываются самыми обычновенными грязными людьшками. Применить к ним амнистию означало не только политически солидаризироваться с ними, но и закрыть глаза на их уголовные правонарушения.

Для поддержки намерения прокуратуры защитник обвиняемых направился в министерство иностранных дел, чтобы неприкрыто угрожать там, «что в случае судебного разбирательства речь может зайти о том, что было бы неприятно министерству иностранных дел... В частности, Белл подчеркивает, что инкриминируемые ему

¹ «Роте Фане», 24 января 1930 года.

действия совершались с ведома министерства иностранных дел. Речь шла и об участии молодого Штреземана...»¹
(Курсив мой. — A. H.)

19 июля 1928 года начальник отдела прусского министерства юстиции Губер сообщил министерству иностранных дел, что «есть другие имперские ведомства, которые были бы рады, чтобы процесс не состоялся»².

И действительно, вакационное отделение I земельного суда в Берлине 27 июля 1928 года приняло решение приостановить разбирательство дела в отношении всех обвиняемых и отменить приказы об их аресте³.

Так и было сделано. Были освобождены Садатьерашивили, Белл, которые сразу исчезли, получив таким образом, возможность согласовать свои предстоящие показания и замести еще не обнаруженные следы фальшивомонетчиков.

Министерство иностранных дел поддерживало юридических покровителей фальшивомонетчиков. Об этом свидетельствует один эпизод, который имел место 30 июля 1928 года в советском посольстве в Берлине и о котором мы узнали из документов министерства иностранных дел. В присутствии советского посла в здании посольства состоялась беседа народного комиссара иностранных дел Литвинова, находившегося тогда в Берлине, с представителем министерства иностранных дел фон Дирксеном. В этой беседе был затронут и вопрос об освобождении подделывателей червонцев. Согласно сохранившейся записи Дирксена, Литвинов дал понять, что «если этот шаг станет известным советской прессе, он вызовет большое возбуждение». Дирксен пишет: «Я ответил, что пусть «Правда» поместит яростную статью и не занимается больше этим вопросом»⁴.

Но своим цинизмом господа из прусского и имперского правительства ничего не добились. Представители советского посольства сделали очень энергичный демарш министерству иностранных дел, и создалась угроза официального и письменного объяснений между советским и имперским правительствами, причем позиция последнего

¹ DZA, Potsdam, Auswärtiges Amt, Nr. 26354, Bl. 8.

² Ibid., Bl. 12.

³ Ibid., Bl. 25.

⁴ Ibid., Bl. 39.

даже с точки зрения буржуазного права была бы чрезвычайно невыгодной.

Дело в том, что в это время в Ленинграде провалилась банда Шиллера, и при проверке обнаруженных у нее фальшивых червонцев выяснилось, что они происходят из мюнхенской мастерской и что Шиллер получил их в Берлине через русского белогвардейца Гаральда Зиверта. Зиверт, с которым Карумидзе, как он позднее признал на процессе, поддерживал связь, занимал видное место в списке любимцев прусских и имперских властей из числа выходцев из царской России. За его фальшивки ему — из налоговых средств, собранных с немецкого населения, — регулярно выплачивали немалую сумму.

Факты, ставшие известными из показаний Шиллера и его сообщников и предъявленные советской стороной германским правительственные инстанциям, сделали невозможными какие бы то ни было увертки. Перед лицом столь явных и законченных преступлений, совершенных против державы, с которой Германия регулярно поддерживала официальные отношения, пришлось возобновить разбирательство.

В итоге германские власти не могли не пойти на организацию процесса. Но методы проведения носили поистине скандальный характер и в этом отношении никак не уступали предварительному следствию, которое было растянуто на два с четвертью года. Председатель судебный советник Вартенбергер обращался с обвиняемыми преступниками с такой изысканной вежливостью и галантностью, какие уместны лишь в отношении единомышленников. Он ни разу не говорил с ними в таком тоне, какой германские классовые судьи постоянно позволяли себе в отношении коммунистов. На суде создавалось впечатление, будто обвиняемых добродушно уговаривают, и нетрудно было распознать общность убеждений судей и подсудимых.

Суд, который был бы заинтересован в искоренении преступлений, в подлинном улучшении германо-советских отношений, должен был бы позаботиться о глубоком изучении вопроса, о выяснении взаимосвязи фактов, о вскрытии движущих сил независимо от их местонахождения. Если бы того пожелали организаторы процесса, суд можно было бы превратить в подмостки, на которые оказались бы извлечеными все инспираторы

G. I. 6. 1934

~~Wissat~~

288675

an den Reichsgericht
Bundesrepublik

~~Röbel~~

aus der Röbel vom 22. 5. K.

- II c 322 8/34 - auf Antrag wurde

gefordert und

der Gesuch Schied und Konsulte

auszurichten an

~~Min. 28/1934~~ a. nach dem Rechte
~~des 27. 1. 1934~~ gegen die Haftung eines Zwey-
~~teils~~ e. Konsulte erlaubt. da
durch die amtsgerichtliche Inspektion
die Inspektion gegen die Haftung, aber bei best-
immten Anträgen auf Verhandlung zu verzichten
ist, was gereicht für ausführlich zu
achten. da die Rechtmäßigkeit
der Anträge ist, die in Tabelle,
die in einem Antrag einer Art
gegen die Haftung in Verhandlung
führt, nicht gegeben. Da es dann
die Anträge mehrfach enthalten
wurde ist es zweckmäßig die An-

Нацистское правительство награждает подделывателей
червонцев за усердие.

Когда чиновники министерства иностранных дел в проекте письма прусскому министерству юстиции выразили сомнение в целесообразности амнистирования подделывателей червонцев, министр иностранных дел фон Нейрат сделал 28 июня 1934 года следующую пометку на полях проекта письма: «Я придерживаюсь иного мнения и прошу не выдвигать возражений против намечаемой амнистии». Так оно и было на деле.

Das Urteil der Berliner Arbeiter über die Tscherwonzenfälser

Massenkundgebungen des „Bundes der Freunde der Sowjetunion“

Am gestrigen Abend versammelten sich in Berlin zahlreiche Tausende Arbeiter und Arbeiterinnen aus allen Teilen Berlins zu Kundgebungen gegen die sogenannten Tscherwonzenfälser. Die Kundgebungen fanden überall über die Stadtgrenzen hinaus überall statt.

Die Arbeitnehmer forderten einstimmig Abschaffung dieser unfairen Angestellten. Da es gegen die berühmte zehntägige Kämpferkundgebung gegen die antikommunistischen Berufsverbände, die am 22. Dezember v. Chr. in Berlin verhängnisvolles Werk gespielt.

Um 19 Uhr versammelten sich tausende Arbeiter in den Werksräumen der Eisenbahn in ihrem Viertel und da.

Um 20 Uhr war auf allen öffentlichen Plätzen der Tscherwonzenfälser in der Zeit, die er zur Zensurverhinderung nutzte, bei diesen Kundgebungen gegen die „Berndler“ auf dem Platz vor dem Reichstag die anhaltenden Kundgebungen nicht mehr.

Um 21 Uhr war auf dem Platz vor dem Reichstag die anhaltenden Kundgebungen im Ballungsbereich finanziell. Mit großem und sehr lautem und laufendem Marschmarsch von den Reihen der Arbeiter und Arbeitern die aufgestellt waren, wurde die Kundgebung abgebrochen.

Die Kundgebungen wurden nach der Beendigung des ersten Tages auf weiteren Plätzen und in verschiedenen Teilen der Stadt fortgesetzt. Am 23. Dezember fand eine Kundgebung gegen die Berndler in der Nähe des Reichstags statt, als der Reichstag zu seinem zweiten Sitzungsjahr eröffnete.

In den nächsten Tagen folgten weitere Kundgebungen.

Am 24. Dezember fand eine Kundgebung auf dem Platz vor dem Reichstag statt, als der Reichstag wieder aufgenommen wurde.

Am 25. Dezember fand eine Kundgebung auf dem Platz vor dem Reichstag statt.

22 января 1930 года «Роте фане» сообщила о трех состоявшихся накануне вечером массовых митингах, на которых берлинские рабочие протестовали против грязных дел подделывателей червонцев и их инспирированных. (Снимок вверху.) Когда в 1929 году китайские белогвардейцы по наущению и за деньги английских империалистов спровоцировали вооруженный конфликт с Советским Союзом, по Берлину прокатилась волна многотысячных манифестаций в защиту советского государства. (Снимок внизу.)

и все актеры, участвовавшие в спектакле вместе с фальшивомонетчиками. Но Моабитский суд во всех отношениях поступал как раз наоборот. Возможность осушки болота фальшивомонетчиков осталась неиспользованной.

В течение месяца, пока длился процесс, трения возникали лишь в том случае, когда обвиняемые, стремясь выгородить себя, пробовали выложить кое-что о своих неофициальных руководителях — должностных и недолжностных лицах внутри и вне Германии. Тогда председателю было не до шуток, он обрывал их, не давая говорить. Ибо он представлял общие интересы финансистов и их правительства, интересы, уже сильно пострадавшие из-за того, что многое проникло в прессу. Когда делалась попытка сказать что-либо относящееся к подлинной подоплеке, это разрешалось лишь при закрытых дверях. И не будь мужественно выступавших коммунистов и их «Роде фане», общественность, пожалуй, никогда бы ничего не узнала о соучастии рейхсвера и министерства иностранных дел.

Классическим примером предвзятости суда был допрос капитана Эрхардта. Хотя Эрхардт был одним из тех, кто стоял в центре заговора, обвинение его не коснулось, и на суде он предстал в качестве свидетеля. Для охраны Эрхардта — убийцы фон Эрцбергера и Ратенау, перманентного путчиста против республики, в Моабит был вызван большой наряд полиции. Произошел небывалый в истории Моабитского суда случай: в этот день всех лиц, находившихся в зале суда, перед появлением Эрхардта подвергли обыску, чтобы установить, нет ли у них при себе оружия. Когда Эрхардт вошел в зал, судья и адвокаты отнеслись к этому запятнавшему себя кровью врачу республики с изысканной предупредительностью, помогая ему преодолевать в ходе допроса все затруднения.

Стремясь снять вину со своих подзащитных, адвокаты старались изобразить обвиняемых лишь как исполнителей вышестоящих кругов, что, говоря по справедливости, точно соответствовало действительности. Но господа в судейских мантиях как раз не были заинтересованы в выяснении истины. И вот на суде произошла следующая сцена: «Зашитник Бер. Я утверждаю, что Каумидзе показывал свидетелю Эрхардту эскизы фальшивых червонцев и что Эрхардт позднее взял две фальшивых банкноты и одну из них даже показал генералу Гофману.

Эрхардт. Карумидзе показал мне червонцы... но сказал, что они настоящие.

Бер. Свидетель господин Курсель утверждает обратное. Между прочим, Вы заявляете, что у Вас не было связного с грузинами. Но он сидит здесь в зале.

Эрхардт. Я не знаю, кого Вы имеете в виду.

Председатель (успокаивающе). Я прошу все же ограничить наводящие вопросы.

Бер. Не по вашему ли указанию, господин свидетель, финансировалась лондонская поездка Гофмана к Детердингу?

Эрхардт. Меня лишь просили об этом.

Прокурор. Получал ли Карумидзе денежную помощь от английских политических деятелей? Назовите их фамилии.

Эрхардт. Денежной помощи Карумидзе не получал. Имен мне не хотелось бы называть.

Зашитник Зак (обращаясь к Эрхардту). Когда осенью 1926 года состоялась Ваша беседа с генералом Гофманом, преследовались ли при этом только экономико-политические или же и военно-политические цели? (*Председатель хочет прервать Зака, но тот продолжает спрашивать.*) Не обсуждался ли и вопрос о совместных действиях с английскими экономическими кругами?

Эрхардт. О беседе с Гофманом я не буду давать никаких показаний.

Зак. Но так дело не пойдет. Верно ли, что осенью 1926 года Эрхардт на основе разработанного плана военных действий обсуждал с Гофманом вопрос об осуществлении политических и экономических планов эмигрантов на Кавказе?

Председатель (который хочет, чтобы Зак замолчал и чтобы на вопрос не было дано ответа), обращаясь к Эрхардту. Вы ведь уже говорили о предполагавшемся отделении Грузии. Для нас этого достаточно.

Эрхардт (понимая намек). Об этом я не хочу давать показаний¹.

Какая конспирация! Какая тонкая сыгранность между судьей и бандитом! Венцом всего этого была защита молодчика, о котором каждому было известно, что лишь благодаря его помощнику мог до известной степени успешно осу-

¹ «Роте фане», 31 января 1930 года.

ществляться международный белогвардейский заговор и на германской территории могли фабриковаться фальшивые червонцы.

Насколько стыдливо и ревностно судья старался прикрыть корни преступлений, чуть только они обнаружились, настолько он вместе с тем охотно и внимательно прислушивался ко всем оскорблению в адрес Советского Союза. Фашист Вебер уже на второй день процесса мог беспрепятственно позволить себе злостные антисоветские выпады. На десятый день процесса руководитель грузинских белогвардейцев в Германии Маргвелашвили, фигурировавший в роли свидетеля, сделал на суде подробное заявление, полное грязной клеветы на Советский Союз, а затем в таком же духе выступил и меньшевик Ахметели, который, между прочим, солидаризировался с обвиняемыми и восхвалял Каумидзе как образец патриота.

Какими были предварительные следствие и процесс, таким был и приговор. 8 февраля 1930 года Беккер, Бёле и Шмидт были оправданы, дело против Каумидзе, Садатьерашивили и д-ра Вебера было прекращено в связи с амнистией, и единственный приказ об аресте (он касался Садатьерашивили) был отменен. Приговор превозносил обвиняемых и благородные мотивы их действий. Зал разразился бурей восторга. Преступники, которые, к их собственному удивлению, были возведены в ранг людей, чья честность не нуждалась в документальных доказательствах, обнимались; громкие крики «браво!» раздавались из зала, публика бурно приветствовала решение суда.

То был настоящий скандал. Если рассматривать вынесенный приговор, исходя не из весьма шатких юридических мотивировок суда, а, как и подобает, из соображений политического характера, то это была пощечина 150 миллионам советских граждан и всем немцам, считавшим, что хорошие отношения с советским государством жизненно необходимы для самой Германии.

«Заявите,— сказал в своей речи один из защитников,— заявите в своем приговоре, господа судьи, что советское правительство стоит выше права и закона, и на основании этого оправдайте обвиняемых»¹.

¹ «Роте фане», 9 февраля 1930 года.

Суд не заставил повторять себе это. Его приговор был как бы охранной грамотой для любого белогвардейского преступления, для любой антисоветской подделки документов или денег. Это было объявление войны.

Среди советской общественности оправдательный приговор антисоветским уголовным преступникам вызвал бурю негодования.

«Правда» писала с возмущением:

«Оправдательный приговор фальшивомонетчикам — это не только поощрение для всех врагов СССР... это прежде всего — один из участившихся в последнее время симптомов перехода ответственных германских кругов на позиции явной враждебности по отношению к СССР»¹.

Правительственный орган «Известия» рассматривал приговор как вызов Советскому Союзу:

«Защита провозгласила принцип, что всякое выступление против Советского Союза соответствует внутриполитическим интересам Германии... Берлинский суд целиком и полностью воспринял этот принцип, показав, что преступление, доказанное и очевидное, перестает быть преступлением, если оно направлено против Советского Союза»².

По словам Гильгера, занимавшего тогда пост советника германского посольства в Москве, посол фон Дирксен в телеграфном сообщении, отправленном в Берлин, выразил мнение, что обвиняемые не должны избежать наказания, если в Берлине не хотят создать впечатления, что преступления против Советского Союза в Германии вообще не наказуемы. Гильгер продолжает:

«Когда обвиняемых безо всяких оправданий были поражены почти так же, как сам народный комиссар иностранных дел Литвинов. Литвинов назвал это решение катастрофичным для германо-русских отношений и заявил, что со времени нападения на советское торговое представительство в Берлине в мае 1924 года не произошло ничего более рокового, как этот приговор»³.

К преступной подделке червонцев прибавилось еще одно преступление — оправдание фальшивомонетчи-

¹ «Правда», 9 февраля 1930 года.

² «Известия», 9 февраля 1930 года.

³ Gustav Hilger, Wir und der Kreml, Frankfurt-am-Main 1955, S. 220.

ков. Но снаряд, выпущенный против Советского Союза, оказался бумерангом. Правда, прусское министерство юстиции (прусское правительство со времени Ноябрьской революции 1918 года до лета 1932 года возглавлялось социал-демократами!) сделало все, что было в его силах, чтобы прокуратура не опротестовала оправдательный приговор. Но тут последовали дипломатические шаги советского правительства, которое, разумеется, не могло примириться с наглым выпадом, каковым являлся этот приговор. К этому присоединился другой, еще более серьезный для немецких властей фактор — начавшийся мировой экономический кризис, который особенно сильно сказался на Германии. Америка отменила кредиты. Германская промышленность теряла один за другим западные рынки сбыта. Почти единственной надеждой оставалась огромная советская страна с ее неисчерпаемыми возможностями для сбыта германской промышленной продукции. Германской буржуазии быстро стало ясно, что политическое третирование Советского Союза не может не иметь тяжелых экономических последствий для Германии.

Подобные соображения привели к тому, что летом 1930 года состоялся пересмотр дела, закончившийся осуждением Карумидзе к двум годам и десяти месяцам, а Садатьерашвили к двум годам тюремного заключения. Шмидт и Белл отделались небольшими денежными штрафами. Садатьерашвили, которому засчитали предварительное заключение, покинул здание суда как свободный и прославляемый антибольшевик. Крупная же птица улетела еще до этого: Карумидзе к тому времени уже надежно осел в Швейцарии, где на его текущий счет были перечислены десятки тысяч долларов. Таким образом, приговор остался лишь на бумаге, и судьи прекрасно знали, что он не может быть приведен в исполнение.

Приход Гитлера к власти подвел черту под этой аферой. Громкий, воинственный клич и интенсивная подготовка официальной Германии к войне против Советского Союза позволили фальшивомонетчикам считать, что их время наступило, и они снова потребовали амнистии и помилования. На сей раз именно министерство иностранных дел через министра иностранных дел барона фон Нейрата добилось вознаграждения всей шайки. Нейрат решил

«не протестовать против предполагавшейся отмены наказания»¹.

Еще в тот же день, 28 июня 1934 года, прусскому министру юстиции было направлено очень короткое, но многозначительное письмо:

«Министерство иностранных дел не имеет никаких возражений против... условного заключения»².

Министерство иностранных дел, в задачу которого входило поддержание добрых отношений с другими государствами, потребовало и добилось вознаграждения тех, чьи преступления должны были привести к разрыву германо-советских отношений.

После этого Карумидзе и Садатьерашили приехали в «третий рейх», который чтил ловких специалистов по подделкам, направленным против Советского Союза, ибо нуждался в таких людях.

Пострадал лишь один Белл. В июне 1931 года он еще раз поехал к своим доверителям в Англию, а затем снова вернулся в Германию и был прикомандирован к руководителю штурмовых отрядов Рему, что, однако, не помешало ему одновременно снабжать информацией руководящих деятелей «Черно-красно-золотого имперского знамени»³.

Позднее берлинский корреспондент лондонского журнала «Рейнольдс» писал, что Белл посетил его в Берлине два раза, в первый раз с двумя грузинами, «которые должны были привлекаться к судебной ответственности за подделку червонцев». Во второй раз «он привел с собой двух хорошо известных в Берлине национал-социалистов и, по-видимому, намеревался заинтересовать меня этим разраставшимся в ту пору движением»⁴.

Когда почва под ногами стала слишком горяча, Белл решил снова ускользнуть в Англию, но на этот раз, прибыв (3 марта 1932 года) в Харидж, он был отстранен и оказался не у дел. Как же это могло произойти с ним, чело-

¹ DZA, Potsdam, Auswärtiges Amt, Abt. V Str., Nr. 26355, Bl. 17.

² Ibid., Bl. 19.

³ Фридрих Штампфер рассказывает в своей книге «Erfahrungen und Erkenntnisse» (Köln 1957, S. 251), что Белл, будучи секретарем главы штурмовых отрядов Рема, «получал от «Черно-красно-золотого имперского знамени» 300 марок в месяц, за которые он поставлял более или менее важные сведения о своем патроне и подчиненных ему партийных группах».

⁴ «Рейнольдс», 4 мая 1933 года.

веком, который «от Батума до Лондона был известен своей антибольшевистской деятельностью»? ¹

Белл не понимал, что его цена упала потому, что он оказался слишком на виду. Секретный агент, о котором повсюду говорят и имя которого то и дело появляется на страницах газет, не очень-то уж пригоден. В свою очередь и для нацистского руководства, которое было тогда в прекрасных отношениях с Детердингом, Белл стал в высшей степени одиозной фигурой. Белл знал слишком много секретов, ему были известны финансовые связи нацистов с Детердингом и другими иностранными кругами, ему были ведомы человеческие слабости и внутренние происки руководителей партии, штурмовых и охранных отрядов. Кроме того, он в свое время давал антинацистской прессе сведения о борьбе руководства охранных отрядов против Рема. После пожара в рейхстаге он бежал, но ему не удалось уйти далеко. Гиммлер послал вслед за ним нескольких убийц, пристреливших его 5 апреля 1933 года в ресторанчике подле Күфштейна в Тироле. Это была первая тайная расправа, устроенная нацистами за пределами Германии. Несколько часов спустя убийцы доложили руководству охранных отрядов в Мюнхене о выполнении порученного им задания.

Так закончилась афера с подделкой червонцев.

Заговор сорвался благодаря силе Советского Союза, который, строя социализм, одновременно давал отпор врагам на своих границах и ликвидировал их внутри страны.

Он сорвался благодаря миролюбию народов и не в последнюю очередь благодаря КПГ, деятельно вскрывавшей его тайную подоплеку, вызывавшей своими разоблачениями смятение в антисоветских кругах официальной Германии и мобилизовывавшей внимание масс.

Он сорвался вследствие разногласий между капиталистическими державами и между группировками и лицами, участвовавшими в этом преступлении.

Наконец, заговор показал, в каком моральном болоте погрязли антисоветские элементы. Они изображали

¹ DZA, Potsdam, Auswärtiges Amt, Abt. III, Nr. 47028, Bl. 24. Цитата из письма-жалобы Белла, адресованного английскому послу в Германии 4 марта 1932 года.

себя хранителями западной культуры, но на деле были всего лишь сторожами бензозаправочных колонок Детердинга, считавшими своим долгом и желавшими снова перекачивать кавказскую нефть в хранилища его английского треста. Никакое попустительство классового берлинского суда не могло скрыть безнравственного облика фальсификаторов, начиная с их набитого миллиардами английского покровителя, который ради своих дивидендов затевал военные заговоры, и кончая немецкими фашистами, которые прикрывали голые коммерческие интересы «освободительной борьбой», выдавали свои империалистические вожделения за идеалы и маскировали пафосом патриотизма свою жажду материальных выгод. Они думали не о хороших делах, а о хороших обедах. Карумидзе, главарь представшей перед судом компании, признал, что его текущий счет в швейцарском банке, в Берне, составлял кругленькую сумму в 50 тысяч долларов¹. А его сообщники были изобличены в том, что, фабрикуя фальшивые червонцы, они прежде всего набивали собственные карманы. Бесчестно подделываться под честных людей — такова была жизненная философия этого отталкивающего сбираща, получившего для своего грязного дела лицензию высоких и самых высоких инстанций.

---

¹ «Франкфуртер цайтунг», 7 января 1930 года.

Детердинг и Гитлер

Генерал Гофман умер в 1927 году, компания подделывателей червонцев была разоблачена, политическая звезда капитана Эрхардта закатывалась. Сэр Генри Детердинг стал подыскивать новых союзников в Германии. В конце года, начавшегося с процесса подделывателей червонцев, он отправился в турне по Европе, принявшее характер настоящей инспекторской поездки с целью проверки дел своих фашистских союзников. В Румынии он жил в одном из замков короля Кароля. В Варшаве военнофашистский диктатор Польши Пилсудский вел с ним длительные беседы. В Париже он совещался с архиракционным премьер-министром Тардье, который был заодно с фашистскими союзами Франции. В Берлине он впервые открыто и демонстративно установил контакт с нацистами.

С гитлеровцами его объединяла не только безграницная ненависть к Советскому Союзу. Он был единодушен с ними в своем антигуманистическом мировоззрении, основывающемся на презрении к человеку и демократии. Этот миллиардер исповедовал веру, накладывавшую на него печать типичного фашиста. Его мемуары полны высказываний вроде нижеследующего:

«Я лично сомневаюсь в том, является ли так называемая демократия — в том виде, как ее понимает общественность большинства стран — чем-либо иным, кроме рая для лентяев... Если бы я был диктатором мира, я бы расстреливал всех лентяев, едва завидев их»¹.

Демократы ленивы. Лентяев надо убивать, коммунистов тоже, и притом в любом случае, ибо их Детердинг в беседах и письменных высказываниях называет не иначе, как «преступниками», «миром помешанных», «ворами» и «убийцами».

Демократия для Детердинга — это не что иное, как

¹ «Sir Henry Deterding, An International Oilman», London and New York 1934, p. 114, 118. Человеколюбивое пожелание насчет массовых расстрелов было выделено другим шрифтом по настоятельному требованию Детердинга.

«защита неспособных и война дельным людям». Значит, демократия должна быть заменена диктатурой. И действительно, Детердинг требовал введения принципа фюрерства, ибо людьми должен «руководить сильный человек»¹.

Детердинг очень внимательно следил за позицией партии нацистов, ему было известно, что социализм был для них лишь фирменной вывеской ради привлечения на свою сторону неосведомленных трудящихся и что в вопросах внешней политики они шли в кильватере английской политики в отношении лимитрофов. Он знал, что «Фелькишер беобахтер» придерживалась именно этой линии, что нацистская партия через свой центральный орган возражала против проведения процесса подделывателей червонцев².

Осенью 1930 года, накануне поездки Детердинга по Европе, нацисты добились значительного успеха на выборах. Число их мандатов возросло с 12 до 107. Тогда Детердинг решил признать гитлеровскую партию открыто.

10 февраля 1931 года в «Фелькишер беобахтер» появилось интервью с нефтяным королем, который с наигранной наивностью заявил, что «он не понимает», почему советская страна, «которая благодаря своим плодородным землям располагает естественной базой для крупного сельскохозяйственного производства, во что бы то ни стало должна быть превращена в промышленную страну». Детердинг не сказал, что он подразумевал под этим. А он при этом имел в виду, что аграрная страна, базирующаяся на мелких крестьянских хозяйствах, всегда бы оставалась игрушкой в руках империалистов и ей не нужны были бы нефтяные источники, которые, таким образом, лучше всего было бы снова передать их прежним иностранным владельцам.

Интервью завершалось воплем о «русском демпинге», ибо самое тяжкое преступление советской власти заключалось ведь в том, что она продавала свою нефть на мировых рынках по более дешевым ценам, чем «Ройял датч шелл», от чего, конечно, страдали прибыли сэра Генри Детердинга. И, именно ссылаясь на мнимый демпинг, он через нацистскую газету настоятельно заклинал «зайн-

¹ Ibid., p. 119.

² «Фелькишер беобахтер», 31 августа 1928 года и 31 января 1929 года.

G. S. Notiz

Mitteilung des Herrn Dr. von Stauß:

Betr.: Winterhilfswerk.

Der Reichsführerstand hat den ersten Posten der von
Deterding aus Holland zugunsten des Winterhilfswerks gestifteten
Lebensmittel abgerechnet und dafür 11,9 Millionen Mark an das
WHW überwiesen. Deterding zahlt außerdem einen monatlichen
Betrag von 5.000,- RM. an das WHW.

17.3.37

Ежегодно Детердинг пополнял нацистские кассы огромными суммами. Вот
распоречивše свидѣльство — сохранившееся среди архивных документов со-
общение гитлеровского государственного советника и банкира фон Штауса.

6. Februar 1939

Sehr verehrte gnädige Frau!

Es ist mir ein aufrichtiges Bedürfnis, Ihnen auch durch diese Zeilen zu bekunden, wie schwerlich betragen ich bin über den unerwarteten Heimgang Ihres von mir so hochverehrten Herrn Gemahls, und wie sehr ich an Ihrer Trauer teilnehme.

Es wird für mich allezeit eine stolze Erinnerung sein, dass ich mich zu dem Freundeckreis Ihres Herrn Gemahls zählen durfte, dass sich mit ihm über die geschäftlichen Dinge hinaus auch persönliche Bände verknüpft haben. Meine Gefühle aufrichtiger Verehrung und Bewunderung Ihres Herrn Gemahls werden unzweifelhaft bleiben. Ich brauche Ihnen, sehr verehrte gnädige Frau, nicht erst zu versichern, dass ich es stets als eine besondere Verpflichtung ansehen werde, mit Rat und Tat, wenn Sie dieser bedürfen, Ihnen zur Verfügung zu stehen. Möge das Revantheim, dass eine große Schar treuer Freunde Ihres Herrn Gemahls heute mit Ihnen trauert, Ihnen in Ihrem Schmerze einzigen Trost geben können.

In herzlichem Mitgefühl

Franz Charlotte Deten
Rittergut

Gerade auf ... lang hatte
mein Sohn ganz große Freiheit
gelitten in vielen Beziehungen, waren
er mir selbst kunde getan, auch
in unverhohler Form wurde
gerade erwähnt.

Zu sehr Trauer.

Franz Charlotte Deten

«... мой муж строил очень большие и разнообразные планы», — писала г-жа Детердинг в своем ответе на письмо соболезнования Германа Абса — финансового магната при Гитлере и Аденауэре.

тересованные культурные страны» принять меры, «чтобы отвести опасность, грозящую им со стороны России». То, как здесь ставились на одну доску капиталистическая прибыль и культура, как уменьшение прибылей объявлялось опасностью для культуры, устранимую лишь путем войны против Советского Союза,— все это было типично для Детердинга и, если угодно, для нацистов.

Отныне Детердинг всей своей финансовой мощью стал поддерживать гитлеровскую партию. Такие известные буржуазные публицисты Америки и Англии, как Эдгар Э. Маурер и Глин Робертс (последний в уже цитированной нами книге), совершенно отчестливо заявляют, что во время президентских выборов в Германии, состоявшихся весной 1932 года, Детердинг передал большую сумму для поддержки кандидатуры Гитлера, за что тот обещал в случае своей победы предоставить продукции «Роял датч шелл» предпочтение на германском нефтяном рынке¹.

В своем неблагородном соревновании с Детердингом американские крупнокапиталистические круги тоже финансировали нацистское движение, рассчитывая, что оно «прикончит советского дракона».

«Значительная часть излишних американских капиталов была предоставлена в виде подарков и пособий многочисленным боевым организациям нацистской партии»,— пишет один публицист, изучавший отношения Англии и США с Германией в 20—30-е годы².

В самой Германии гитлеровцы также опирались на поддержку монополистов. После второй мировой войны Нюрнбергский процесс главных военных преступников и судебное дело, возбужденное против Круппа, Флика и господ из концерна «ИГ Фарбен», показали, что Гитлер и его партия были на содержании у германского капитала. Стиннес и Тиссен, в свое время два самых влиятельных представителя германской тяжелой промышленности, поддержали Гитлера крупными суммами еще в 1923 году, что дало ему возможность ускорить путь в ноябре того же года. В Южной Германии денежную помощь Гитлеру представляли в первую очередь семейство мюнхенских круп-

¹ Edg a r A. Mowr e r, Germany puts the clock back, London 1933, p. 146, and Glyn R obert s, The most powerful man in the world, London, 1939, p. 322.

² H. W. Brood-Ryan, Göring, the iron man of Germany, London 1938, p. 72.

ных промышленников фон Маффей (с их заводов выплыли подделыватели червонцев д-р Беккер и Белл), руководитель Баварского союза промышленников тайный советник Ауст и владельцы химических предприятий Питчи. Особенно ненавистный берлинским рабочим эксплуататор, крупный фабрикант локомотивостроительной промышленности Эрих фон Борзиг тоже принадлежал к нацистам, участвовавшим в движении с момента его зарождения¹.

---

¹ Об этом свидетельствует следующее письмо, адресованное сыну Борзига:

«Д-р Фриц Детерт

23.10.1937 года

Берлин. Вест 8, Францёзише штрассе, 8

Господину дипломированному агроному

д-ру Эриху фон Борзигу

Гросс-Бенциц.

Многоуважаемый господин фон Борзиг!

Как я уже сообщал Вам устно, Ваш отец был, пожалуй, одним из первых, кто установил здесь, в Берлине, отношения с нашим фюрером и поддерживал его движение значительными средствами. Это произошло следующим образом:

Как Вам известно, я в конце февраля 1919 года прибыл непосредственно из кавалерийско-стрелковой дивизии корпуса Лютвица к Вашему отцу, чтобы в качестве личного секретаря заниматься его личными секретными делами, которые в силу их характера не могли наряду с другими делами проходить через фирму, и оставался на этой должности до апреля 1926 года. Ваш отец тогда занимал одновременно или поочередно посты председателя Объединения союзов германских работодателей, члена президиума Имперского союза германской промышленности, председателя Союза германских машиностроительных предприятий, председателя Всеобщего союза германских владельцев металлургических предприятий, председателя северогерманской группы Союза германских владельцев чугунно- и сталелитейных заводов, председателя Союза берлинских владельцев металлургических предприятий и т. д. Таким образом, он был тогда ведущим германским предпринимателем... никогда не делал секрета из своих национальных убеждений и поддерживал все национальные начинания и активистские силы. В большинстве случаев эта помощь в связи с условиями того времени проходила через мои руки и шла от моего имени. Вот несколько примеров.

Эрхардт, Росбах, Оберланд, организация «Оборонительная борьба на Руре», черный рейхсвер, «Стальной шлем» и др. получали значительную денежную помощь. Когда в 1922 году Адольф Гитлер делал свой первый доклад в красном Берлине — это происходило в Национальном клубе, за закрытыми дверями,— то был приглашен и Ваш отец. Но ввиду его болезни или отсутствия (я сейчас уже не помню точно) он не смог принять приглашение. Поэтому он поручил мне поехать туда вместо него и затем доложить ему, какое впечатление произвели на меня оратор и его выступление. Мой доклад побудил

Когда мировой экономический кризис начал заволакивать экономический и политический горизонт, Гитлер, обещая в случае его прихода к власти разгромить марксистское рабочее движение и вместе с тем начать широкое вооружение, сумел загрести огромные суммы для своей партии.

Так, например, рурские магнаты с каждой тонны угля отчисляли Гитлеру 5 пфеннигов, что в общей сложности составляло весьма солидную, миллионную сумму. Все больше промышленников и крупных аграриев (самые богатые представители высшей знати, как герцог фон Саксен-Кобург-Готский, принцы из дома Гогенцоллернов, графы фон Липпе и т. д.) усматривали в самозванном «спасителе» свое собственное спасение и, чтобы оградить Гитлера от дальнейшей катастрофической потери голосов,

---

Вашего отца присутствовать лично на втором выступлении Адольфа Гитлера в Национальном клубе, чтобы познакомиться с ним. Это выступление так захватило Вашего отца, что он поручил мне связаться с Адольфом Гитлером лично, без посредников и поговорить с ним насчет того, как и какими средствами можно распространить на Северную Германию, в частности на Берлин, это движение, имевшее тогда опору почти только исключительно в Южной Германии, главным образом в Баварии. *Адольф Гитлер охотно согласился выполнить желание Вашего отца и встретиться для беседы с глазу на глаз.* Наша встреча состоялась в ресторане «Рейнгольд» на Потсдамер штрассе.

Адольф Гитлер обрадовался обещанию Вашего отца оказать поддержку его движению... Ваш отец был вынужден ограничиться конфиденциальными беседами с несколькими убежденными националистами из среды его ближайших друзей-промышленников и убедить их в необходимости оказывать поддержку движению.

Собранные таким образом средства были затем отправлены в Мюнхен и переданы Пёнеру [доверенный Гитлера в мюнхенском полицейском управлении.— А. Н.]... *через промышленного директора заводов Борзиг в Тегеле г-на директора д-ра Литца*, который в свое время учился в Мюнхене, состоял там в одной из студенческих корпораций и через своих бывших коллег по корпорации имел связь с движением.

Наряду с поддержкой этого движения Ваш отец постоянно поддерживал и германско-народные союзы.

Я оставался на своей должности до 1926 года и поэтому о том, что происходило в дальнейшем, не осведомлен.

Если возникает необходимость, то я готов под присягой подтвердить свои сообщения.

Преданный Вам Детерт».

(Archiv des Deutschen Wirtschaftsinstituts (DWI-Archiv), Deutsche Bank, Generalsekretariat, Dr. v. Stauff, Div. geschäftl. Korrespondenz, 660—686, Nr. 679.) (Курсив в тексте письма мой.— А. Н.)

потребовали осенью 1932 года назначения его имперским канцлером¹.

Глава Немецкого банка, друг Детердинга фон Штаус был в финансово-капиталистической верхушке одним из самых ранних приверженцев Гитлера.

Во всяком случае, бывший президент Имперского банка Шахт, который еще в 1930 году открыто стал на сторону Гитлера, рассказывает, что познакомил его с нацистами Штаус². Этот давний союз Гитлера со Штаусом и Шахтом, связанным тесными узами дружбы с главой Английского банка Монтею Норманом, безусловно сыграл значительную роль в отношениях Детердинга с нацистской партией.

Неоспорим тот факт, что Детердинг бурно приветствовал приход Гитлера к власти и считал его агрессивные планы спасительными. Он часто приезжал в «третий рейх», и его друг и политический единомышленник, глава Немецкого банка фон Штаус уговорил его купить большое поместье Доббин в Мекленбурге, принадлежавшее прежде голландской королевской семье и расположеннное по соседству с его собственным имением. В этом поместье, занимавшем 9 тысяч моргенов, и в купленной им вилле на Малом Ванзе под Берлином Детердинг жил в последующие годы вместе со своей бывшей секретаршой, а к тому времени второй супругой Шарлоттой М. Кнаак, состоявшей членом гамбургской организации нацистской партии. Переселившись в гитлеровскую Германию, Детердинг хотел продемонстрировать этим свое признание «третьего рейха» и его целей, что так и было воспринято во всем мире.

Но на этом он не остановился. Даже немногие имеющиеся в нашем распоряжении материалы дают представление о масштабах и значении связей Детердинга с руководящими кругами германского империализма во времена Гитлера.

¹ О финансовой поддержке, которую Гитлер получал от заправил финансового капитала, см. также в книге А. Нордена «Уроки германской истории», Москва, Издательство иностранной литературы, 1948, стр. 161 и след.

² «В декабре 1930 года мой давний друг фон Штаус, который с 1915 года был членом правления Немецкого банка, пригласил меня на ужин, на который был приглашен и Герман Геринг...» (Hjalmar Schacht, 76 Jahre meines Lebens, Bad Wölfishofen 1953, S. 350).

мена нацизма и о широкой поддержке, какую он оказывал гитлеровской диктатуре.

Детердинг слушал неистовые речи Гитлера, Геббельса и Розенберга в рейхстаге и на съездах нацистской партии, направленные против Советского Союза, против демократии, и находил в них свои собственные мысли. Он наблюдал за гигантским вооружением германского империализма. Однако не только наблюдал, но и ускорял это вооружение, помогал обеспечить его осуществление. Немота мертвых зачастую развязывает языки живым. После смерти Детердинга респектабельные газеты германского финансового капитала привели пример, свидетельствовавший о том, какие огромные суммы он предоставлял нацистской партии и правительству в расчете на то, что гитлеровцы захватят Кавказ. Они писали:

«Детердинг часто и открыто выражал свои симпатии к новой Германии, но он не ограничивался платоническими изъявлениями их, а действовал: в 1937 году он представил нам 10 миллионов гульденов»¹.

Как подчеркивала одна консервативная английская газета, Детердинг своими действиями стремился «поддержать Германию в ее борьбе против большевизма»².

В архивах генерального секретариата Немецкого банка, в частности в одной из толстых папок, где подшита переписка гитлеровского государственного советника и депутата рейхстага директора фон Штауса, имеется следующее датированное 17 марта 1937 года лаконичное сообщение:

«Организация «Имперское сословие питания» подсчитала стоимость первой партии продуктов питания, пересланых Детердингом из Голландии в виде пожертвования в фонд кампании зимней помощи, и перечислила в этот фонд соответствующую сумму — 11,9 миллиона марок. Кроме того, Детердинг ежемесячно вносит в фонд кампании зимней помощи 5 тысяч марок. Штаус»³.

Еще интереснее сугубо политическая биржеваяope-

¹ «Гамбургер фремденблatt», 6 февраля 1939 года.— Это сообщение подтверждается газетой «Кёльнише цайтунг» той же даты, которая, комментируя его, отмечает: «Детердинг особенно сочувствовал выдвинутому Адольфом Гитлером принципу фюрерства».

² «Дейли телеграф», 30 декабря 1936 года.

³ DWI — Archiv, Deutsche Bank, Generalsekretariat, Dr. v. Stauß, Div. geschäftl. Korrespondenz, 60—77, Nr. 71.

рация Детердинга в пользу Гитлера, остававшаяся абсолютно неизвестной. Когда в 1938 году в результате массовой экспроприации германских евреев акции многих германских предприятий серьезно обесценились на иностранных биржах, Детердинг 20 августа того же года обратился к директору заграничного отдела Немецкого банка Герману Абсу и предложил ему мероприятия, которые парализовали бы отрицательную реакцию мировой общественности на преследования евреев. Это письмо не сохранилось, но уцелел написанный по-английски ответ Абса, датированный 22 августа 1938 года. Он начинается так:

«Я получил Ваше письмо от 20 августа и согласен с Вами в том, что причина недавнего падения курса германских ценных бумаг и главным образом акций германских промышленных предприятий заключается в ликвидации еврейского капитала в Германии. Поэтому можно с полным основанием полагать, что это падение объясняется скорее политическими, чем экономическими соображениями... Покупка Вами германских акций на 10 миллионов, безусловно, явилась бы большой помощью на германском рынке ценных бумаг. Ибо были дни, когда германские акции продавались очень плохо. Хотите ли Вы только акции Немецкого банка и «Сименса и Гальске»?»¹

Затем последовали ежедневные письма и телефонные разговоры, и в итоге Детердинг использовал свою заграничную собственность для поддержки фондовой биржи нацистской империи. Его биржевые операции в Амстердаме вновь высоко подняли курс акций Немецкого банка, концерна Сименса и других крупных промышленных предприятий.

Насколько тесной была связь между Германом Абсом и международным нефтяным королем, стало ясно лишь после смерти последнего. В своем письме от 6 февраля 1939 года Абс, выражая соболезнование жене Детердинга, писал:

«Я всегда буду с гордостью вспоминать, что мог причислять себя к кругу друзей Вашего супруга, что меня с ним, помимо деловых вопросов, связывали и личные узы»².

¹ DWI-Archiv, Deutsche Bank und Disconto-Gesellschaft, Generalsekretariat, Abs, Div. geschäftl. Korrespondenz, 76—105, Nr. 103.

² Ibid.

Госпожа Детердинг ответила на жеманно-напыщенном сомнительном немецком языке преуспевшей мещанки

«Как раз в Сен-Морице [где умер Детердинг.—*A. H.*] мой муж строил очень большие и разнообразные планы, о чем он сам известил меня, и Ваше многоуважаемое имя тоже часто упоминалось»¹,

«Многоуважаемое имя» стало между тем известно широким кругам. Ибо Абс, который во время второй мировой войны захватывал для Немецкого банка промышленные предприятия и банки по всей Европе и который поэтому стоял одним из первых в американском списке военных преступников, играет теперь видную роль в Западной Германии. Как неоспоримый хозяин возродившегося Немецкого банка, он занимает командные посты председателя наблюдательных советов в важнейших западногерманских концернах химической и тяжелой промышленности, а также — что весьма знаменательно — в «Германском акционерном обществе Шелл» — западногерманском предприятии дюссельдорфского английского нефтяного треста. Ни один капиталист в западной зоне не состоит в стольких наблюдательных советах, как Абс, которого папа посвятил в «рыцари гроба господня». Экономическим и политическим советам военного разбойника и святого рыцаря точно следует канцлер Аденауэр, и оба они усердно прибегают к демократической фразеологии, чтобы заставить людей забыть вчерашние преступления германского империализма и замаскировать сегодняшние.

Но вернемся к Детердингу. Здесь «кампания зимней помощи», там спасение «арийского» капитала от последствий уничтожения евреев гитлеровцами, в Голландии финансирование нацистского движения с целью облегчить германскому империализму нападение на эту страну, повсюду в западном мире личное вмешательство в поддержку притязаний германского фашизма — вот какой многосторонней была помощь Детердинга «третьему рейху». При этом его отнюдь не шокировало название «национал-социалистская германская рабочая партия». Он глава одной из самых беспощадных, обагренных кровью групп международного финансового капитала, знал то, в чем не разобрались тогда миллионы немцев: он знал,

¹ DWI-Archiv, Deutsche Bank und Disconto-Gesellschaft, Generalsekretariat, Abs, Div. geschäftl. Korrespondenz, 76—105, Nr. 103.

что эта партия не отстаивала национальные германские интересы и уж тем более социалистические интересы или другие цели рабочего класса; он знал, что название гитлеровской партии было лишь пустым звуком и очковтирательством и что эта партия в действительности являлась крайним крылом германского империализма.

Пылая горячей ненавистью к Советскому Союзу, Детердинг тем не менее постоянно оставался человеком холодного расчета. Он вполне отдавал себе отчет в том, в какое дело вкладывает столь огромные суммы, и надеялся, что его деньги возвратятся ему сторицей после разгрома Советского Союза. Но «Наполеон нефти» умер накануне побед Гитлера и его... Ватерлоо.

Как говорит легенда, боги приковали Прометея к кавказской скале за то, что он принес людям огонь, дающий свет и тепло. Прометей поставил на службу людям нефть. Боги международного финансового капитала хотели вновь приковать к скале рабского труда, нищеты и невежества советских людей, которые осмелились сделать народным достоянием кавказскую нефть. Но мы живем не в древние времена, а в век победоносно шагающего социализма. И сэр Генри не раз перевернулся бы в своей мекленбургской могиле, если бы знал, что его поместье Доббин превратилось в цветущий социалистический сельскохозяйственный кооператив и что Советский Союз в 1958 году добыл 113 миллионов тонн нефти, а в 1965 году добудет ее четверть миллиарда тонн — почти в тридцать раз больше, чем во времена, когда датердинги еще хозяйничали на Кавказе. Из своих кавказских нефтяных промыслов акционеры нефтяного треста без каких-либо усилий извлекали ежегодно дивиденды, колебавшиеся от 25 до 30 процентов. А ныне они не получают и доли одного процента. Да, мир движется вперед.

Фабрикант документов, пользовавшийся неприменимостью

Реакционный президент США Герберт Гувер (который имел в царской России обширные владения) все еще отказывался признать дипломатически Советский Союз и нормализовать, наконец, отношения между двумя крупнейшими державами земного шара. Правда, это происходило не без серьезного сопротивления в самих Соединенных Штатах. Во главе тех буржуазных сил, которые во второй половине двадцатых годов выступали за установление отношений с Советским Союзом, стоял председатель сенатской комиссии по иностранным делам сенатор Бора. Благодаря своему посту и энергии он пользовался весьма большим авторитетом. И поэтому вполне естественно, что он и выступавший вместе с ним сенатор Норрис стали объектами нападок всех тех, кто во что бы то ни стало хотел помешать международному урегулированию. Наиболее подходящим средством им казалась дискредитация тех лиц, которые стремились создать в США атмосферу взаимопонимания с Советским Союзом. Разве не было бы великолепно отсечь голову движению за американо-советскоеближение, уличив руководителей этого движения в коррупции?!

И действительно, в 1928 году через Мексику в США поступили якобы советские документы, которые должны были доказать взяточничество Бора. Профашистская бульварная пресса, принадлежавшая мультимиллионеру Херсту, сразу же использовала эти «документы» для шумных нападок на Бора. Последний потребовал назначения парламентской комиссии для расследования, которая вскоре получила подобные «документы» из Парижа. В них говорилось не более и не менее, как о том, что Бора и Норрис были подкуплены советским послом в Париже через посредство одного американского адвоката и получили по 100 тысяч долларов каждый в качестве мзды за готовность содействовать установлению отношений между США и СССР. Среди «документов» находились также расписки

обоих сенаторов в получении денег, а также письма советского народного комиссара иностранных дел, который распорядился относительно подкупа, и советского посла в Париже, который осуществил этот подкуп.

Сенатская комиссия дала себе труд в течение года самым тщательным образом анализировать представленные бумаги. В январе 1929 года было вынесено решение: все было фальшивкой — печати, подписи, утверждения, даже сам стиль писем, отнюдь не характерный для сотрудников советских государственных органов. Бора и Норрис были полностью оправданы.

Но кто же были авторы фальсификации? Где находилась их «кухня»? Почему не удалось разыскать их? Комиссия американского сената, конечно, просила о помощи органы политической полиции Европы, прежде всего полицейские власти Парижа и Берлина. Берлинская полиция в ответ на запрос заверила, что она не располагает никакими сведениями.

Но вот в феврале 1928 года представителю американских газет в Берлине Кникербокеру¹ предложили бумаги, в частности письма Исполкома Коминтерна, в которых снова речь шла о том, что сенатор Бора был подкуплен Советским Союзом. Кникербокеру, который заплатил за эти якобы коминтерновские письма 2 тысячи долларов, дело, однако, показалось подозрительным, и он обратил внимание полиции на поставщика этих писем некоего Сумарокова, который называл себя также Павловским. Но полиция безмолвствовала. И только тогда, когда официально вмешалось американское правительство через свое посольство в Берлине, полицейским властям не оставалось ничего другого, как арестовать не только поставщика, но и автора писем, некоего Орлова, который чувствовал себя настолько уверенно, что полицейские чиновники, производившие обыск, нашли в его письменном столе и даже прямо на столе сотни фальшивых паспортов и подделанных Орловым печатей советских органов. Орлов признал на суде, что он написал текст документов о Бора в своей берлинской квартире на Потсдамер штрассе, 119, а бланки фальшивых документов изготавливал в типографии белогвардейского эмигранта

¹ Кникербокер сделал тогда себе имя книгами «Красная торговля завлекает» и «Красная торговля угрожает».

What does it cost?

卷之三

Personalausweis Nr. 123

Pfefferitz

Page 3 of 10

Pastoralist

卷之三

Peter

Eucalyptus laevigata

Reinforcement

110

Language

Schweizer Wirtschaft und Ausbildung

© 2010 Pearson Education, Inc.

Dear mother & the 25

Cannabis 2017

24 Aug 1995

Geibertus 1993

C. M. L. & Co.

Genus: *Anthonomus* Host: *Solidago canadensis* L. - *Canadian goldenrod*

Brunswick Normandy

Es wird weiter beachtet, daß der Block die durch schrumpfende Einschlüsse ausgelöste Fissur ist und die darüber befindliche Rinde schrift exaktende infolge hat.

Translatability

24

Twinkl.com/Tech-Teacher

Oct 1977 San Francisco 1/2

Этот фальшивый паспорт на имя Павловского берлинский полицей-президиум выдал белогвардейскому подделывателю документов Сумарокову.

Николая фон Швабе в Берлине-Шарлоттенбурге на Литценбургер штрассе.

Как могло все это происходить на глазах у полиции? Была она слепа и неспособна? Разве она ничего не знала о существовании и деятельности Орлова?

Прижатый к стене разоблачениями коммунистов, социал-демократический полицейский-президент Берлина Цёргибель 8 марта 1929 года сделал уклончивое заявление, в котором, правда, не отрицалось, что полиция сотрудничала с Орловым, но утверждалось, что первые подозрения против него появились не раньше середины 1928 года. Это была заведомая ложь. Берлинская полиция наравне с прусским и имперским правительствами уже на протяжении многих лет располагала тяжкими уликами против Орлова и его сообщников, деятельность которых была вредной и позорной в национальных рамках и в международном масштабе.

В 1922 году привлекла к себе большое внимание брошюра «Шпик», изданная в Берлине коммунистическим Объединением международных издательств. В ней в увлекательной форме описывалась негласная деятельность против немецких коммунистов и Советского Союза, все дурно пахнущие цветы осведомительства, шпионажа и провокаций, характеризовались подозрительные личности, которые чуждались честного труда, но не чуждались никакого оружия и не останавливались ни перед какими преступлениями, лишь бы нанести вред рабочему движению. И там была глава, посвященная разоблачению деятельности белогвардейского отребья, среди которого упоминались Владимир Орлов и некий Гаральд Зиверт. Соответствующие власти настолько внимательно прочитали эту брошюру, что сразу же распорядились о ее конфискации. Это было в 1922 году...

Четыре года спустя берлинское коммунистическое издательство «Нейер дейчер ферлаг» выпустило брошюру «Из мастерских дипломатических фальсификаторов». Тот, кто открыл бы там 14-ю страницу, снова наткнулся бы на Владимира Орлова, который характеризовался как «видная фигура в мире шпиков и фальсификаторов». В брошюре освещались его деятельность и связи. Это было в 1926 году...

В том же 1926 году Советское правительство передало германскому правительству материалы состоявшихся в

Москве процессов против фальсификатора документов Друшеловского и царского ротмистра Эльвингрина. Оба они признали, что вместе с небезызвестным шефом английской секретной службы в Советском Союзе Сиднеем Рейли готовили покушение на советскую делегацию, направлявшуюся в 1922 году на мирную конференцию в Генуе (конференцию, на которой был заключен Рапалльский договор). Предварительное обсуждение всех вопросов, связанных с покушением, состоялось в берлинской квартире Орлова и в его присутствии. Но он не был только молчаливым наблюдателем, он активно участвовал в подготовке покушения. У него заговорщики заказали и получили пять револьверов и несколько фальшивых паспортов, которыми он располагал благодаря своим хорошим связям с полицией. Эти признания обошли всю мировую прессу и были перепечатаны крупными немецкими газетами. Это было в 1926 году...

Итак, у немецких властей не было оснований прикрываться незнанием, и утверждение, будто подозрения против Орлова появились лишь в 1928 году, являлось весьма неуклюжей ложью. Почему же немецкая полиция не вмешалась раньше? Очень просто: потому, что берлинская и прусская полиция, а также определенные имперские власти сами были частью джунглей этого белогвардейского мира фальсификации и натравливания народов. Конечно, это смелое утверждение. Но мы постараемся его доказать.

Владимир Орлов был при царском режиме прокурором по политическим делам и не жалел сил в борьбе против рабочего движения. Во время первой мировой войны он получил повышение и стал военным следователем при русском верховном командовании и пачками отправлял солдат на расстрел за то, что они требовали мира. Затем до конца самодержавного режима он служил царю в императорской ставке и имел чин действительного государственного советника.

Когда власть перешла в руки Советов, Орлов уехал в Петроград, чтобы там вести подпольную работу против нового, социалистического строя.

Что было дальше, поведал прусский региуинграт Бартельс 10 июля 1929 года в своих свидетельских показаниях на процессе по делу фальсификаторов документов.

Председатель. Как долго Вы знаете Орлова?

Бартельс. С лета 1918 года.

Председатель. Как Вы установили с ним связь?

Бартельс. В 1919 году Орлов под вымышленной фамилией занимал пост старшего прокурора в уголовном управлении Советов. Когда он заметил, что мы следуем тем же тенденциям, что и он...

Председатель (перебивая). Каким тенденциям?

Бартельс. Антибольшевистским тенденциям. Он передал германскому генконсулу в Ленинграде обширный материал. Когда выяснилось, что он снабжает нас сведениями, он укрылся в германском генконсульстве и был спасен нами. После этого он отправился с важной миссией германского правительства в Южную Россию¹.

В чем состояла эта «важная миссия»? Орлов стал шефом шпионской службы интервенционистской армии царского генерала барона Врангеля. Хотя в феврале 1918 года Германия и молодая советская держава заключили мир, официальные представители Германии в Советской России продолжали войну и энергично добивались свержения правительства, при котором они были аккредитованы. Однако послушаем дальше:

«*Бартельс.* Из Южной России Орлов прибыл ко мне в Берлин.

Председатель. Когда это было?

Бартельс. В 1920 году. Мы его тогда неоднократно использовали. Он очень часто оказывал нам хорошие услуги в трудных вопросах, например во время восстания в Средней Германии в 1921 году и восстания в Руре в 1923 году. Мы очень хорошо понимали друг друга и действовали вполне коллегиально. Прусское государственное министерство было особенно заинтересовано в том, чтобы заранее знать, что произойдет. В этом Орлов оказал нам в одном случае неоцененную услугу.

Защитник. Были ли среди материалов Орлова также фальшивки?

Бартельс. И это случалось. Я вспоминаю один случай, когда я заявил ему: «Но, ваше превосходительство, этот материал не может быть подлинным!»²

¹ «Интернационале пресскорреспондент», 12 июля 1929 года, стр 1446

² Там же.

Свидетель, которого мы здесь цитировали, занимал пост заместителя руководителя прусского комиссариата по надзору за общественным порядком и являлся, следовательно, весьма важным лицом. И он в итоге показал, что, во-первых, германское правительство через свое представительство в советском государстве сотрудничало с Орловым против советского государства;

во-вторых, это сотрудничество продолжалось в Германии;

в-третьих, германские власти использовали царского фальсификатора для борьбы против немецких коммунистов;

в-четвертых, германские власти знали о том, что документы, поставленные Орловым, не были подлинными.

О том, что сотрудничество между убийцей русских солдат и профессиональным фальсификатором, с одной стороны, и германскими властями — с другой, продолжалось и во второй половине двадцатых годов, что оно стало даже более тесным, свидетельствует, в частности, такой неопровергнутый факт. «Роте фане», центральный орган Коммунистической партии Германии, получила чрезвычайно показательную объяснительную записку, написанную от руки Орловым во время предварительного заключения. 2 июля 1929 года газета начала ее публикацию, которая разрушила все маскировочные планы судей и прокуратуры. Подлинность объяснительной записки, которая, между прочим, была предъявлена в суду, никто никогда не оспаривал. Своими высказываниями Орлов хотел доказать — и это ему полностью удалось, — что он хотя и был фальсификатором, но занимался фальсификацией по высокому повелению. Цитируем этот документ, ничего не изменяя в стиле, особенности которого предопределены недостаточным знанием Орловым немецкого языка:

«Во время 1921 года я познакомился с двумя немецкими офицерами — майором фон Вернером и майором фон Рау. Эти господа также проявляли большой интерес к секретной работе большевиков в Германии. Добрые семь лет я передавал этим господам информацию и материал о большевистских намерениях. И здесь я давал очень большой материал и очень много»¹.

---

¹ «Роте фане», 7 июля 1929 года.]

Упомянутые здесь офицеры были руководителями агентурной службы, которая именовалась сначала «Нунцией», а затем «Випо»¹, и являлась не чем иным, как вывеской для шпионской организации рейхсвера. Ответственным за «Випо» и за ее финансирование представителем министерства рейхсвера был тогдашний подполковник фон Винтерфельд. Итак, Орлов работал на рейхсвер и получал от него часть своих доходов. Но он работал и на другие инстанции. Почитаем, что пишет об этом сам мастер фальсификации:

«Полицей-президиум Берлина знал, что у меня есть хорошие связи с людьми, у которых в свою очередь есть хорошие связи. Меня просили о поддержке. Через меня полицей-президиум нашел хороший источник в лице участника одной большевистской организации, который сообщал мне, какие лица из большевистских личностей работают здесь, в Германии, тайно против правительенной системы. По просьбе полицей-президиума я смог помочь в деле Бенарио—Брауна². О других услугах, которые я offered берлинской полиции, я не хочу здесь распространяться, а хочу только заметить, что меня очень часто посещали чиновники, чтобы получить сведения о лицах, фотографии, биографии и заявления о большевистской работе.

Советник по уголовным делам Боннатц, Геллер и д-р Брашвиц могут подтвердить, что эти работы осуществлялись мной только по инициативе полицей-президиума...»³ (Курсив мой.—A. H.)

Итак, Орлов работал не только на рейхсвер; он был прежде всего весьма важным сотрудником и агентом берлинской политической полиции. Комиссары, которых он назвал по именам, по роду своей работы занимались преследованием рабочего движения, они периодически проводили обыски в «Роте фане» и в Центральном Комитете

---

¹ «Wipo», «Wirtschaftspolitischer Nachrichtendienst» «Экономико-политическая служба информации».—Прим. перев.

² Имеется в виду бегство в 1928 году из Моабитской тюрьмы коммуниста Отто Брауна с помощью Ольги Бенарио. Позднее Ольга Бенарио вышла замуж за вождя Коммунистической партии Бразилии Луиса Карлоса Престесса, была выдана фашистским бразильским правительством гестапо и в апреле 1942 года отправлена из концлагеря Равенсбрюк на смерть в газовые камеры Бернбурга.

³ «Роте фане», 3 июля 1929 года.

КПГ. Они были клиентами Орлова, заказывая у него фальшивые документы, чтобы оправдать свои походы против КПГ.

И, когда пришлось провести расследование против Орлова и Сумарокова-Павловского, заказчики Орлова возглавили следствие против него! Тот же самый комиссар по уголовным делам Геллер, который давал фальсификатору вполне определенные политические указания, запрашивал у него информацию и документы, предоставляя ему тем самым возможность творить свои преступления, и платил Сумарокову ежемесячно 250 марок жалованья, играл теперь важную роль в ведении следствия — наглядная отвратительная картина политической коррупции, царившей в имперской столице. Цель состояла в том, чтобы скрыть всю подоплеку, все связи, оказать помощь обвиняемым и затушевать их вину.

Но и это еще не все. Выяснилось, что даже в те недели перед процессом, когда Орлов уже признал подкуп и фальсификацию и сидел в тюрьме, сотрудничество между ним и политической полицией продолжалось. В объяснительной записке Орлова говорится:

«24 мая 1929 года ко мне пришел комиссар по уголовным делам д-р Брашвиц со своими агентами. Он проявил большой интерес к русской антибольшевистской организации... В тот же день д-р Брашвиц попросил меня заняться одной экспертизой (дать заключение)...»¹

Это была уже вершина. Сделать арестованного преступника сотрудником и экспертом в делах, тесно связанных с его преступлением, в котором он уже изобличен, — это значило показать всю меру переплетения государственного аппарата с фальсификаторским отребьем.

Нечистая совесть побудила правительственные инстанции сделать все возможное и невозможное, чтобы избежать процесса: ведь они опасались, что Орлов выложит все о своем сотрудничестве с ними. Наконец, им пришла в голову идея выслать Орлова как нежелательного иностранца. Таким элегантным образом надеялись избежать неприятностей открытого процесса.

Когда стало известно об этом намерении, советское посольство в Берлине 13 марта 1929 года сделало официальное представление министерству иностранных дел и от

¹ «Роте фане», 2 июля 1929 года.

имени Советского правительства потребовало полного раскрытия скандала путем судебного разбирательства. Кроме того, практика берлинских и прусских властей привлекла к себе внимание не только коммунистической, но частично также и буржуазной немецкой и иностранной печати. Под этим давлением со всех сторон власти в конце концов были вынуждены нехотя согласиться на проведение процесса. Но надо констатировать: дело никогда не дошло бы до ареста без вмешательства пострадавших американцев; дело никогда бы не дошло до процесса без демарша советского посольства.

Фактом, сообщенным общественности газетой «Роте фане» и молчаливо признанным повинными в соответствующих грязных делах властями, является то, что все запросы советских граждан относительно получения виз на въезд в Германию сначала представлялись германскими властями фальсификатору Орлову для рассмотрения и принятия решения¹. Итак, преступник-рецидивист являлся решающей инстанцией, и от него в немалой степени зависело, смогут ли советские граждане приезжать в Германию или нет. Одновременно он мог пополнять свою картотеку, пользуясь этими списками и точными данными, приводившимися советскими гражданами в их заявлениях о предоставлении въездных виз.

Сам процесс даже при своей незначительной продолжительности (он длился всего около двух недель) дал действительно потрясающие разоблачения. Стремясь доказать свою добропорядочность, сами обвиняемые, как и их защитники, подчеркивали тесное сотрудничество Орлова и Сумарокова с правительственными инстанциями и высокую оценку и оплату, которые получали оба от официальных германских органов. Но это содействовало отнюдь не реабилитации подсудимых, а серьезному обвинению немецких властей, которые пользовались услугами фальсификаторов. Не помогло и то, что берлинский полицей-президент Цёргибель и прусский министр внутренних дел Гржезинский (оба — руководящие социал-демократы) отдали приказ о запрещении чиновникам, вызванным в качестве свидетелей, давать показания. Уже сам отказ давать показания означал признание вины и показывал, кто еще должен был бы сесть на скамью подсудимых ря-

¹ «Роте фане», 5 июля 1929 года.

СОВЕТСКОЕ СОЮЗНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ
СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК
ТОРГОВОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО
ГЕРМАНИИ

Финансовый отдел

Письмо № 612. 62. от
15.01.1925 г.

№ 1876

Совершенно секретно.

Лист 612. 62. от

15.01.1925 г.

Финансовый отдел И.К.К.Б. Москва, Кремль.

1 часть - Гарвард.

Финансовый отдел ДИИИ(секретариат)

Дела, Просольство.

Настоящие представления вышли из ведомости
запасов и расходов, произведенных из сумм самого фин-
ансового отдела по ордерам представителей И.К.К.Б., Д.И.К.Б.
и по экстре или требованиями И.К.К.Б.

Просим за полные ассоциации сюда взыскать
выведенные в описанных к образованию денежные суммы, согласно доказанной записке т-ра Альберау.

И.О.Закл. письмо № 7. 15.01.1925 г. № 1876

Фальшивый документ на подлинном бланке.
Фальсификаторы часто прибегали к трюку с запросами в адрес различных советских инстанций. С ответных писем написанный текст снимался химическим способом. Таким путем добывался подлинный бланк, который потом заполнялся выдуманными «секретными указаниями».

Приведенный здесь «документ», написанный на бланке советского торгпредства в Берлине, должен был доказать, что Коминтерн использовал представительства Советского правительства за границей как аппарат для финансирования КПГ.

дом с Орловым и Сумароковым. И то, что выяснилось, несмотря на молчание официальных инстанций, а именно то, что русские эмигрантские фабрики информации и фальсификации могли действовать только благодаря финансовой помощи и заказам властей, было достаточно отвратительным. Об этом можно судить по одной маленькой сцене, которая разыгралась в первый день процесса, когда давал показания Сумароков-Павловский, мелкий подмастерье крупного фальсификатора:

«Сумароков. Я имел постоянное жалованье.

Зашитник Фукс. Сумароков получал ежемесячно 200 марок постоянного жалованья от полицей-президиума. Кроме того, он получал от имперского комиссариата по надзору за общественным порядком постоянное месячное жалованье в 250 марок. (Оживление в зале.)

Председатель (умоляюще). Будьте же осторожны с вашими показаниями!

Зашитник Фукс. Сумароков на протяжении пяти лет находился на службе у властей, получал постоянный месячный фикс и очень ценился властями как информатор¹.

Чем дольше длился процесс по делу двух уголовных обманщиков, тем больше он превращался в ужасное разоблачение высших имперских, земельных и берлинских властей, которые постоянно платили этим субъектам, ибо как те, так и другие вдохновлялись одинаковой ненавистью к советскому государству и для нанесения ему вреда были готовы на преступление и сотрудничество с преступниками.

Это вновь проявилось на четвертый день процесса, когда прокуратура представила одного из своих основных свидетелей, некого Гаральда Зиверта. Об этом царском офицере коммунистическая пресса еще в 1926 году сообщала, что он не только фальсифицировал документы, направленные на дискредитацию Советского Союза, но и поддерживал связи с многочисленными иностранными инстанциями, например с польским посольством в Берлине, с латвийской шпионской службой и т. д.

Сумароков поставлял Зиверту многочисленные письма, которые якобы исходили от ГПУ и содержали служебные указания по шпионажу в германском имперском министерстве внутренних дел, в имперском комиссариате

¹ «Берлинер бёргенцайтунг» и «Роте фане», 2 июля 1929 года.

по охране общественного порядка и т. д. Все эти письма были изготовлены Орловым, а Сумароков продавал их Зиверту, который перепродаивал их германским имперским властям. Цель здесь была такая же, как и во всех других операциях: обеспечить обогащение фальсификаторов и ухудшение отношений между Советским Союзом и Германией.

Орлов, которому нельзя отказать в усердии, сфабриковал также 60 писем известных коммунистов капиталистических стран немецким коммунистам, писем, которые, конечно, содержали задания по переворотам и шпионажу и направлялись по берлинским адресам до востребования. Эти «письма» Орлов велел Зиверту получать в берлинских почтовых отделениях, и в итоге власти становились обладателями новых «документальных свидетельств подрывной деятельности» КПГ¹. Между прочим, Зиверт был заказчиком и сбытчиком фальшивых документов не только в конце двадцатых годов. Бывший царский генерал фон Лампе под присягой заявил суду, что Зиверт еще в 1924 году предлагал ему купить фальшивые большевистские документы.

Этот Зиверт в 1919 году открыл так называемое Германское восточное бюро, которое являлось не чем иным, как центром по обмену и продаже антисоветских фальшивок.

Когда один из защитников спросил его на процессе, кто были его заказчики, Зиверт отказался отвечать на вопрос, и суд после краткого совещания объявил: «Вопросы о заказчиках г-на Зиверта не разрешаются!»²

Разрешаются или не разрешаются — все равно выяснилось. Основным его заказчиком былober-regierungsrat

¹ В своей собственноручно написанной объяснительной записке Орлов, между прочим, не скрывает преступности и незаконности своей деятельности. В оправдание он ссылается на прусского министра внутренних дел, который, как известно, до конца держал над ним свою охраняющую руку. В записке преступника, опубликованной факсимile в «Роде фане» 13 июля 1929 года, дословно говорилось следующее: «Когда меня упрекают в том, что я в моей борьбе против большевизма применял не совсем чистые методы, то я указываю на речь г-на министра внутренних дел Гржезинского в ландтаге 14 мая 1929 года. Он сам заявил, что борьба против большевизма в белых перчатках невозможна». Известно, что как Орлов, так и Гржезинский вели эту борьбу не в перчатках, а окровавленными руками.

² «Роде фане», 6 июля 1929 года.

Гуго Мюльайзен, заместитель руководителя имперского комиссариата по надзору за общественным порядком, который, прикрываясь маской мило болтающего на швабском диалекте простака, совершал самые отвратительные преступления. Это он на протяжении многих послевоенных лет обеспечивал работой и оплачивал убийцу Розы Люксембург Эриста Крулля. Это он дал «работу» целой армии темных авантюристов, чуждавшихся труда. Он был замешан всюду, где наемные шпеки выдавали рабочих-социалистов классовой юстиции, чинившей затем над ними расправу. Между прочим, он же запретил высококудожественный советский фильм «Броненосец Потемкин».

Непосредственно перед тем, как на сцену выступил этот князь шпиков, произошла еще следующая дуэль:

«*Зиверт*. У меня был в имперском комиссаррате информационный фонд, из которого я оплачивал мопх агентов.

Защитник Яффе. Получали ли Вы постоянно средства и от других органов?

Зиверт. Да, получал с самых различных сторон...

Председатель (перебивая). Ну, это нас больше не интересует(!). Получали ли Вы деньги также из-за границы?

Зиверт (раздумывая). Да, тоже, но это всегда происходило только с ведома представителя имперского комиссариата обер-регистрангсрата Мюльайзена, которому я докладывал в каждом отдельном случае (*сильное беспокойство в зале*)¹.

Отсюда следует, что имперский комиссаррат поддерживал также иностранный шпионаж против Советского Союза и был важной составной частью международной сети фальсификаторов, направленной против первого государства рабочих и крестьян. Однако проследим дальше за прениями в зале суда, увенчавшимися еще более любопытными разъяснениями.

«*Д-р Яффе*. Выплачивал ли Вам жалованье имперский комиссаррат?

Зиверт (резко). К чему этот вопрос? Совершенно бесполезно втягивать в это дело имперский комиссаррат. Я получал деньги от самых различных государственных инстанций.

Яффе. Итак, Вы получали деньги и от имперского комиссариата?

¹ «Роте фане», 7 июля 1929 года.

Зиверт. Да, конечно... Однажды в теченис года я получил 15 тысяч марок!»¹

После этого защитник Фукс спросил свидетеля, действительно ли он пытался побудить к бегству официального курьера советского посольства в Берлине с его документами и деньгами и хотел поместить его в свой, Зиверта, квартире.

«*Зиверт.* Да, с этим были ведь также согласны официальные инстанции (*большое беспокойство в зале*)»².

Затем выступил в качестве свидетеля обер-регистрант Мюльайзен и в оправдание пословицы, что ворон ворону глаз не выклюст, дал Зиверту блестящую характеристику. Он подтвердил: «Зиверт получал каждый месяц определенную сумму для своего информационного фонда. Им он мог распоряжаться, как хотел»³.

Мюльайзен не назвал суммы. Она была огромной. Буржуазная газета «Берлинер тагеблатт» в номере от 12 июля 1929 года определила ежемесячные доходы Зиверта только из кассы Мюльайзена в три с половиной тысячи марок. Насколько нам известно, столько же не получал даже имперский министр! Буржуазный еженедельник «Берлинер герольд» писал 14 июля 1929 года:

«На процессе напрасно пытались выудить, сколько получал Зиверт от имперского комиссара по надзору за общественным порядком. Вот эта цифра: он в теченис многих лет получал ежемесячно 3500 марок. А когда он приносил реальные «документы», следовало дополнительное вознаграждение в 5, 10 тысяч марок и выше».

Так бросались налоговыми сборами с народа, чтобы финансировать отправителей международных отношений. Для этого существовали различные секретные миллионные фонды имперского министерства по делам рейхсвера, министерства внутренних дел, всех этих имперских и государственных секретариатов, которые заявляли, что действуют «ради общественного порядка и безопасности», а в действительности вызывали международные и внутренние беспорядки и подрывали безопасность. Это подтвердил — и притом столь же неожиданным, как и сенсационным образом — назначенный судом эксперт д-р фон Фосс, антисоветчик, доверенное лицо Союза гер-

¹ «Роте фане», 7 июля 1929 года.

² Там же.

³ Там же.

манских промышленников по восточным вопросам, чьи статьи в таких консервативных газетах, как «Берлинер бёрзенцейтунг» и «Дейче бергверксцейтунг», часто предсказывали быстрое крушение советского строя. В качестве издателя антибольшевистской литературы Фосс сам был стипендиатом секретных служб. Действительно его «Ост-экспресс» поддерживался за счет средств, которые имелись в распоряжении имперского комисариата и имперского министерства внутренних дел, тогда как министерство иностранных дел тоже было заинтересовано в этой работе и участвовало в расходах»¹.

Перед лицом множества неоспоримых и позорных фактов, выяснившихся на процессе, Фоссу, этому распространителю антисоветских воззрений, не оставалось ничего другого, как прийти к следующему выводу:

«На протяжении десяти лет различным властям поставляются документы, исходящие якобы из России, и в таком большом количестве, что можно говорить о настоящем потоке. Я лично занимаюсь экспертизой этих документов с 1920 года. Их количество так велико, и они появляются в таких различных местах, что уже на основании этого можно прийти к выводу, что действуют многочисленные центры фальсификаторов и информационные службы». Далее Фосс продолжал: «В качестве эксперта я должен заявить, что из тех документов, которые попадали мне в руки, я считаю подавляющее большинство фальшивыми».

Эксперт не удовлетворился только разоблачением фальсификаторов, но и задел их официальных германских заказчиков:

«Мы должны сами себя винить во всем. Многочисленные важные и авторитетные инстанции в Германии, в том числе официальные органы, давали работу фальсификаторам, заказывая секретную информацию и документы по интересующим их вопросам. Едва лишь давался такой заказ, как вскоре на заданную тему появлялось большое количество документов с подписями, печатями и бланками соответствующих организаций».

После этого общего разоблачения дьявольских методов,

¹ DZA, Potsdam, Akte des Reichsministeriums des Innern vom 16. Juli 1929, Reichskommissar für Überwachung der öffentlichen Ordnung, Auswärtiges Amt und nachgeordnete Dienststellen, vom 5. April 1922 bis 16. Juli 1929, Nr. 22.

Reichswehrminister
1203/26: u.

Berlin, den 25. April 1926
Königl. Augustastr. 38/42,
Fernspr.: Leitstrm 9502/07.

247

Reichskommisar	
f. Kriegs- u. W. Kriegs	
Aug. 20 APR 1926	
Reichswehr	Ministerium

Den Soldaten der Wehrmacht wird der Besuch
von Lichtspiel-Theatern, in denen der Film "Das
Jahr 1905 (Feuerkreuzer Potemkin)" zur Aufführung
gelangt, bis auf weiteres verboten. Durch die Vor-
führung dieses Films ist eine Gefährdung der
Disziplin zu befürchten.

J. v.

Der Chef der Oberreitleitung. Der Chef der Marineleitung:

SSPPB -

Gudor.

Министр рейхсвера боялся советского кинофильма.
По указанию министра Гесслера генерал Сект и ад-
мирал Ценкер запретили своим подчиненным посещение
кинотеатров, в которых демонстрировался фильм
«Броненосец Потемкин».

применявшихся правительственные инстанциями в их действиях против Советского Союза, эксперт суда перешел конкретно к рассматриваемому делу Орлова-Сумарокова:

«Я должен признать в значительной степени справедливой ту точку зрения, которую занимают в этом вопросе Советское правительство и советская пресса. В результате деятельности этой организации фальсификаторов Советскому правительству действительно нанесен очень большой политический ущерб, и справедлива точка зрения, что деятельность этой организации должна быть прекращена всеми средствами. Эта деятельность является настоящей раковой опухолью общественной жизни». «Только если фабрикантам таких документов больше не будут давать заказов, прекратится все это безобразие»¹.

Так говорил официальный эксперт, человек, очень далекий от симпатии к Советскому Союзу. Однако суд игнорировал все факты, которые были вскрыты во время процесса, и 11 июля 1929 года вынес оправдательный приговор. Только за обман мистера Кникербокера дуэт фальсификаторов получил такую малость, как четыре месяца тюрьмы. За все остальные фальсификации, которые были непосредственно направлены против Советского правительства и против немецких коммунистов, Орлов и Сумароков не понесли никакого наказания.

А ведь обман и подделка документов практиковались ими неоднократно и имели тяжелые последствия. Под тяжестью улик обвиняемые вынуждены были апеллировать к мировой истории, оправдывая совершенные преступления своей ненавистью к Советскому Союзу. И как это ни невероятно, суд признал это их оправдание и проявил снисхождение к обоим негодяям с огромными доходами:

«В их пользу говорит их положение, заслуживающее сожаления. Далее следует учитывать, что Орлов действовал не только из стремления к наживе, но и с целью нанести вред своему открытому смертельному врагу — большевизму².

¹ Заключение фон Фосса цитируется по «Роте фане» от 7 июля 1929 года и брошюре: Albert Norden, Krieg im Dunkeln, Berlin 1929, S. 21—22.

² Bibliothek beim Obersten Gericht der DDR, Sammlung sämtlicher Erkenntnisse des Reichsgerichts. Strafsenate 1929, II. P. J. 83. 29, vom 29. August 1929, Urteilsverkündung, S. 26.

И, хотя суд установил в качестве мотива преступления стремление к наживе, он признал смягчающие обстоятельства и дал преступникам еще и моральное удовлетворение, возложив расходы по процессу на государственную казну!

Никто не требовал от берлинского классового суда симпатий к Советскому Союзу. Но ведь в конце концов существовали советско-германские отношения, регламентированные договорами и носившие вполне определенный характер. С точки зрения корректности этих отношений поощрение проходимцев-фальсификаторов, выразившееся в мере наказания и в обосновании приговора, является возмутительным. И если в приговоре в оправдание обвиняемых говорилось о том, что они фальсифицировали только «частные» бумаги, то это нельзя назвать не чем иным, как откровенным цинизмом.

На суде выяснилось позорное сотрудничество германских правительственные инстанций с уголовными преступниками из числа русских белогвардейцев. Вместо того чтобы заклеймить это сотрудничество, суд использовал его в качестве повода к тому, чтобы фактически отпустить фальсификаторов без всякого наказания. Таким приговором крупная германская буржуазия и ее классовые судьи говорили уголовным преступникам типа Орлова: «Наши власти давали вам работу, наши власти отпускают вас на свободу! Фальсификаторы, продолжайте ваши фальсификации! Заговорщики, готовьте новые покушения! Враги мира, продолжайте вредить отношениям между Германией и Советским Союзом!»

Мелкие негодяи с большой пропекцией

Процесс Орлова показал, какие серьезные последствия имела антисоветская фальсификация документов, процесс подделывателей червонцев вскрыл часть международной сети военного заговора. Оба процесса разоблачили юстицию Веймарской республики как институт, для которого было важно не право, а защита и оправдание преступников. Берлинские суды и их начальство из министерств сочли антисоветские цели фальсификаторского отребья великолепными, а их методы приемлемыми, ибо, как говорится, тот, кто стремится к определенной цели, должен применять определенные методы.

Третий процесс показал это еще более наглядно. Здесь мы имеем дело с мелкими проходимцами, которые ради бутерброда с яйцом пишут самые большие глупости. Это фальсификаторы мелкого пошиба, которые, однако, могут нанести большой вред, так как всегда чувствуют над собой охраняющую длань немецких властей, когда дело идет о борьбе против Советского Союза.

Речь идет об иранце Али Хане Афшаре и русском белогвардейце Георгии Елагине. Первый был международным авантюристом, чье темное прошлое привело его из Тегерана через Одессу, Константинополь, Месопотамию, Бейрут, Париж и Брюссель в Берлин. Второй — субъект, который привлекался к суду за кражи и другие уголовные преступления. В 1931 году Афшар приехал в Берлин и в кафе «Мокка эфти» на Фридрихштрассе познакомился с Елагиным. Это было время мирового экономического кризиса, и разговор зашел вскоре о деньгах. Оба обманщики быстро пришли к единому мнению, что можно легко и скоро зарабатывать деньги, снабжая аккредитованных в Берлине иностранных дипломатов информационными сообщениями о Советском Союзе. Но где достать такие материалы?

Мы в состоянии дать точное представление об истории возникновения таких «сообщений» и «кухне», где последние стряпались, 17 июня 1932 года Афшар дал по-

казания в берлинском полицей-президиуме, и подписан-
ный им протокол венчали следующие фразы:

«Материал для информационных сообщений Елагин
доставал из телефонных книг всех стран, из которых он
выписывал фамилии и адреса. Текст к этому он сочинял»¹.

Несчастные обладатели фамилий, на которых останавливался жадный взор Елагина, под его пером превращались в советских агентов, которых он в своих отчетах снабжал огромными суммами из Москвы и весьма таинственными заданиями, во всяком случае связанными с переворотом. На этом работа Елагина заканчивалась и начиналась миссия владевшего языками Афшара, который сбывал опусы Елагина соответствующим дипломатическим миссиям.

Советник японского посольства д-р Того сразу выложил на стол 100 марок и спросил, нет ли еще дополнительной информации. Конечно, пожалуйста! Оба проходимца быстро перелистали еще несколько подшивок газет и телефонных книг и выдумали четырех людей, которые должны отправиться в Токио по поручению Коминтерна, или ГПУ, или еще кого угодно. Того опять выложил 50 марок и пообещал еще больше, если к нему в руки попадут фотографии этих людей. Ничего нет легче, чем это.

«Елагин отправился в русское посольство и затребовал там несколько въездных формуларов, с которыми он вернулся в свою квартиру. Из этих формуларов Елагин вырезал одно место, а именно то, где с края стояла подпись: «Консульство СССР в Берлине, виза №...» На вырезанное он наклеил фотографию, которую раздобыл у одного фотографа. Таким способом Елагин изготовил четыре снимка, и я снова отправился к д-ру Того и получил за это 150 марок»².

Конечно, Того не мог не заметить, что в данном случае речь идет не о секретных экземплярах документов из картотеки советского посольства, а о всем доступных чистых бланках. Одному дьяволу известно, что впоследствии стало с Афшаром и Елагиным. Их соучастник д-р Того, финансист и заказчик фальсификаторов, поднялся очень высоко, но в конце концов упал очень низко: спустя

¹ DZA, Potsdam, Akten des Auswärtigen Amtes, betreffend die Strafrechtliche Verfolgung von Dokumentenfälschern. Fall Jelagin und Afschar (1932—1936), Nr. 27424, Bl. 14.

² Ibid., Bl. 16.

полдесятилетия он в качестве посла принимал решающее участие в заключении «Антикоминтерновского пакта» и в 1941 году, будучи министром иностранных дел, организовал вступление Японии во вторую мировую войну на стороне Гитлера и Муссолини. По окончании войны он был осужден как военный преступник и умер в тюрьме.

Господа послы и посланники в Берлине очень хотели узнать, что делают коммунистические партии у них на родине. Белогвардец — квартирант г-жи Аффельт, проживавшей в Берлине НВ 6, ам Циркус 5, знает все, так как он буквально все высасывает из собственного пальца, и из его, Елагина, комнаты вытекает целый ручей сообщений, который течет в берлинские дипломатические миссии Италии, Испании, США, Японии, Финляндии, Болгарии и Югославии, Литвы, Чили и Парагвая. Однажды — это было 22 февраля 1932 года — Афшар передал испанскому пресс-атташе очередное информационное сообщение. Сеньор Родино, который был не настолько глуп, чтобы не заметить всего обмана, тем не менее дал проходящему 20 марок, но сказал, что было бы лучше, если бы в будущем он получал не сообщения, а документы.

И вот началась новая фаза. Стоит рассказать о том, как по рецепту этих фальсификаторов изготавливается документ, компрометирующий Советский Союз. Нужно отправиться на прекрасную улицу Унтер ден Линден, стать перед домом советского посольства и срисовать советский герб, затем вырезать из газеты русские буквы, сложить вместе герб и буквы — и уже готова печать несуществующей советской организации. Затем нужно отправиться на близлежащую Фридрихштрассе, где в магазине за 50 пфеннигов в час можно получить напрокат пишущую машинку со шрифтом на любом языке. Там по-русски пишется рожденный фантазией автора текст, но всегда с абсурдными «заданиями Москвы» русским и иностранном коммунистам совершать преступления в чужих странах. На этот лист дома наклеивают затем шапку бланка и отиск печати. Затем идут к фотографу, чтобы изготовить фотокопии, на которых больше нельзя увидеть, что на бланке был наклеен эрзац печати.

Восемь таких «документов» сfabриковал Афшар для испанского пресс-атташе и получил за них 1500 марок. Осмелев, оба обманщика снабдили несколько своих бумаг собственноручной подписью Сталина — это повышало цену.

Каждый нормальный человек спросит себя: как можно сбывать такие грубо сделанные фабрикации как подлинные документы. Но не было бы ничего ошибочней, как зачислять плативших дипломатов в категорию обманутых. *Mundus vult decipi* — мир хочет быть обманутым, и эти послы и посланники хотели быть обманутыми, ибо им требовалось документы, добывая любым путем, как повод для преследования коммунистов и других прогрессивных элементов своих стран. Эти фальсификации были важной составной частью антикоммунистической и антисоветской кампаний.

В ходатайстве о приглашении иностранных дипломатов в качестве свидетелей на процесс Елагина и Афшара, обвиняемых в фальсификации документов, защитник писал:

«Особенно господа из румынского, японского и испанского посольств могут заявить, что они говорили обвиняемому: обеспечьте нас документами, все равно, настоящими или поддельными, мы вам хорошо заплатим. Эти документы нужны нам для борьбы с коммунистическим движением»¹.

И вот фирма Елагина и Афшара разыскала трех подозрительных типов, которые должны были временно остановиться в бухарестском отеле «Континенталь». Сигурранца — тайная полиция румынской королевской диктатуры — быстро извлекла трех приезжих из отеля. С этого времени Афшар общается с первым секретарем румынской миссии в берлинском баре «Фемина» — одном из тех ресторанов полусвета, где мир большой дипломатии обделявал свои темные дела с политическим подпольем.

Вообще же дело дошло до судебного процесса только потому, что оба проходящица не поделили денег, перегрызлись и донесли друг на друга.

8 августа 1932 года в третьей судебной палате по уголовным делам I земельного суда началось разбирательство. Защитник ходатайствовал о приглашении в качестве свидетелей ряда иностранных дипломатов, аккредитованных в Берлине, чтобы установить, что фальшивые документы изготавливались по их заказу. С согласия прокурора суд удовлетворил это ходатайство, и заседание было перенесено.

¹ Ibid., Bl. 81.

За кулисами разразилась паника. Разоблачить иностранных дипломатов как заказчиков фальшивок значило перед всем миром признать, что советское вмешательство во внутренние дела других государств, о котором неустанно твердили, не что иное, как плод примитивной фантазии неумелых фальсификаторов, признать, что их тупорная работа служила оправданием идеологической, экономической и военной интервенции против Советского Союза. Как видим, выполнение решения палаты I земельного суда могло бы содействовать очищению международной атмосферы.

Понятно, что все те, кто был заинтересован в сохранении напряженности в отношениях с Советским Союзом, пришли в страшное волнение. А заинтересован в этом был весь официальный Берлин — от имперского и прусского правительства до иностранных дипломатов. 24 часа спустя после решения представители германского министерства иностранных дел и министерства юстиции собрались на совещание.

«Я выразил наше удивление тем, — говорится в записях представителя министерства иностранных дел, легационного советника д-ра Мартиуса от 9 августа 1932 года, — что прокуратура не сочла нужным снестись с министерством юстиции, прежде чем давать согласие на запрос защиты. Министерство юстиции не исключало возможности аннулирования решения суда»¹.

Неплохая деталь для доказательства независимости юстиции! И действительно, две недели спустя в министерстве иностранных дел состоялась конференция, на которой присутствовавшие там прокуроры заявили, что решение суда подлежит отмене. «Прокуратура потребует, в случае если обвиняемые будут настаивать на своих показаниях, закрытого разбирательства на том основании, что публичное оглашение вымышленных фактов, порочащих высокопоставленных дипломатов, принесет вред отношениям Германии с иностранными державами»².

Когда иностранные дипломаты финансируют в Берлине изготовление фальшивок, сеющих недоверие, ненависть и вражду к Советскому Союзу, то это не вредит зарубежным связям Германии. Когда же те, кто заказывает, оплачи-

¹ Ibid., Bl. 87/88.

² Ibid., Bl. 129.

вает и получает эти документы, вкупе с выполняющими такие заказы бандитами должны стать у позорного столба, то есть там, где им и надлежит быть, тогда в дело вмешиваются правительственные органы, которые в течение ряда лет были осведомлены о деятельности этих изготовителей фальшивок и не высказывали никакого протеста.

Имеются доказательства того, что уже 26 марта 1929 года имперский комиссар по надзору за общественным порядком сообщил ряду министерств Германии и Пруссии о фальшивках Елагина. Однако за этим ничего не последовало. Проходимца даже не заставили прекратить его махинации, ведь он, хотя и был всего-навсего пешкой, участвовал в отвратительной игре против Советской власти...

Уже 27 августа 1932 года Мартиус со вздохом облегчения мог сообщить статс-секретарю фон Бюлову, что судебная палата после консультаций с прусским министерством юстиции отменила решение о приглашении девяти дипломатов (среди них итальянского и испанского послов) на процесс о фальшивках. «Вопрос о закрытом разбирательстве также обсужден с органами юстиции»¹.

И вот началась настоящая закулисная комедия. Обвиняемым настоятельно предложили отказаться от своих признаний, сделанных ими добровольно при допросе в полиции, и не настаивать на приглашении дипломатов. При этом не было недостатка в обещаниях. Добились также, что они сменили своего адвоката, который уж очень напирал на правду, и взяли нациста Камеке, покровителя и неизменного адвоката пресловутого отряда СА — «мордштурм-33».

Следуя принципу «Тише, тише, только без шума!», 20 октября 1932 года провели процесс. Общественность на него не была допущена. Ни один иностранный дипломат не привлекался в качестве свидетеля, а шайка проходимцев, вина которых была очевидна, была оправдана по всем статьям и выпущена на свободу.

Чтобы прикрыть этот невероятный скандал мантей правосудия, суд со всей серьезностью заявил, что подсудимые «верили в истинность сведений, переданных ими в миссии и посольства»². Но это находится в полном

¹ Ibid., Bl. 137.

² Ibid., Bl. 167/168.

противоречии не только с их ранними признаниями, но и с тем, что они показали на закрытых заседаниях суда. Ибо какими бы закрытыми они ни были, все же на них, смогли присутствовать два господина из министерства иностранных дел, и в их сообщениях о закрытом разбирательстве мы находим такое изложение заявления Афшара:

«Фальшивые документы советских учреждений делались им по заказу соответствующих дипломатических представительств. Этим представительствам, во всяком случае, было известно, что дело идет о фальшивках»¹.

Итак, подсудимые признают, что делали фальшивки и делали их по заказу официальных представителей враждебных Советскому Союзу правительств. Однако, для того чтобы не компрометировать их высокопоставленных заказчиков, не говоря уже о том, чтобы не обвинять, изготовителей и поставщиков фальшивок оправдывают.

Так немецкая юстиция под наjjимом правительства поощряла уголовные дела белогвардейцев, направленные против страны, с которой Германия официально была в дружественных отношениях. Откровеннее вряд ли можно было поддерживать захватнические устремления поджигателей войны. Жестокая кара обрушивается на любого, даже самого мелкого подделывателя векселей. Но когда в центре Берлина, в магазине пишущих машинок, рецидивисты и прочие темные элементы с антисоветскими целями подделывают документы и распределяют их в кафе и барах, то обычно суровые прусские судьи превращаются в снисходительно улыбающихся, все понимающих и все прощающих добрых дядюшек.

«Роте фане» писала 25 октября 1932 года: «Так в капиталистической Германии поощряются антибольшевистские преступники». Спустя три месяца, с приходом Гитлера к власти, практика афшаров и елагиных стала официальной государственной политикой, а «Роте фане» была запрещена.

---

¹ Ibid., Bl. 161.

Много провокаций и мало разума

То, что делалось в Моабите в 1929, 1930 и 1932 годах для поощрения антисоветских происков, шло параллельно с общей внешнеполитической линией господствующих классов Германии, ставшихся охладить атмосферу советско-германских отношений. Правда, чтобы смягчить крайне неблагоприятное впечатление, произведенное на Москву Локарнским пактом, и не порвать с ней отношений, в апреле 1926 года с Советским Союзом был заключен так называемый Берлинский договор. В известной степени он должен был нормализовать советско-германские отношения, поставленные под удар штрэземановской прозападной ориентацией. Но все же нельзя не учитывать оговорку имперского министра иностранных дел, заявившего на секретном заседании внешнеполитического комитета рейхсрата 27 апреля 1926 года: «Россия хотела безоговорочного и неограниченного договора о нейтралитете. На это мы не могли согласиться»¹.

Нет, подлинного и безоговорочного нейтралитета, предельно честного отношения к Советскому Союзу Штрэземан не хотел. По собственному его признанию, он хотел использовать экономические связи в качестве рычага и с его помощью повернуть Советский Союз на путь капитализма, «ибо я придерживаюсь того мнения, что необходимо настолько крепко связать экономику России с капиталистической системой западноевропейских держав, чтобы тем самым проложить путь к изменениям в России, которые, по моему мнению, только и могут сделать из Советской России государство и экономическую систему, пригодные для совместной жизни»².

---

¹ Sächsisches Landeshauptarchiv Dresden, Gesandtschaft Berlin, Nr. 373, Reichsrat, Ausschuß für Auswärtige Angelegenheiten, Bd. II, 1921—1931, Bericht des sächsischen Gesandten in Berlin, Gradauer, an das sächsische Ministerium der Auswärtigen Angelegenheiten vom 29. April 1926.

² Gustav Stresemann, Vermächtnis, Bd. III, S. 151.

Партийный коллега Штреземана действительный статс-секретарь и депутат рейхстага барон фон Рейнбабен довел мысль своего министра иностранных дел до логического конца, когда писал, что «в отношении русской проблемы все больше и больше выявляется известная солидарность всех прочих великих держав... чтобы такой позицией содействовать разумной эволюции»¹.

Следовательно, оказать на жим на Советский Союз, сжать его клемами экономической — и не только экономической — блокады и таким образом вновь навязать советским народам капитализм. Не ясно ли, что, преследуя подобные цели, Штреземан в гораздо большей степени был заинтересован в хороших отношениях с империалистическим Западом, чем с социалистическим Востоком? И он почувствовал себя в крайне неприятном положении, когда советский народный комиссар по иностранным делам Чичерин объявил о своем визите в Берлин. Беспокойство и недовольство овладели германским министром иностранных дел, свидетельствует биограф Штреземана².

И когда в 1927 году Штреземан откровенно приукрашивал и преуменьшал военные приготовления Англии против Советского Союза, просто-напросто отрицая их наличие («Англия ни в коей мере не помышляет о войне»), когда летом 1927 года по настоянию генералов рейхсвера и фашистов имперское правительство запретило демонстрацию шедшего с огромным успехом советского фильма «Броненосец Потемкин», когда это же самое правительство в марте 1928 года грубо отвергло предложение об открытии новых отделений советского торгпредства, — то во всем этом проявилась позиция, которую можно назвать как угодно, только не дружественной. 10 марта 1928 года, за несколько дней до этой бесцеремонной выходки правительства, министр внутренних дел Кейдель (немецко-национальная народная партия) направил в имперское министерство иностранных дел письмо, в котором писал:

¹ Jahrbuch für Auswärtige Politik, 1930, S. 27.

² Rudolf Olden, Stresemann, Berlin 1929, S. 231.

³ Sächsisches Landeshauptarchiv Dresden, Gesandtschaft Berlin, Nr. 373, Reichsrat, Ausschuß für Auswärtige Angelegenheiten, Bd. II, 1921—1931, Bericht des sächsischen Gesandten in Berlin, Gradnauer, an das sächsische Ministerium der Auswärtigen Angelegenheiten vom 18. März 1927.

«Во время переговоров с русской стороны был затронут вопрос об открытии новых отделений торгпредства и предложены условия, облегчающие открытие таких отделений.

С полного согласия прусского правительства, исходя из внутриполитических причин, я решительно высказываюсь против создания новых русских торговых представительств в Германии»¹.

Автор письма принадлежал к немецко-национальной народной партии, а ссыпался на социал-демократическое правительство Пруссии. Так рука об руку сотрудничали буржуазное коалиционное правительство рейха и социал-демократическое коалиционное правительство Пруссии, чтобы предотвратить расширение экономических связей с Советским Союзом.

Когда в середине марта 1928 года в Донбассе был раскрыт контрреволюционный заговор, в котором были замешаны и немецкие инженеры, антисоветски настроенные правительственные круги в Берлине воспользовались этим для того, чтобы 15 марта прервать длившиеся уже месяц экономические переговоры с Москвой. Сколько мало оснований для возмущения имелось тогда у берлинского правительства, поведал двадцать лет спустя хорошо осведомленный в этом вопросе посол фон Дирксен.

«Что касается общей политico-экономической точки зрения, то эти разбросанные по всей России инженеры представляли для меня весьма ценный источник информации. Наиболее способные из них имели тесный контакт с посольством и консульствами. Таким путем мы были основательно информированы не только об экономическом развитии страны, но и по другим вопросам, например, об общих настроениях в стране, с положении внутри партии. Я не думаю, чтобы какая-либо другая страна до или после нас имела столь исчерпывающую информацию о Советском Союзе, как Германия в эти годы»².

---

¹ DZA, Potsdam, Reichsministerium des Innern, Abt. P., Deutsch-russische Verträge von März 1926 bis Februar 1932, Nr. 25832/1. Кейдель был позднее нацистом и статс-секретарем при Гитлере. Теперь он член аденauerовской партии — ХДС и в 1954 году был награжден высшим орденом боннского режима — «Большим крестом за заслуги со звездами и лентой».

² Herbert von Dirksen, Moskau-Tokio-London, Stuttgart 1949, S. 104.

Диркссен, бывший послом в Москве с 1928-по 1933-год, подтверждает, что с помощью немецких техников и инженеров, приглашенных советским правительством или присланных немецкими фирмами для установки поставляемого оборудования и для монтажных работ, в стране была создана настоящая шпионская сеть. Весьма показательно в этом отношении и письмо депутата прусского ландтага от немецко-национальной народной партии Линднера, писавшего в 1926 году майору в отставке Карлу Шмидту в Гофф (Заале):

«Впрочем, сегодня уже не очень трудно получать достоверные сведения из России... У нас там есть доверенные лица, и мы фактически в каждый момент в курсе того, что происходит в России»¹.

Правителям Германии действительно не к лицу было их лицемерное возмущение арестом кое-кого из их «доверенных лиц». Настоящая радость по поводу срыва германо-советских торговых переговоров царила в центре международных военных заговоров в Лондоне. Дипломатический корреспондент консервативной газеты «Дейли-телеграф» говорил «о новой солидарности великих держав Запада» и в связи с «значительными изменениями политики министерства иностранных дел [германского] в отношении Москвы» обращал внимание на тот факт, что «Штреземан покинул Женеву, не дождавшись прибытия Литвинова»².

После того как дело немецких инженеров в Донбассе разрешилось и один из них на основании собственного признания был осужден, а другие, все отвергавшие, освобождены, германскому правительству не оставалось ничего более, как возобновить экономические переговоры. Однако о том, как и с какими задними мыслями это было сделано, показывает письмо Штреземана канцлеру Германии от 20 августа 1928 года. В нем говорится:

«Особенно спешить не следует ни из экономических, ни из политических соображений... Поэтому представляется целесообразным поставить теперь советское правительство в известность о том, что германское правительство в принципе согласно на возобновление экономических

¹ DZA, Potsdam, DNV-Allgemeine Korrespondenz, Nr. 23, Schreiben des Lindner an Major a. D. Schmidt vom 27. Oktober 1926.

² Корреспонденция из Лондона в «Берлинер-тагеблатт» от 15 марта 1928 года.

переговоров и что оно намерено, предположительно в конце октября, когда можно будет опять использовать экспертов, обменяться с Советским Союзом мнениями относительно даты возобновления переговоров. В основе предложения о том, чтобы обсудить вопрос о возможности возобновления экономических переговоров лишь в конце октября, лежит намерение оттянуть начало самих переговоров по возможности до будущего года, так как до 1 января 1929 года русские должны внести около 80 миллионов марок в счет кредита на общую сумму 300 миллионов марок»¹.

Это письмо дает возможность понять те методы саботажа, к которым Штреземан прибегал даже тогда, когда уже не мог избежать переговоров с Советским Союзом. Впрочем, его желание осуществилось не в полной мере: уже в конце декабря 1928 года экономические переговоры были успешно завершены. На это преждевременное, с точки зрения Штреземана, решение германское правительство вынуждено было пойти, чтобы сгладить неприятное впечатление от наглой провокации группы крупных финансистов.

Дело в том, что поздней осенью 1928 года многие берлинские крупные банкиры вступили в «международное объединение кредиторов», находившееся под английским руководством. Это объединение ставило своей целью добиться от советского правительства уплаты всех царских долгов и в качестве средства воздействия решило прибегнуть к бойкоту Советского Союза в кредитовании со стороны международного финансового капитала. Это была настоящая лобовая атака Рапалльского договора, согласно которому Германия и Советский Союз обоюдно отказывались от всех прежних долгов. Данное немецкой стороной официальное объяснение, будто речь идет о частной инициативе банкиров, на которых правительство-де не может оказывать влияние, звучало весьма неправдоподобно. Ведь, например, совладелец банка Блейхрёдера (присоединившегося к лондонскому комитету) П. фон Швабах являлся одновременно первым председателем наблюдательного совета официального телеграфного агент-

---

¹ DZA, Potsdam, Reichsministerium des Innern, Abt. P., Deutsch-russische Verträge von März 1926 bis Februar 1932, Nr. 25832/1.

ства ВТБ¹. Кроме того, 20 ноября 1928 года коммунистическая фракция в рейхстаге установила, «что до присоединения банка Мендельсона к Лондонскому объединению кредиторов. — А. Н.] велись переговоры и состоялся обмен письмами между министерством иностранных дел и банком Мендельсона... Каждый знает, что если бы германское правительство действительно захотело удержать банк Мендельсона от присоединения к антирусскому блоку в Лондоне, то для этого было бы достаточно легкого нажима...

Министерство иностранных дел и правительство не сделали ни малейшей попытки предотвратить усиление антирусского блока в международном комитете кредиторов в результате присоединения к нему немецких банков»².

Резкий протест с советской стороны против такого нарушения духа и буквы Рапалльского договора, а также не-приглядное положение, в котором очутилось германское правительство, и заставили его, очевидно, в качестве компенсации завершить германо-советские переговоры быстрее, чем это предполагал Штреземан.

Первая половина 1929 года прошла, естественно, без существенных помех в германо-советских отношениях. На поверхности все было спокойно. Но тем интенсивнее действовала политическая артиллерия антисоветчиков. Весной 1929 года в Париже появились немецкие генералы, политики и промышленники. Они предложили западным державам заключить экономический и военный пакт против Советского Союза. Депутат — коммунист Вальтер Штеккер, выступая 24 июня 1929 года в рейхстаге, полностью раскрыл карты заговорщиков. Он заявил:

«Генерал фон дер Липпе излагал в последние недели в Париже государственным деятелям Антанты детальные планы военного похода против Советского Союза с участием вооруженных сил Германии. (*Возгласы со скамей коммунистов: «Слушайте, слушайте! Где Штреземан?»*)

В полном согласии с генералом фон дер Липпе немецкий магнат калийной промышленности Рех-

¹ WTB — Wolffsches Telegraphenbüro — телеграфное бюро Вольфа.

² Verhandlungen des Reichstags, IV. Wahlperiode 1928, Bd. 423, S 448.

берг излагал подобные же планы экономического, финансового и военного характера господину Пуанкаре и другим членам правительства в Париже. (*Возгласы со стороны коммунистов: «Слушайте, слушайте!»*)

Как же получилось, что господин Рехберг, с которым Штрэземан якобы не имеет ничего общего, мог во время неоднократных бесед с германским послом в Париже фон Хёшем докладывать последнему о своих переговорах с другими государственными деятелями относительно пакта? Господин фон Хёш — германский посол — не только не вышиворнул господина Рехберга за дверь, но весьма внимательно выслушал рассказ о финансовых и военных переговорах господина Рехберга с Пуанкаре и с представителями английского правительства. И, как мы достоверно знаем, этими переговорами весьма заинтересовался не только господин фон Хёш, но и господин Шахт, и господин Штрэземан, подробно проинформировавшийся об этих переговорах. (*Возгласы со скамей коммунистов: «Слушайте, слушайте!»*) Господин Рехберг дал по поводу этих переговоров объяснение, которым я располагаю и в котором он говорит о своей деятельности в Париже следующее:

«Во время моей поездки в Париж дело шло об устном продолжении обсуждений, которые уже давно велись мною с английскими и французскими государственными деятелями. В этих обсуждениях и раньше и теперь принимали участие депутаты и политики Германии, представлявшие различные партии — как правые, так и левые. (*Возгласы коммунистов: «Слушайте, слушайте!»*)...

После того как мои переговоры с английскими и французскими государственными деятелями в Париже дали первые положительные результаты, я в присутствии генерал-лейтенанта в отставке господина фон дер Липпе информировал об этом немецкого посла господина фон Хёша и оставил на его усмотрение вопрос о том, склонить ли германское министерство иностранных дел к вступлению в переговоры...»

Дамы и господа! Не менее интересны и переговоры иных других господ в Париже, а именно

переговоры, которые вели господа фон Кюльман и Шахт по русскому вопросу. Господин фон Кюльман—предшественник Штреземана, министр иностранных дел военного времени — делал государственным деятелям Антанты в целом такие же предложения, как и господин Рехберг. (*Возгласы коммунистов: «Слушайте, слушайте!»*)

Различие состояло только в том, что он несколько дороже запрашивал за участие Германии в едином фронте против Советского Союза.

Господин министр иностранных дел Германии заявил, что его министерство ничего общего не имел с господином Рехбергом. Но в то же время точно установлено, что господин фон Кюльман вел свои переговоры в Париже, находясь в самом тесном, доверительном сотрудничестве с господином Шахтом, и что господин Шахт заставлял говорить господина фон Кюльмана то, чего он сам еще не хотел сказать во время переговоров, а именно, что он заставил господина фон Кюльмана потребовать в качестве компенсации за готовность Германии участвовать в их союзе возвращения Германии ее крупных колониальных владений, возвращения германскому неоимпериализму широких возможностей эксплуатации колоний. И господин фон Кюльман был именно тем человеком, который вел в первую очередь финансовые переговоры в связи с созданием единого фронта государств Антанты против России.

Более того, дамы и господа, официальный представитель правительства Германии господин Шахт сам принял участие в обсуждениях, нацеленных на создание финансового блока против Советской России¹.

Депутат Штеккер сообщил еще много других документов подтвержденных деталей, которые дорисовали общую картину. Можно ли сказать, что Рехберг, Липпе, Шахт и фон Кюльман были уполномочены германским правительством делать эти свои предложения и шаги?

¹ Verhandlungen des Reichstags, IV. Wahlperiode 1928, Bd. 425, S. 2832/33.

Доказать этого нельзя, и не следует утверждать больше того, что можно доказать. Однако если бы Штреземан и прочие члены правительства серьезно относились к политике Рапалло, подтвержденной в 1926 году Берлинским договором, то те, кто словом и делом зачеркивал эту политику, совершая государственное преступление, должны были бы сидеть за решеткой. А вместо этого им предоставляли полную свободу заниматься зондажем и делать милитаристские предложения, желая получать самую точную информацию относительно резонаанса, вызываемого такими предложениями. При подобном способе действий от неофициальных посредников в случае необходимости всегда можно было отречься.

Речь шла о внешней политике «двойного дна», о постоянном надувательстве, при котором левая рука не должна была знать, что творила правая, о торгашеской политике неустанного зондажа насчет цены, которую западные империалисты готовы были заплатить своим немецким партнерам в случае их открытого присоединения к антисоветскому блоку.

И Штеккер с полным основанием указал в своей речи на связь событий в Париже с подлыми фальсификациями, творимыми на немецкой земле:

«... случайно ли, что именно в Германии фальшивомонетчики так активизировались, направляя эту свою деятельность против Советского Союза? Ведь здесь было обнаружено 24 центнера фальшивых червонцев, а также бумага для печатания денег, которой хватило бы на миллион русских банкнот. Но интересен не только сам факт подобной фальсификации денег. Показательно также то, что это преступление было раскрыто еще два года тому назад, и два года потребовалось, чтобы против этих фальшивомонетчиков было вообще возбуждено судебное дело. (*Возгласы со скамей коммунистов: «Слушайте, слушайте!»*)

Не случайно и весьма интересно также то, что материалы следствия и судебного разбирательства — все без исключения — фотографировались и переправлялись в Англию, в руки нефтяного короля господина Детердинга, в первую очередь заинтересованного в этих денежных фальшивках.

И случайно ли, что такая опасная в международном масштабе банда подделывателей документов, как шайка белогвардейца Орлова, в течение многих лет могла творить в Германии свои черные дела, провоцируя и натравливая западные державы на Советский Союз и получая за это в качестве поощрения и поддержки огромные суммы от германского правительства и министерства внутренних дел? Случайно ли, что банды Орлова многие годы вели свою преступную деятельность с ведома и согласия берлинского полицей-президиума и его политического отдела?»¹

Через несколько недель после речи Штеккера депутат подделывателей документов Орлов-Сумароков был реабилитирован берлинскими судьями и отпущен на свободу.

Осенью 1929 года началась широко организованная клеветническая кампания, завершившаяся прямым вмешательством имперского правительства во внутренние дела Советского Союза. Правительство социал-демократического рейхсканцлера Германа Мюллера совместно с немецко-национальной народной партией предприняло попытку выманить из Советского Союза крестьян, родным языком которых был немецкий. Это предпринималось под лозунгом: «Спасем для Германии крестьян немецкого происхождения, проживающих в России!» Для организации массовой эмиграции упомянутых крестьян из России в ноябре 1929 года был назначен даже имперский комиссар.

Месяц спустя имперское правительство вынудило торговое представительство Советского Союза закрыть свои отделения в Кёльне и Мюнхене.

Одновременно было заключено соглашение с пользующимся дурной славой шведским дельцом Крейгером (покончившим жизнь самоубийством в 1932 году после фиктивного банкротства). Это соглашение давало ему за предоставленный заем монопольное право на ввоз спичек. Тем самым с немецкого рынка автоматически устранились лучшие и более дешевые советские спички, которые пользовались спросом у населения.

¹ Verhandlungen des Reichstags, IV. Wahlperiode 1928, Bd. 425, S. 2835.— Вальтер Штеккер был убит в 1940 году в концентрационном лагере Бухенвальд после многолетнего тюремного заключения.

Организованная травля Советского Союза еще больше усилилась в первые месяцы 1930 года. 24 января в прусском министерстве внутренних дел состоялась конференция тщательно отобранных «благонадежных» журналистов, которая наметила план настоящей кампании по отравлению общественного мнения¹.

При этом было решено оклеветать отделения ДЕРОП'а (то есть советские торговые предприятия по продаже нефти), выдавая их сотрудников за агентов, подготавливающих коммунистические восстания в Германии. Этот план был осуществлен, и притом — что следует особо отметить — в самый разгар процесса фальшивомонетчиков, во время которого были разоблачены махинации английского нефтяного короля Детердинга против Советского Союза. То, что обсуждалось и решалось в кабинете прусского министра внутренних дел социал-демократа Гржезинского, должно было отвлечь внимание общественности от этих антисоветских махинаций. Британский концерн «Шелл», нагло вмешиваясь в германскую политику, плел вкупе с немецкой реакцией военный заговор против Советского Союза. А для того чтобы спасти из-под огня критики скомпрометированных злодесев, были сочинены злостные вымыслы о советских торговых отделениях по продаже нефти в Германии.

8 февраля, через две недели после конференции в прусском министерстве внутренних дел, фальшивомонетчики были безнаказанно выпущены на свободу. Этот шаг берлинского суда, фактически означавший объявление Советского Союза вне закона, дал повод фашистской полиции Мюнхена сделать свои выводы. 11 февраля большой наряд полиции совершил налет на помещение торгового представительства СССР. Полиция искала... взрывчатые вещества и оружие. Она не пощадила и жилых помещений советских граждан. Само собой разумеется, ничего найдено не было.

В эти же февральские дни 1930 года была совершена еще одна попытка создать единый воинственный международный блок против Советского Союза. То, что не удалось английскому нефтяному королю, чего тщетно добивались банковские акулы капиталистических держав, что не могли реализовать французские маршалы и немецкие генералы, о

¹ «Роте Фане», 4 февраля 1930 года.

чем безрезультатно помышлял американский президент Гувер, предпринял теперь папа римский. В послании, опубликованном 8 февраля 1930 года (в день освобождения берлинских фальшивомонетчиков), папа Пий XI начал международный поход против Москвы. Он заявил, что:

во-первых, уже в 1922 году, во время конференции в Генуе (в ходе которой состоялось историческое урегулирование германо-советских отношений путем заключения Рапалльского договора), он призвал правительства всех стран только тогда устанавливать дипломатические отношения с Советским Союзом, когда русской православной церкви будут возвращены огромные земельные угодья и другие богатства;

во-вторых, создал теперь комиссию по делам России, «чтобы знакомить мир с мерзостями большевизма»;

в-третьих, жалует всем молящимся об освобождении России от большевизма отпущение грехов;

в-четвертых, призывает «весь христианский мир» объединиться 19 марта 1930 года в молитве, «чтобы, наконец, прекратилось это великое наказание».

Послание заканчивалось многозначительной фразой: «Мы уверены, что божественное пророчество создаст необходимые средства и предоставит их в момент, который сочтет необходимым, для того чтобы восполнить нравственный и материальный ущерб, нанесенный этой огромной стране»¹.

Божественное пророчество пользовалось в Берлине услугами барона фон Папена и других достопочтенных биржевиков и крупных капиталистов. Для подготовки оповещенного папой дня борьбы 14 марта 1930 года в «Клубе господ», в залах которого за рюмкой охлажденного рейнвейна обсуждалось образование кабинетов Брюнинга, Папена, Шлейхера и Гитлера, состоялась закрытая конференция, на которой присутствовали 150 человек. В числе 17 ораторов были министры — бывшие и будущие — Гесслер, фон Кейдель, фон Раумер и фон Гайль, чиновник фон Камеке, граф Ариим-Мускау (один из самых богатых людей Германии, владелец поместий и промышленных предприятий в Силезии), от католических кругов — руководитель партии центра депутат рейхстага преследовавший профес-

¹ «Германия», 13 февраля 1930 года.

сор Шрейбер и его однофамилец — епископ Берлина, от евангелических кругов — ставший позднее епископом Дибелиус и другие. В числе присутствующих были руководители Немецкого банка и фирмы «Варбург», а также президент Имперского банка и бывший рейхсканцлер Лютер.

Как сообщала газета «Роте фане», на этом секретном совещании в числе прочих выступил также мюнхенский промышленник и юнкер барон Теодор фон Крамер-Клэйтт. Он заявил, что германская промышленность сделает специальный взнос в размере 10 миллионов марок для усиления антисоветской кампании. Согласно сообщению газеты, здесь же договорились о том, чтобы «в целях дальнейшего финансирования вступить в переговоры также с английскими нефтяными магнатами. В качестве посредника для переговоров с Дестердингом был назначен некий Б., имевший свое бюро в центре антибольшевистской пропаганды на Дёнхоффплац в Берлине»¹.

Депутат рейхстага от партии центра барон фон Папен, руководивший совещанием, с удовлетворением констатировал, что «в борьбе против большевизма протестантская и католическая церкви выступают совместно». Так процитировала его ведущая газета центра «Германия» (главным акционером которой был фон Папен). Характер же совещания газета определила фразой: «Речь шла о части уже начавшегося международного культурного мероприятия»².

Что касается «культурной» стороны дела, то она состояла в распространении вряд ли поддающихся пересказу «сообщений о злодеяниях». Тут были и заживо сожженный пермский епископ, и его представитель, сброшенный в яму с негашеной известью, и епископ из Юрьева, которому отрезали нос и уши, и другие священнослужители, которых раздевали донаага и поливали холодной водой на самом лютом морозе до тех пор, пока они не превращались в ледяные статуи, и прочие, с позволения сказать, сообщения, свидетельствовавшие о безграничной фантазии их авторов.

Чем беспардоннее была ложь, тем больший отклик встречала она на церковных кафедрах и в прессе. На собрании

¹ «Роте фане», 22 марта 1930 года.

² «Германия», 18 марта 1930 года.

в «Клубе господ» 14 марта имперский министр рейхсвера Гесслер с беспримерным цинизмом продемонстрировал классовый, империалистический характер антисоветских происков.

«Имперский министр рейхсвера Гесслер мечтает о сильном человеке. Откровенность, с которой он говорил в пятницу вечером, озадачивает. Он считает, что неимущие круги хотят якобы также участвовать в разделе благ земных. Но по другую сторону стоят те, у кого всего вдоволь и даже больше, чем вдоволь. С язвительной иронией Гесслер отметил, что в *этом* кругу в первую очередь представлены те, у которых всего по меньшей мере *вдоволь*».

Это можно было прочесть 17 марта 1930 года в близкой имперскому министру рейхсвера газете «БЦ ам миттаг». Господа, «владевшие всем вдоволь», тогда же, 14 марта, основали вместе со своими сподручными духовного звания боевой союз, во главе которого встал князь Алоиз фон Левенштайн. Несколько дней спустя они создали «Союз защиты западной культуры», которым с благословения Папы римского руководил коммерческий и политический делец Вернер фон Альвенслебен и который организовывал общественные мероприятия антисоветского характера. Сам Альвенслебен, кстати, в конце первой мировой войны был своего рода политическим руководителем штаба украинской марionетки германского империализма Скоропадского.

Начатое папой «молитвенное наступление» сопровождалось милитаристским барабанным боем, и в этом в сущности и заключалась цель похода. Католический епископ Берлина д-р Шрейбер обсуждал в апреле на страницах газеты «Германия» перспективу «использования политических и военных средств воздействия в сочетании с возможным экономическим сопротивлением, каким является, к примеру, бойкот». Это был весьма грубый намек. Еще решительнее выражался хорошо известный тогда своей сверхактивной деятельностью писец антисоветизма пастор иезуитов Фридрих Мукерман. В книге «Большевизм угрожает» он без обиняков требует начать войну против Советского Союза: «Здесь не поможет никакой пацифизм»¹.

¹ Friedrich Muckermann, Der Bolschewismus droht, Köln 1931, S. 31.

Не желало оставаться в стороне также высшее евангелическое духовенство, и в берлинском Винтергартене можно было слышать бранные опусы придворного проповедника Дёринга: «Все народы... не должны знать покоя и отдыха, иска их правительства по возможности совместными... усилиями... не сделали всего необходимого, чтобы освободить русский народ от тирании большевизма»¹.

Не случайно именно 14 марта 1930 года, в день, когда на собрании в «Клубе господ» состоялись «крестины» антисоветского боевого союза, один из финансовых воротил тогдашней Германии, член правления Немецкого банка Георг Сольмссен забил в ливавры, призывая капиталистов всех стран объединиться перед лицом «опасности, которая безудержно увлекает чувства масс к мнимому благу коллективного человечества... Большевизм видит в Европе только полуостров Азии, который однажды будет захлестнут потоком хлынувших с Востока масс, отсталых в культурном отношении и поэтому особенно восприимчивых к большевистскому фанатизму... Задача мирового капитала — предотвратить этот страшный конец... Крупные банки Германии имеют непосредственное отношение к вытекающим отсюда проблемам, Германия — это вал против проникновения большевизма»².

В течении многих недель бушевало это неистовство в столице и по всей Германии. Правда, к концу 1930 года звуки антисоветских барабанов звучали все глуше. Означало ли это, что банкирам и промышленникам, епископам и реакционным политикам внезапно понравился социализм? Отнюдь нет. Но из Америки, где осенью 1929 года разразился экономический кризис, на Европу грозно надвигались мрачные тучи, закрывшие солнце конъюнктуры. Германские империалисты поняли, что трубы их фабрик, которым грозило закрытие, будут дымить не от антисоветских речей, а от советских заказов. Это умерило их воинственный пыл и кое-кого из участников антисоветского похода обратило на путь разума и деловых отношений с Москвой. Поэтому в середине 1930 года наступило временное улучшение германо-советских отношений.

¹ «Германия», 24 февраля 1930 года.

² «Берлинер бёрген-курир», 14 марта 1930 года.

Это пошло на пользу всему немецкому народу. Кривая товарооборота между обоими государствами быстро поползла вверх:

год	Импорт Герма- нии из Советско- го Союза	Экспорт Герма- нии в Советский Союз
	в млн. герм. марок	в млн. герм. марок ¹
1926	323,3	265,6
1927	433,2	329,6
1928	378,6	403,4
1929	425,7	353,9
1930	436,3	430,6
1931	303,5	762,7

Продолжать идти по такому пути ничто не мешало, по крайней мере с советской стороны, которая никогда не связывала активизацию торговых отношений с какими-либо условиями. Препятствия нагромождались с немецкой стороны. Ибо, по мере того как германский монополистический капитал, вскормленный американскими миллиардовыми займами, крепко модернизировал свои предприятия, он выдвигал на повестку дня вооружение Германии и передел мира, а в качестве внутренней предпосылки для этого — разгром немецкого рабочего движения.

Еще в феврале 1931 года крупнейшие германские промышленные магнаты совершили успешную поездку в Москву, откуда вернулись с дополнительными советскими заказами на сумму 300 миллионов марок.

Но в том же феврале 1931 года барон фон Папен и Рехберг вели в Люксембурге переговоры с французскими политическими и военными деятелями, а также с руководителями французской тяжелой индустрии. А когда Папен и Рехберг 27 февраля 1931 года докладывали в берлинском «Клубе господ» о своей люксембургской встрече, они могли уже сослаться на то, что их французские партнеры по

¹ Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich, hrsg. vom Statistischen Reichsamt Berlin, 48. Jahrgang, 1929, S. 232, u. 51. Jahrgang, 1932, S. 212.

переговорам изъявили согласие на трехкратное увеличение численности рейхсвера и оснащение его современным тяжелым вооружением, а также дали согласие на сотрудничество генеральных штабов обоих государств. И все это делалось в целях объединения европейских держав в борьбе против большевизма. Даже самый наивный человек не мог назвать теперь католического политика Папена посторонним лицом. Он пользовался дружбой президента Германии фон Гинденбурга, при котором он был политическим советником и который в начале июня 1932 года назначил его даже рейхсканцлером.

Как же объяснить кажущееся противоречие между переговорами в Москве и Люксембурге? Экономический кризис гнал владельцев концернов в поисках заказов для своих предприятий, уже частично или полностью прекративших работу, в Советский Союз. Но этот же экономический кризис диктовал германской крупной буржуазии, обладавшей теперь самым современным производственным аппаратом Европы, решение, встав на путь широкого вооружения, во-первых, загрузить свои предприятия военными заказами и таким способом обеспечить получение больших прибылей и, во-вторых, использовать эту вновь приобретенную мощь для передела Европы и мира в пользу поднявшего голову германского империализма.

И именно по этой причине рейхсканцлер и министр иностранных дел Германии Брюнинг отказался от последовавшего с советской стороны предложения отметить в апреле 1932 года 10-ю годовщину подписания Рапалльского договора и на присое, устроенному в честь этого исторического события, обменяться речами. В Рапалло здесь видели только грех молодости, о котором сами предпочтари не вспоминали и не любили напоминаний других. Помощь от Советского Союза охотно принималась, когда Германия была слаба. Теперь немецкая буржуазия вновь ощущала прилив сил. В июне 1932 года Гинденбург назначил старого поджигателя войны фон Папена рейхсканцлером, а тот привел в январе 1933 года к власти Гитлера, оставшись при нем вице-канцлером. Теперь милитаристская антисоветская кампания стала в Германии повседневным явлением. Политика крестового похода против Москвы и ее трубадуры выдвинулись на передний план, и для немецкого народа начался путь в бездну.

Горькие плоды коалиционной политики

В те годы, когда в Берлине совершались преступные антисоветские фальсификации, узаконенные затем юридически, обе рабочие партии — КПГ и СДПГ — располагали большинством голосов среди населения столицы. Однако это обстоятельство осталось не использованным в интересах трудового народа, так как лидеры СДПГ упорно отвергали какое бы то ни было сотрудничество с КПГ, предпочитая блокироваться с правящими буржуазными партиями. Берлинский полицей-президиум, а также прусское правительство возглавлялись социал-демократами. И, несмотря на это, преступные фальсификации белогвардейского толка не встречали никакого отпора с их стороны и беспрепятственно умножались. Руководящие деятели социал-демократической партии из правительственные и административных кругов действительно проявили — это подтверждается неопровергимыми доказательствами — исключительную терпимость к незаконной деятельности контрреволюционных эмигрантов. Полицей-президент Берлина Йёргибель и министр внутренних дел Пруссии Гржезинский — оба социал-демократы — бес民族文化 взяли Орлова и его соучастников под свое покровительство, хотя прекрасно видели все гнилое нутро этого белогвардейского сброва.

В делах прусского министра внутренних дел Гржезинского имеется пухлая паинка материалов о деятельности белогвардейского генерала Гуманского, уличенного в подделках документов. Чтобы оградить его от тюрьмы, нужно было удалить его из Берлина. Но даже до этого дело не дошло. Был разыгран настоящий фарс¹.

Сначала заболел сам генерал, и его запростили трогать. Через несколько недель у тещи генерала случилась мигрень, и ее нельзя было волновать. Спустя месяц дело дошло до детей, а затем наконец — весьма кстати — слегла жена.

¹ DZA, Potsdam, Reichsministerium des Innern, Aufenthalt von Ausländern im Reiche, vom 1. September 1929 bis Juni 1931, Nr. 25 843.

И с каждым таким злополучным сообщением о заболевании того или иного члена генеральского семейства министр Гржезинский лично давал указание об отсрочке высылки и в конце концов вообще отменил ее.

Естественно, возникает вопрос: почему же все-таки столь тесно были связаны руководящие социал-демократы с преступными элементами царской эмиграции? Злобная ненависть буржуазии к Советскому Союзу весьма понятна. Ведь речь шла о системе, ликвидировавшей эксплуатацию человека человеком и, следовательно, подорвавшей самую основу существования буржуазии как класса.

На сторону буржуазии в ее походах против советской власти встал также II Интернационал, и здесь именно правые лидеры германской социал-демократии сыграли особо постыдную роль.

Придя в результате Ноябрьской революции 1918 года к власти, социал-демократические лидеры имели все возможности для благоприятного развития германо-советских отношений. Но они делали обратное, хотя советское правительство и протянуло им руку.

Такую позицию можно понять лишь с учетом того, что уже давно, по крайней мере с начала этого столетия, правые лидеры СДПГ отреклись от революционной борьбы, внутренне примирившись с капитализмом, порицая только его самые злейшие пороки, а в 1914 году заняли свое место под крыльшком кайзеровско-германского империализма и одобрили его военные кредиты. Марксистскому учению о низвержении капиталистического общественного строя путем революции реформистские лидеры противопоставили теорию постепенного мирного перерастания капитализма в социализм. Это привело их к отказу от активной борьбы рабочего класса, к отказу от массовых забастовок, к участию в коалиционных правительствах вместе с буржуазией и, наконец, к открытым, жестоким и кровавым выступлениям против борющихся за социализм народных масс.

Коалиционная политика явилась естественным результатом оппортунистического перерождения социал-демократического и профсоюзного руководства. Тот, кто извращал марксизм в реформистском духе, кто замалчивал и искажал марксистское положение о необходимости революционного захвата власти рабочим классом, разрушения буржуазного государственного аппарата, замены

его диктатурой пролетариата, вполне закономерно должен был прийти к сотрудничеству с буржуазией. При коалиционной системе правления рабочий класс был и оставался рабом капитала и вынужден был оставаться им, ибо ничего не изменилось в старых общественных отношениях, в частной собственности на средства производства, в распределении собственности. Поэтому коалиционная политика, какими бы мотивами ни руководствовались ее социал-демократические защитники и проводники, приносila рабочему классу один только вред и втягивала его в колесницу финансового капитала. Фактически коалиционная политика как раньше, так и теперь — чрезвычайно эффективное оружие в руках буржуазии для усмирения пролетариата.

Когда-то социал-демократические лидеры обещали врастание рабочего класса в социализм, в действительности же сами лидеры СДПГ — как крупные, так и помельче — вросли в капитализм. Подсчитано, что после десяти лет существования Веймарской республики около 300 тысяч функционеров социал-демократической партии занимали в качестве основного рода деятельности различные посты в государственном аппарате. Эти люди, игравшие одновременно важную роль в земельных, окружных, районных и местных организациях социал-демократической партии, были, естественно, заинтересованы в сохранении существующего режима и уже из личных побуждений были против свержения капиталистического строя. Браждебно относясь к любому союзу с рабочими партиями и приветствуя коалицию с буржуазией, они являлись как бы удлиненной рукой буржуазии в рабочем движении. И это было весьма на руку капиталистам.

Позиция правых лидеров СДПГ и профсоюзов во время первой мировой войны и Веймарской республики блестяще подтвердила правильность оценки, данной ей Лениным в его историческом труде об империализме. Еще весной 1916 года Ленин указывал на то, что именно монополистический капитал и его сверхприбыли дают капиталистам «экономическую возможность подкупать отдельные прослойки рабочих, а временно и довольно значительное меньшинство их, привлекая их на сторону буржуазии...»¹

---

¹ В. Ильин, Соч., т. 22. стр. 287.

В другом месте он говорит о тенденции империализма, «и среди рабочих выделить привилегированные разряды и отколоть их от широкой массы пролетариата»¹.

Четыре года спустя, учитывая опыт мировой войны и первых послевоенных лет, Ленин писал в предисловии к французскому и немецкому изданиям своего труда, помещенному 6 июля 1920 года: «Этот слой обуржуазившихся рабочих или «рабочей аристократии», вполне мещанских по образу жизни, по размерам заработка, по всему своему мироусерданию, есть... в наши дни главная социальная... опора буржуазии. Ибо это настоящие агенты буржуазии в рабочем движении..., настоящие проводники реформизма и шовинизма. В гражданской войне пролетариата с буржуазией они неизбежно становятся, в немалом числе, на сторону буржуазии...»²

Находясь в союзе с капиталистическими партиями, социал-демократия играла роль агентуры буржуазии внутри рабочего движения, и в критические моменты истории, например в 1918—1920 годах, немецкие капиталисты использовали правое руководство СДПГ в качестве щита, за который они могли спрятаться.

В то время как массы требовали окончательно лишить реакцию политической и экономической власти и социализм стал лозунгом многих миллионов людей, руководитель СДПГ Эберт, ставший позднее президентом, уже в ночь с 9 на 10 ноября 1918 года заключил военный союз с кайзеровским фельдмаршалом фон Гинденбургом, а председатель профсоюзного объединения Легин подписал 15 ноября 1918 года соглашение о деловом сотрудничестве, под которым от имени и по поручению промышленников подписался мультимиллионер-эксплуататор, военный промышленник Гуго Стиннес. Жгучим упреком должна была бы прозвучать для реформистских лидеров позорная похвала в их адрес со стороны рейнского угольного магната, члена многочисленных наблюдательных советов д-ра Зильверберга, высказанная им в программной речи на ежегодном заседении Имперского союза немецкой промышленности в Дрездене в 1926 году:

«Следует безоговорочно и с благодарностью признать, что старые профсоюзы, поскольку они располагают ста-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 270.

² Там же, стр. 182.

рой когортой... вождей с твердым характером — я упоминаю тут имя Легина, — имают большие заслуги, ибо они во многом содействовали возвращению от революционного движения Советов рабочих и солдатских депутатов к упорядоченному государственному управлению. И с благодарностью вспоминаем мы с этой трибуны и в этой связи первого рейхспрезидента Эберта»¹.

Реформистское партийное и профсоюзное руководство удостоено здесь похвалы со стороны финансового капитала за то, что оно активно содействовало «возвращению от революционного движения... к упорядоченному государственному управлению», то есть к восстановлению подвергшегося серьезной угрозе государства капитализма. Даже буржуазные немецкие историки не делают тайны из того, что в 1918—1919 годах капитализм в Германии был спасен прежде всего благодаря социал-демократическим лидерам, которые, удерживая рабочие массы от борьбы, раскололи рабочий класс и силой оружия нанесли поражение его левому крылу.

В Германии победа реформистов привела к укреплению позиций капитализма и к поражению пролетариата. В России победа революционной большевистской партии привела к триумфу рабочего класса и к разгрому капитализма. Ибо в лице большевиков русские рабочие имели выкованную Лениным партию, которая осталась верной марксизму и поэтому способной, возглавив рабочий класс, установить диктатуру пролетариата, завершить революцию и повести огромную страну к социализму.

Верные своей роли агентов буржуазии в рабочем лагере, лидеры СДПГ старались превратить любовь немецких рабочих к Советскому Союзу в ненависть и воспрепятствовать немецкому пролетариату избрать русский путь. Входя в состав последнего кайзеровского правительства, социал-демократы, и прежде всего Шнейдеман, принимали активное участие в высылке советского посланника из Берлина и в разрыве дипломатических отношений с советским правительством. Известно также, что социал-демократические члены правительства не пошевелили и пальцем с целью принятия мер против развязанной ультрапреракционными силами войны в Прибалтике в 1919 году

¹ Schulthess' Europäischer Geschichtskalender 1926, München, 1927, S. 144.

и фактически даже поддерживали ее. Впоследствии они делали все, что было в их силах, чтобы создать пропасть между немецким пролетариатом и советской властью.

Центральный орган СДПГ берлинская газета «Форвертс» редкий день не публиковала сообщений и статей, которые в самых мрачных тонах освещали все происходившее в Советском Союзе. Если верить этой задававшей тон социал-демократической газете, то ничего положительного ни в экономической, политической или культурной областях советской действительности, ни в развитии отдельных народностей Советского Союза не было. Лидеры СДПГ рисовали мрачную картину жизни в Советском Союзе и внушали, что возникающие там трудности непреодолимы, для того чтобы оправдать свое собственное предательство социализма и свой альянс с капитализмом.

В первый период существования советской власти в руководящих кругах социал-демократии не скучились на предсказания скорого краха советского правительства. Самые нетерпеливые устанавливали срок в несколько месяцев, пессимисты — в несколько лет. И когда вопреки всем гаданиям советское правительство не пало, стали доказывать, что его политика обанкротилась. С провозглашением же в 1928 году первого пятилетнего плана стали потешаться над этой «утопией».

Даже в 1929 году, когда Советская власть давно уже доказала свое превосходство над капитализмом и энергично приступила к построению социализма, Вильгельм Диттман заявлял на магдебургском съезде СДПГ:

«Как... показывает пример России, захват политической власти еще не означает социализма и даже не означает возможности осуществления социализма. Предпосылкой для него является прежде всего экономическая зрелость производства, которая в России отсутствует, а у нас в огромной степени налицо»¹.

Следовательно, поскольку в России в 1917 году промышленное производство не было столь развито, как в некоторых крупных западных государствах, рабочие должны были отказаться от захвата власти и вместо этого на протяжении еще нескольких десятилетий участвовать в «процессе созревания» капитализма. Кстати, совершенно

¹ Protokoll. Sozialdemokratischer Parteitag Magdeburg 1929, Berlin 1929, S. 110.

аналогичные аргументы выдвигали и русские меньшевики², которые в 1917 году противодействовали приходу к власти рабочего класса и вместе с откровенно капиталистическими партиями оказывали рабочему классу вооруженное сопротивление. Реформистское учение представляло пролетариату единственную возможность — сидеть сложа руки, вверив себя капиталистическому руководству. Большевики же доказали всему миру, что в наш век независимо от степени развития капитализма он может быть свергнут, а социализм построен. И даже те страны, которые не поднялись еще на ступень капиталистического развития, с помощью великой социалистической страны могут миновать эту капиталистическую стадию и осуществить социализм, как это имело место в некоторых азиатских республиках Советского Союза.

Рассуждения Диттмана наталкивают на вопрос: почему же в Германии, где, по его словам, «производство созрело для социализма», социализм не был установлен? Ведь экономическая зрелость была здесь палицо, а общегерманское и прусское правительства находились тогда в руках социал-демократов. И если, несмотря на это, в Германии имело место не социалистическое развитие, а усиление империализма, то тем самым вынесен приговор предательской политике лидеров социал-демократии, которые предпочли пролетарскому единому фронту единый фронт с финансовым капиталом. Они действовали по рецепту, который мы берем из той же речи Диттмана:

«... постепенно распространяющаяся экономическая демократия на крупных капиталистических предприятиях все сильнее ограничивает монопольное господство капитализма... Поэтому мы в Германии быстрее и вернее достигнем цели — социализма, содействуя этому органическому развитию на демократической основе, чем достигнут ее коммунисты там, в России, установив господство насилия и террора»¹.

Быстрее и вернее... это было сказано спустя месяц после кровавых первомайских событий 1929 года, когда по приказу полицей-президента Цёргибеля (покровителя Орлова) было убито тридцать три берлинских рабочих, вышедших вопреки запрету на демонстрацию. Это было сказано в то время, когда Союзу красных

¹ Ibid.

фронтовиков — этой боевой пролетарской организации — угрожало запрещение со стороны имперского министра внутренних дел Зеверинга. Это было сказано тогда, когда капиталисты, концентрируя власть, укрепляли свои позиции против пролетариата и миллионы их марок текли в кассу нацистской партии.

События развивались в направлении, прямо противоположном тому, которое предсказывали некоторые социал-демократические лидеры, желавшие перехитрить историю и преодолеть капиталистическую систему лишь путем «экономической демократии» и других абсолютно безвредных для капиталистов мероприятий. «Люди никогда не знают, где черт, даже если он хватает их за шиворот»¹. Спустя три года после магдебургского съезда СДПГ барон фон Папен взял за шиворот социал-демократическое прусское правительство и вышвырнул на улицу. А еще через год нацисты, приведенные к власти крупным капиталом, покончили с легальным существованием СДПГ, запретив предварительно КПГ. В Советском же Союзе торжествовали рабочий класс и его пятилетка.

В оправдание своего сотрудничества с партиями капитала и союзами предпринимателей лидеры СДПГ не упускали ни одного случая, чтобы попытаться на примере Советского Союза доказать всю безнадежность самостоятельного выступления рабочего класса. Главный теоретик социал-демократии Карл Каутский опубликовал в 1930 году брошюру под многозначительным названием «Большевизм в тупике». Вот что он писал в ней об аграрной революции, осуществлявшейся путем создания колхозных хозяйств:

«Речь идет не о том, что эксперимент, возможно, не удастся. С полной уверенностью можно сказать, что он провалится, что он должен провалиться»².

Как быстро произошло обратное тому, что писал этот пророк социал-демократии, предсказывая провал социализации сельского хозяйства в Советском Союзе! Если в сельском хозяйстве СССР налицо гигантские достижения, если Советский Союз по производству важнейших сельскохозяйственных продуктов на душу населения обгоняет

¹ Слова Мефистофеля из «Фауста» Гёте, ч. 1, сцена 5 (подстрочный перевод). — Прим. ред.

² Karl Kautsky, Der Bolschewismus in der Sackgasse, Berlin 1930, S. 7.

самую развитую капиталистическую страну — США, то причина тому заключается в объединении 25 миллионов индивидуальных хозяйств в коллективные хозяйства, в распоряжение которых рабочий класс предоставил колоссальный машинно-тракторный парк.

Каутский не ограничился в своих предсказаниях только сельским хозяйством. Он распространил их и на промышленность. Он упрекал советскую власть в том, что она якобы переносит систему монархического абсолютизма в промышленность, тем самым парализуя ее, что советские методы якобы «разрушают русскую промышленность... разрушают рабочую силу ... и ведут к прогрессирующему обнищанию»¹.

Сегодня нет уже нужды полемизировать с Каутским. Наличие мощной промышленности, быстрое превращение Советского Союза в индустриальную державу, которая, несмотря на ужасные потери и ущерб причиненные второй мировой войной, намерена перегнать даже Соединенные Штаты Америки, известные цифры о росте производства отдельных отраслей хозяйства, неуклонный рост благосостояния населения — все это делает поистине смехотворными утверждения социал-демократического «ясновидца».

Но тогда он слыл авторитетом в среде германской социал-демократии, его злобные утверждения и пророчества задавали тон, которому следовали ораторы СДПГ в своих докладах и реформистская пресса в своих статьях.

Упорное отрицание всего достигнутого и намеченного Советским Союзом имело свои глубокие причины. *Признать социалистические достижения Советского Союза — это значит, если быть последовательным, одобрить тактику и пути большевиков, признать, что собственная теоретическая база шатка, а собственная практика антисоциалистична.* Но руководители СДПГ и правых профсоюзов готовы были согласиться с чем угодно, только не с этим, и поэтому в отношении Советского Союза они не проявляли даже относительной объективности, которую мы встречаем у некоторых буржуазных корреспондентов, пишущих из Москвы.

Лидеры СДПГ говорили рабочим: вы не должны идти коммунистическим путем, следовать за КПГ, вы не долж-

¹ Ibid., S. 53—54.

ны верить в собственные силы, верьте только в коалиционную политику социал-демократии и крупной буржуазии. Такая политика связывала и парализовала силы рабочего класса, превращала его в орудие эксплуататоров. Это был отказ от исторической миссии рабочего класса, заключавшейся в том, чтобы освободить себя и весь народ. Вместо того чтобы объединить в нерушимом союзе весь рабочий класс, такая политика расколола его, лишила его победоносной силы и закрыла Германии путь к социализму, низведя ее к фашистскому варварству.

Логика развития привела к тому, что лидеры социал-демократии, сотрудничавшие с 1918 года в правительстве и административных органах с крупным капиталом и его политическими представителями, выступали против Советского Союза вместе с самыми грязными подонками бело-эмиграции, участвуя в их махинациях.

ПРИМЕР ЗЮДЕКУМА

Весьма типичен в этом отношении пример д-ра Зюдекума. Этот человек играл значительную роль в правом крыле социал-демократической партии еще с конца XIX века. Будучи депутатом рейхстага, он усиленно старался доказать пригодность социал-демократии для политики буржуазных салонов.

Под влиянием русской революции 1905 года среди немецкой социал-демократии также возникло мощное движение в пользу политических массовых забастовок как орудия обороны и наступления пролетариата. Сам Август Бебель на йенском съезде СДПГ в 1905 году внес предложение именно в этом духе. Зюдекум же выступил против Бебеля и требовал ограничить социалистическое движение рамками чисто парламентской деятельности. Это был просто дар небесный для гогенцоллернского режима.

За год до этого, на бременском съезде партии, уже имело место резкое столкновение между Зюдекумом и Карлом Либкнехтом, когда последний внес известное предложение о том, чтобы ведя агитацию за социализм среди молодежи в первую очередь ставить во главу угла борьбу с милитаризмом. Либкнехт совершенно справедливо видел в милитаризме наиболее сильную концентрацию грубой силы капитализма, его главный оплот. Зюдекум,

однако, доказывал: такая агитация бесполезна и притом очень опасна. Ровно десять лет спустя тот же самый Зюдекум посыпал молодых рабочих на империалистическую бойню, где они не только подвергались опасности, но в большинстве своем сложили головы.

Была ли заключена прямая сделка между кайзеровским правительством и Зюдекумом в период до 1914 года и насколько далеко она простиралась, можно только предполагать. В критические июльские и августовские дни 1914 года, во всяком случае, Зюдекум был уже официальным посредником между правлением СДПГ и правым крылом ее фракции в рейхстаге с одной стороны и правительством — с другой. Об этом откровенно повествуется в воспоминаниях тогдашнего статс-секретаря кайзеровского министерства внутренних дел фон Дельбрюка. Еще яснее говорится об этом в письме Зюдекума рейхсканцлеру фон Бетман-Гольвегу от 29 июля 1914 года, в котором он точно информирует последнего о содержании и ходе заседания правления партии, состоявшегося в этот же день, и заверяет, «что никаких подобных мероприятий (всеобщая или частичная забастовка, саботаж и пр.) не предполагается и опасаться их вовсе не следует»¹.

Успокоенное подобными заверениями правительство, зная теперь, что со стороны рабочей партии ему не будут чиниться никакие препятствия, очертя голову ринулось в войну. Зюдекум энергично проводил курс на одобрение военных кредитов. Реформист стал настоящим агентом кайзеровского империализма. Из писем и заявлений Либкнехта, Люксембург, Мериинга, Клары Цеткин от сентября — октября 1914 года, в которых они выражали свои протесты, известно, что Зюдекум разъезжал по нейтральным странам, защищая в речах и статьях политику кайзера Вильгельма II и даже его нападение на Бельгию.

В 1918 году он был вознагражден. После того как германский империализм игнорировал предложение Ленина о мире, стремясь захватить новые области бывшей царской империи, войска кайзера хлынули в начале 1918 года на Украину. Чуждая народу, но полностью зависящая от иностранных империалистов группа контрреволюционеров обосновалась в Киеве в качестве некоего «прави-

¹ DZA, Potsdam, Reichskanzler 1395/98, Bl. 240—243.

тельства». Немецким послом при этом «правительстве» был назначен Зюдскум. Но ему не повезло. Пока он добирался до Киева, украинские рабочие и крестьяне смели это марионеточное правительство с лица земли.

Дипломатическая карьера кайзеровского любимчика из социал-демократов на этом закончилась. Но началась другая. После того как он, согласно данным под клятвой показаниям кайзеровского начальника генерального штаба Грёнера, сделал все, чтобы в первые дни Ноябрьской революции 1918 года спасти монархию и предотвратить провозглашение Германской республики, его назначили прусским министром финансов. В качестве такового он в числе прочих подписал в марте 1919 года направленный против берлинских рабочих приказ об осадном положении. Его услуги, оказанные капитализму, были столь велики, что, даже после того как он сложил с себя министерские полномочия, его карьера отнюдь не закончилась.

Если «знаменитый оппортунист Зюдекум»¹ превратился в кreatуру вильгельмовского генерального штаба, то, последовательно идя по этому пути, он из министра финансов буржуазии превратился в буржуазного финансиста. В течение десятилетий предавая рабочий класс, он такой ценой добился принятия его в круг магнатов капитала: в 1931 году он состоял членом наблюдательных советов 17 акционерных обществ, в том числе и таких значительных, как «НСУ-Фарцойкверке», «АГ-Панцер» в Берлине, Дунайско-Майнское пароходство, пивоваренные заводы, фабрики телефонного оборудования, транспортные предприятия и т. д. Одновременно он был председателем правления немецкого акционерного общества по продаже спичек.

То, что немецкие хозяйки получали в двадцатых годах хорошие и дешевые спички из Советского Союза, ущемляло доходы социал-демократического лидера, немецкого спичечного магната Зюдкума. И он использовал свои широкие политические связи, для того чтобы начать наглую и лживую кампанию против Советского Союза, обвиняя его в том, что он поставляет спички на немецкий рынок по бросовым ценам.

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 220.

В отчете акционерного общества за 1928 год, подписанном Зюдекумом, говорится:

«На деле оказывал неблагоприятное влияние демпинг русских спичек... Да будет позволено нам выразить здесь свое удивление тем, с какой легкостью значительная часть оптовой торговли содействует такому демпингу... Данный баланс имеет дефицит в 103 514,34 германской марки»¹.

Подобные дефициты значительно сокращали тантьемы и прочие побочные доходы Зюдекума и других спичечных магнатов, которые подняли большой шум, требуя монополии на спички, иными словами, недопущения советских спичек на немецкий рынок. И действительно, в 1930 году монополию на спички в Германии получил шведский спичечный король Ивар Крейгер, которому принадлежала уже большая часть акционерного капитала предприятия, руководимого Зюдекумом. Год спустя Зюдекум уже торжествовал: в очередном отчете своей фирмы, которую тем временем перекрестили в немецкое монопольное объединение по сбыту спичек и в которой заправлял Крейгер, Зюдекум объявил о том, что чистая прибыль составляла $6\frac{1}{4}$ миллионов марок.

И с полным правом утверждал незабвенной памяти коммунист — депутат рейхстага д-р Теодор Нейбауэр (казненный гитлеровской бандой в 1944 году) во время обсуждения 23 января 1930 года в рейхстаге законопроекта о спичечной монополии, что здесь налицо «пример грабежа, проводимого международным трестовским капиталом»², что речь идет о законе, направленном как против трудящегося населения Германии, так и против социалистической экономики Советского Союза.

Ложь о московском «демпинге» распространялась в бесконечном количестве антисоветских речей и статей. В результате продавать в Германии спички советского производства было запрещено, и, поскольку конкуренция со стороны Советского Союза была устранена, Крейгер — Зюдекум могли диктовать свои цены. Немецкая хозяйка за худшие спички платила на двадцать процентов дороже,

¹ DWI-Archiv, Akte Dresdner Bank, Deutsche Zündwaren-Monopolgesellschaft Berlin, Nr. 1997.

² Verhandlungen des Reichstags, IV. Wahlperiode 1928, Stenogr. Berichte, 124. Sitzung vom 23. Januar 1930, Bd. 426, S. 3831.

чем раньше, а Крейгер, Зюдекум и их приспешники загребали миллионные прибыли.

В этом случае связь между антисоветскими происками и прибылями капиталистов предельно очевидна. Клевета против Советского Союза приносила звонкую монету, и размеры прибылей находились в прямой зависимости от интенсивности пропагандистского похода против Советского Союза, в котором участвовал и д-р Зюдекум, обогащавшийся за счет нападок на советскую рабоче-крестьянскую власть.

Но он ни в коей мере не довольствовался экономическим наступлением на Москву. Среди корреспонденции заправили Немецкого банка д-ра фон Штауса имеется письмо Зюдекума от 31 марта 1935 года, явно не предназначеннное для общественности и поэтому помеченное грифом «конфиденциально». Кстати сказать, письмо написано 26 месяцев спустя после захвата Гитлером власти, когда десятки тысяч коммунистов, социал-демократов и демократов изнывали в фашистских тюрьмах и концентрационных лагерях. Вначале Зюдекум сообщает, что «с согласия министерства иностранных дел он сохранил контакты с президентом Макаренко через его здешнего представителя д-ра Т. фон Биберштейна». Речь идет о том самом Макаренко, который разыгрывал из себя «президента Украины» и представлял в «Прагер кафе» «украинское правительство». Но прочтем, что пишет Зюдекум дальше:

«И сегодня еще в решающих инстанциях [следовательно, в гитлеровском правительстве!— A. H.] придают значение сохранению известных отношений с бывшим президентом Украинской народной республики. Однако по очевидным причинам следует действовать весьма сдержанно. Мне настоятельно рекомендовали собирать частные средства для определенной поддержки украинцев... Я был бы весьма благодарен Вам, уважаемый господин доктор, если бы Вы были настолько любезны и выяснили вопрос, найдутся ли среди Ваших знакомых люди, готовые выделить некоторые средства для политической организации, которая в будущем может оказаться весьма важной. Само собой разумеется, что я поставил об этом в известность соответствующие власти, и я уверен, что эти прине-

сенные жертвы найдут там живейшее одобрение.

Доверительную информацию, по Вашему желанию, даст Вам господин статс-секретарь д-р Мейснер¹.

С немецким приветом, по-прежнему глубоко уважающий Вас искренне преданный Вам д-р Зюдекум»².

Письмо говорит само за себя. Оно показывает, сколь тесный контакт был у лидера СДПГ с нацистским правительством, по поручению или по крайней мере с «живейшего одобрения» которого он попрошайничал деньги для будущего завоевания Украины. Заканчивающий свои письма фашистским приветом посредник между гитлеровским правительством и антисоветчиками белогвардейского толка — так завершил свою карьеру этот социал-демократический лидер. И если мы вспомним, что и другие видные вожаки правого крыла СДПГ — бывшие военный министр Носке, министр внутренних дел Зеверинг, председатель рейхстага Лебе — регулярно получали твердую пенсию от гитлеровского правительства, то станет очевидной вся глубина политического и морального падения социал-демократических лидеров в период Веймарской республики. Вот куда привела их антисоветская и антикоммунистическая политика. Они кончили свою карьеру стипендиатами нацистского режима.

Карл Либкнехт был убит потому, что он до конца остался верным делу социализма. Его антипод — предатель социализма Зюдекум был вознагражден за борьбу против Либкнехта и всего того, что он представлял. За это Зюдекума допустили к участию в деле же капиталистических барышей. Тот, кто впряжен в пролетариат, рабочее движение в повозку капиталистической политики, кто, будучи социал-демократом, вместе с буржуазией поднимает зна-

¹ Мейснер — это политический хамелеон: в 1918 году он в качестве немецкого офицера был одним из руководителей грабежей на Украине, затем он с одинаковым усердием служил статс-секретарем у Эберта, Гинденбурга и Гитлера. Свои взгляды на внутриполитические события он менял как перчатки; в вопросах внешнеполитических этого не требовалось, ибо все его хозяева — от кайзера до Гитлера — равно ненавидели Советский Союз.

² DWI-Archiv, Deutsche Bank, Generalsekretariat Dr. v. Stauß, Div. geschäftl. Korrespondenz, 926—947, Nr. 940.

мя борьбы против Советского Союза, — тот не кто иной, как лакей буржуазии, тот оказывает услугу врагам всех рабочих, в том числе и социал-демократических, тот агент капитализма в рабочем лагере. От реформизма до антисоветского монополистического капитализма — прямая дорога. И эту дорогу нужно ярко осветить, чтобы каждый трудящийся мог учесть последствия, которые таит в себе отклонение от марксизма.

В эволюции Зюдекума политическая и материальная коррупция определенного слоя функционеров рабочего движения, парализующих экономическую и политическую борьбу рабочего класса, столь очевидна (процесс, продолжающийся и после второй мировой войны), что его пример годен прямо-таки для хрестоматии.

«ОНИ ВЫПОЛНЯЮТ НАШУ РАБОТУ»

Совершенно логично, что лидеры СДПГ направляли все стрелы своего колчана против левого крыла и беспощадно изгоняли из своей партии всех, кто говорил правду о Советском Союзе. Классический пример тому — судьба делегации, известной тогда под названием «делегации в Россию». Мы остановимся на ней подробнее, ибо в лице этой делегации немецкий пролетариат нашел в двадцатых годах чрезвычайно действенное средство для прорыва идеологического *cordon sanitaire*¹, созданного против Советского Союза. Это важно еще и потому, что по прямому заданию буржуазии (это подтверждают цитируемые ниже правительственные документы) кампанию клеветы и преследования упомянутой делегации возглавило руководство СДПГ.

Летом 1925 года, по получении приглашения рабочих ленинградского Путиловского (ныне Кировского) завода, была избрана делегация немецких рабочих в составе 58 человек. В нее входили 28 социал-демократов, 16 коммунистов и 14 беспартийных. Все они были избраны заводскими коллективами или местными профсоюзными организациями и направились в качестве первой немецкой рабочей делегации в Советский Союз. Там им было показано все, что они пожелали увидеть. Делегаты сами разработали маршруты, сами определили заводы, деревни, города, кото-

¹ Санитарный кордон (фр.).

рые хотели посетить и осмотреть. Им показывали хорошее, но не скрывали и неполадок и даже тех беспримерных экономических и технических трудностей, с которыми боролась молодая Советская республика, преодолевая горькое наследие прошлого.

Живущим и вырастающим сейчас в условиях социалистического государства людям почти невозможно представить себе, сколь сильное и глубокое впечатление произвели в Германии выступления участников делегации, вернувшейся из Советского Союза. Ведь многие миллионы людей, в том числе и рабочие, привыкли видеть молодое советское государство отраженным в кривом зеркале буржуазной и социал-демократической прессы. На сотнях собраний участники делегации рассказывали своим землякам о виденном. Люди запомнили читали брошюру «Что видели 58 немецких рабочих в России», которая выходила все новыми и новыми большими тиражами. Можно без преувеличения сказать, что благодаря поездке этой, а затем и других рабочих делегаций правда о Советском Союзе буквально прорвалась в Германию.

Как же вело себя при этом руководство СДПГ? Через Каутского и «Форвертс» оно неизменно изображало советскую страну как «ад для рабочих». Если бы лидеры СДПГ верили собственным рассказам о Советском Союзе, то, казалось, должны были бы радоваться, что члены их партии собственными глазами убеждаются в истинности того, что утверждает партийное руководство. Однако, когда немецкие рабочие захотели посетить этот «ад», правление СДПГ попыталось их удержать. При этом оно отнюдь не пеклось о благе делегатов, а просто боялось, что они, взглянув на «большевистский ад», вернутся оттуда друзьями России. Руководство СДПГ прекрасно знало, что нарисованная им «русская картина», как ночь ото дня, отличалась от советской действительности. Поэтому-то социал-демократических участников русской делегации подвергли преследованиям, на них посыпались доносы и в конце концов их исключили из партии. Так поступали люди с нечистой совестью. И их действия были тем возмутительнее, что одновременно социал-демократические и профсоюзные лидеры сами ездили в США засвидетельствовать свое почтение долларовым королям и, вернувшись в Германию, начали на все лады рекламировать «амери-

канское чудо» и «согласие» между капиталистами и рабочими¹.

Еще за несколько дней до отъезда первой немецкой рабочей делегации, которая находилась в Советском Союзе с 14 июля по 28 августа 1925 года, газета «Форвертс» опубликовала статью под заглавием «Экспедиции в Россию». В ней говорилось:

«В коммунистической печати и на ряде предприятий раздувается сейчас рекламная шумиха в пользу посылки массовых делегаций в Россию... Социал-демократическая партия, само собой разумеется, снимает с себя всякую ответственность за подобные экспедиции в Россию...»²

Травля рабочей делегации на страницах «Форвертс» усиливалась с каждым днем, достигнув своей кульминации на гайдельбергском съезде СДПГ в сентябре 1925 года. Уже при открытии съезда председатель партии Отто Вельс высказался в таком духе:

«Теперь предпринят новый трюк... Вербуются достаточно наивные социал-демократы для поездки в Россию, чтобы лицезреть там «потемкинские деревни», а затем славословить в Германии прелести коммунизма... Германская социал-демократия позаботится о том, чтобы из этого ничего не вышло, как того и заслуживает столь лживая инсценировка»³.

---

¹ Это случилось не в первый и не в последний раз. Ленин в статье с характерным названием: «Чему не следует подражать в немецком рабочем движении» (Соч., т. 20, стр. 231—235) бичевал в апреле 1914 года позицию тогдашнего председателя немецких профсоюзов и социал-демократического депутата рейхстага Легина, произнесшего в американском конгрессе «чисто-либерально-буржуазную речь». Как пророчески прав был Ленин, говоря об этой «несомненной болезни немецкой партии», выяснилось несколько месяцев спустя, когда Легин и его присные выкинули черно-бело-красный кайзеровский флаг и одобрили военные кредиты. Если в период между мировыми войнами реформистские вожди СДПГ выступали герольдами американского пути развития, то на этот же самый путь они вступили вновь и в 1945 году. Вновь они совершают массовое паломничество в Америку и пытаются убеждать западногерманских и западноберлинских рабочих, что рай рокфеллеров, фордов и дюпонов — это райские кущи для трудящихся; и одновременно те же самые лидеры СДПГ до конца 1958 года не отвечали на сделанное им приглашение посетить Советский Союз.

² «Форвертс», 9 июля 1925 года.

³ Sozialdemokratischer Parteitag 1925 in Heidelberg. Protokoll, Berlin 1925, S. 82.

В первый день съезда официальный докладчик от правительства партии не только повторил высказанные Вельсом мысли относительно рабочей делегации, но и потребовал даже исключения из партии членов СДПГ — участников делегации:

«... Мы беседовали относительно так называемой «делегации в Россию». Мне сообщили, что в одном районе четыре члена нашей партии являлись участниками этой делегации. Двое из них уже рассказывали на публичных собраниях о своих впечатлениях, полученных в России, двое намереваются сделать это в ближайшее время... В этих случаях следует безоговорочно применить организационный устав. Эти круги вполне сознательно работают в интересах партии, враждебной социал-демократии...»¹

Вслед за этими четырьмя были исключены и другие делегаты, среди них — члены производственных советов, депутаты общинных и городских самоуправлений, те, кто еще в начале этого года сами были фанатическими противниками коммунизма и коммунистической партии. Теперь они увидели правду и, проявив мужество, воздали ей должное, заявив, что рабочий класс в Советском Союзе стоит у власти и имеет лучшие условия труда и жизни, чем немецкие рабочие, и что он идет по пути социализма. И действительно, выступления членов делегации произвели эффект бомбы, разорвавшейся в том здании лжи, которое соорудили буржуазия и лидеры СДПГ. Эти последние прилагали колоссальные усилия, чтобы не допустить контактов между социал-демократами и возвратившимися с Востока искателями правды, которые эту правду нашли.

Когда правое клерикальное правительство Баварии запретило выступления участника русской делегации — социал-демократа, председателя центрального совета профсоюзных организаций Мюнхена Фрейбергера, то прямую поддержку ему оказала при этом «Мюнхенер пост» — центральный орган баварской социал-демократической партии. Преисполненная ненависти к Советскому Союзу, эта газета предостерегала 8 сентября 1925 года своих читателей от «сказок из красного рая».

Официальные документы свидетельствуют о паническом страхе, который испытывали имперское правительство и

¹ Ibid., S. 183—184.

правительства земель перед сообщениями первой немецкой рабочей делегации. Мы находим множество полицейских сообщений из всех частей Германии, в которых единодушно подчеркивается исключительный интерес рабочих и представителей среднего сословия к рассказам участников делегации, побывавшей в Советском Союзе. Местные уполномоченные имперского комиссариата по надзору за общественным порядком, этого центра шпионской и подстрекательской деятельности министра внутренних дел Германии, буквально ворили «караул», видя, как распространяются идеи дружбы с Советским Союзом в результате выступлений членов делегации. Типична для подобного рода информации следующая:

«Сейчас, когда уже состоялся ряд собраний, можно составить себе точную картину деятельности делегации и влияния сообщений ее участников... Эти сообщения до сих пор получали единодушное одобрение со стороны производственных советов, и залы, где происходили собрания, всегда были переполнены... Посещаемость публичных собраний, на которых выступали делегаты Вельхефер и Фрейбергер, со стороны социал-демократических рабочих и мелких буржуа была очень велика, успех ораторов неоспорим. Их речи часто прерывались стихийно возникавшей овацией... Очень велико воздействие речей на отдельных посетителей. «Сообщения о России» горячо обсуждаются на производстве, в трамваях, в конторах, в столовых, короче, везде, где только есть возможность... Несомненно, сообщения делегатов вызывают в широких слоях рабочего класса симпатию к Советскому Союзу, что следует хотя бы уже из того, что повсюду готовятся новые делегации... Успеху сообщений делегатов способствует и тот факт, что они могут ссылаться при этом на корреспонденции крупных буржуазных газет, которые отнюдь не неблагоприятно изображают нынешние события в России. Следует сделать вывод, что доклады делегатов являются наиболее опасным методом агитации, использованным когда-либо Москвой»¹.

Жестких мер против докладов членов делегации о Советском Союзе требовал как раз баварский премьер-министр Гельд, сына которого мы встречали в связи с делом о фабри-

¹ Archiv des Instituts für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED (IML — Archiv), Berlin, Nr. 12/46/273, Reichskommissariat für Überwachung der öffentlichen Ordnung, Arbeiterdelegationen nach Rußland und umgekehrt vom Juni 1925 bis September 1925, Bl. 251—254.

кации фальшивых червонцев. Он действовал при этом по указанию баварского правительства, принявшего после капповского путча ярко выраженный клерикально-профашистский характер. Гельд не довольствовался запрещением публичных собраний, на которых члены делегации рассказывали о социалистическом строительстве в Советском Союзе. Он требовал от имперского правительства более суровых мер. «По мнению баварского правительства, было бы неправильным оставить без противодействия эту новейшую форму коммунистической пропаганды. Одним запрещением публичных собраний ничего не достигнуть...»¹, — писал он в министерство иностранных дел и в имперский комиссариат по надзору за общественным порядком 23 сентября 1925 года.

Это письмо баварского премьер-министра встревожило имперское министерство внутренних дел, и 21 октября 1925 года было создано специальное совещание, на котором обсуждались меры борьбы с пропагандистской деятельностью рабочей делегации, вернувшейся из Советского Союза². Характерным для этого совещания было то, что представители различных министерств, и особенно представители крайне правых правительств земель, единодушно настаивали на том, чтобы реформистские вожди (в этой связи вновь и вновь указывали на профсоюзы) еще сильнее включились в кампанию и помогли парализовать влияние, которое оказывала вернувшаяся из Советского Союза делегация.

Дело приняло особо скандальный оборот потому, что имперским министром внутренних дел, под эгидой которого развязывалась кампания против делегации, был Шиле — член немецко-национальной народной партии, да и вообще с 1924 до середины 1928 года Германией управляли правительства, представлявшие блок буржуазных партий и не включавшие представителей СДПГ. И, несмотря на это, социал-демократическое руководство оказывало им действенную помощь своей антикоммунистической истерией.

Уже три дня спустя после упомянутого берлинского совещания имперский комиссар по надзору за общественным

¹ Ibid., Bl. 246 ff.

² DZA, Potsdam, Reichsministerium des Innern, Reiseberichte über Rußland, Bd. I, vom 1. Oktober 1925 bis 31. Dezember 1926, Nr. 13394/95, Bl. 110 ff.

порядком и руководитель политического отдела имперского министерства внутренних дел полковник Кюнцер по поручению Шиле созвал в Дармштадт со всех концов Германии начальников своих шпионских центров. Кюнцер рассказал им об итогах берлинского совещания и дал дальнейшие инструкции по борьбе с рабочей делегацией. Было четко определено, какие меры надлежит принять, причем не погнувшись даже использовать фашистско-путчистскую организацию «Объединение отечественных союзов», которую возглавлял граф фон дер Гольц — палач финского народа и народов Прибалтики. Приводим несколько характерных примеров из протокола совещания, найденного в делах министерства внутренних дел Тюрингии.

«Кюнцер. ... Поэтому три дня тому назад в имперском министерстве внутренних дел состоялось совещание с представителями крупных земель по вопросу о том, как противостоять этой угрозе.

При этом было предложено побудить христианские или дункерские профсоюзы направить со своей стороны делегации в Россию, которые могли бы затем говорить в своих докладах противоположное тому, что сообщали коммунистические делегации... Далее было отмечено, что можно поручить вести борьбу... также и Отечественным союзам.

... Советник министерства Цельмайер (Мюнхен) заявил в своей речи... что Бавария принимает весьма серьезные меры для подавления коммунистического движения... Если желают справиться с коммунистическим движением, то меры борьбы с ним должны быть весьма радикальными...

Баварское министерство придерживается... того мнения, что эти доклады следует запретить. Борьбу с ними следует вести весьма энергично с помощью полиции, которая должна прибегать к решительным и беспощадным мерам против подобных демонстраций...

Правительственный советник Фетцер. Принимая полицейские контрмеры, в первую очередь следовало запретить сами поездки делегаций... Но в настоящий момент мы должны предоставить профсоюзам и СПДГ бороться с этой делегацией. Они выполняют в данном случае нашу работу»¹. (Курсив мой.— А. Н.)

¹ IML-Archiv, Akte Nr. 17/59, Thüringisches Ministerium des Innern, KPD-Arbeiterdelegationen nach Rußland, Bd. I, 1925, Bl. 68—75.

Говоривший так правительственный советник представлял вюртембергское буржуазное правительство, во главе которого стоял член немецко-национальной народной партии В. Бацилле. И разве не показывают его слова с поражающей очевидностью, какую историческую роль предназначали капиталисты правым лидерам социал-демократии и профсоюзов? «Они выполняют нашу работу». Буржуазия прекрасно знала, что большинство рабочих съя больше не доверяло. Поэтому она добивалась, чтобы реформистское руководство, которому многие рабочие еще доверяли, внушало то, что было угодно финансовому капиталу. С 1914 года руководящие круги СДПГ и профсоюзов выполняли эту задачу с последовательностью, достойной лучшего применения. «Они выполняют нашу работу». Да, и тогда и позже, вплоть до наших дней, они столь добросовестно и тщательно выполняли работу реакции, что в Германии, стране с самым организованным пролетариатом в мире, буржуазия сохранила свою власть после первой мировой войны, а в Западной Германии сохраняет ее и до сих пор.

В последующие годы делегации рабочих часто ездили в Советский Союз. Среди них были и члены социал-демократической партии. Вынеся огромное впечатление от социалистической деятельности на Востоке, они по возвращении рассказывали правду о виденном. И всех их поражала карающая рука социал-демократического руководства.

Травля Советского Союза со стороны реформистского руководства достигла кульминации в связи с начатой международной реакцией кампаний в отношении Грузии. Призыв Детердинга об отторжении от Советского Союза его нефтяных районов нашел отклик среди верхушки СДПГ. На съезде этой партии в Гейдельберге грузинский меньшевик Ахметели восхвалял бисмарковский закон о социалистах, противопоставляя его «режиму палачей», который, по его словам, характеризовал положение в Грузии¹.

Было бы ошибкой думать, что это был единичный голос оторвавшегося от жизни, злобствующего эмигранта. Докладчик по проблемам европейской политики Криспин — член правления и депутат рейхстага от социал-

¹ Sozialdemokratischer Parteitag 1925 in Heidelberg. Protokoll, S. 95.

демократической партии — на этом же съезде поставил внешнюю политику социалистического Советского Союза на одну доску с авантюристическим курсом крупнокапиталистического юнкерского режима Гогенцоллернов и сделал отсюда вывод, что Россия «угрожает... войной...» «Мы требуем... — заявил он, — права на самоопределение для Армении, Грузии и Украины»¹.

Выбросив лозунг «права на самоопределение» для южных районов Советского Союза, руководство СДПГ солидаризировалось с Детердингом и падкими на авантюры немецкими империалистами. Этот лозунг означал не что иное, как намерение ослабить советскую власть и восстановить капиталистические порядки на территории, которую с помощью формулы «право на самоопределение» хотели отторгнуть от социалистической системы.

Позднее социал-демократические лидеры стали еще откровеннее. В то время когда в Берлине проходил процесс грузинских и фашистских фальшивомонетчиков, известный депутат от СДПГ Эрнст Хейльман иронизировал 19 января 1930 года на страницах социал-демократического журнала «Дас фрейе ворт» над разоблачениями, которыми «Роте фане» пыталась привлечь внимание общественности к антисоветской деятельности известных кругов рейхсвера, группировавшихся вокруг генерала Кressса фон Кressенштейна. По мнению Хейльмана, дело шло не о политической, а лишь об уголовной афере, к которой ни правительство, ни круги рейхсвера не были причастны. Точку над «и» поставила газета «Форверте». В то время как еще продолжалось чрезмерно затянувшееся расследование по делу о подделывателях червонцев, центральный орган СДПГ опубликовал статью, в которой говорилось:

«Сегодня Красная Армия и Коминтерн продолжают политику бывшего царского имперализма... Красные пре-столонаследники отняли у Грузии, Армении, Азербайджана, Туркестана, Украины, Белоруссии... свободу волеизъявления и свободную политическую жизнь. Повсюду царит угнетение. Властелины России повелеваю, как и во времена царизма... большевизм мучает народ Великороссии, так же как и народы в завоеванных областях...

¹ Ibid., S. 240.

Завоеванные области на Кавказе (Грузия, Азербайджан, Армения) постоянно подвергаются опасности. Гарантией мира во всем мире явилось бы установление международного режима в этом нефтеносном районе»¹. (Курсив мой.— А. Н.)

Но ведь это было как раз то, чего требовал нефтяной король Детердинг в своих речах и статьях и чего он добивался своими действиями. У нефтяного короля и руководства СДПГ была общая линия. Это говорило не в пользу Детердинга, но и, конечно, против руководства СДПГ, скатившегося в своей антисоветской ненависти на позиции ненасытных до нефти поджигателей войны. Статья в «Форвертс» — это теоретическая база для практики фальшивомонетчиков и фальсификаторов. Она объясняет, почему эта практика столь пышно процветала под благотворным солнцем правительенной политики, в определении которой участвовали и социал-демократы.

Когда в начале февраля 1930 года папа римский развязал грязную кампанию против Советского Союза, руководство СДПГ не пожелало оставаться в стороне. 13 февраля центральный орган этой партии «Форвертс» «разоблачил» берлинскую «Роте фане», которая якобы «субсидируется советским посольством» и 20 процентов тиражка которой оплачивается якобы посольством Советского Союза в Берлине.

Таким сообщением преследовалась двоякая цель. С одной стороны — обвинить Советский Союз во вмешательстве во внутреннюю немецкую политику и, с другой, оклеветать КПГ и ее центральный орган, которые якобы направляются и субсидируются извне. Отсюда сам собой напрашивался вывод о необходимости порвать отношения с Советским Союзом. И действительно, официальная «Социал-демократише прессединст» в те же февральские дни 1930 года выдвинула провокационный вопрос: «Что же, собственно говоря, мы получаем от того, что еще поддерживаем отношения с Советским Союзом?»

Тем, что 14 февраля и 7 марта 1930 года «Форвертс» дула в ту же дуду, что и папа римский, и, распространяя ложь о «жесточайших преследованиях христиан», вносила свою лепту в антисоветскую кампанию; она снис-

¹ «Der Abend» (вечернее издание «Форвертс»), 2 июля 1929 года.

кала благосклонную похвалу реакции. Барон фон Папен оповестил через свою берлинскую газету «Германия», что он «готов подписаться под каждым словом центрального органа СДПГ, обращенным против Советского Союза... Гарви (речь идет об одном из писак «Форвертс», который, будучи меньшевиком, регулярно выступал в центральном органе СДПГ против Советского Союза.— А. Н.) хочет разоблачить большевизм как псевдомарксизм и псевдосоциализм, чтобы изолировать его в духовном, моральном, и политическом отношении от международного рабочего движения. В этом социалисты должны усматривать свою задачу. У нас с ними здесь один общий противник».

Не является ли это признательное похлопывание по плечу моральным смертным приговором для тех, кого барон Папен и крупные буржуа приветствуют как своих союзников в борьбе против первого рабоче-крестьянского государства?! Цитированная нами статья появилась в вечернем выпуске газеты «Германия» от 14 марта. И в этот же час, как мы уже знаем, объединенные силы реакции разработали в «Клубе господ» план своего похода против Советского Союза. А «Германия» напоминала этим господам, что они могут при этом рассматривать лидеров СДПГ как своих союзников, помочь которых гарантирует им желаемый успех.

Карл Каутский, духовный отец немецких и иностранных реформистов, в 1931 году опубликовал следующие строки, которые вполне могли бы быть произнесены обвиняемыми белогвардейцами перед берлинским судом: «Разве может вместо ада, которым является нынешняя Советская Россия, наступить еще что-нибудь худшее? Разве свержение диктатуры может принести что-либо иное, кроме смягчения ада?»¹

В одном ряду с Детердингом и Гофманом знаменитый идеолог II Интернационала проповедует здесь военную интервенцию и свержение советской власти. Он сформулировал политику, которая практически проводилась правлением СДПГ. Мы приведем здесь еще одно свидетельство этой политики, принадлежащее перу руководителя вюртембергских социал-демократов — влиятельного депутата

---

¹ «Ди гезельшафт», 1931, № 1, стр. 61.

рейхстага Вильгельма Кейля, который писал в штутгартском органе СДПГ:

«Не исключена возможность, что в случае европейского конфликта русские властители попытаются ловить в Германии рыбу в мутной воде. Должны ли мы в этом случае сидеть сложа руки, оправдываясь краткой формулой «мы отвергаем всякую войну», хотя мы знаем, что большевизм означает разрушение германской экономики и тем самым крах для многих миллионов германских рабочих?»¹

Два года спустя, во время кризиса, советские заказы спасли миллион германских рабочих от краха, который, как предвещал им Кейль, должен был прийти из Советского Союза.

Но довольно цитат, которые сводятся к одному и тому же: представить советскую власть в экономическом отношении банкротом, в политическом — достойной презрения и в военном — опасной для Германии и разжечь у сторонников СДПГ ненависть и желание воевать против Советского Союза. Это не остановило Советский Союз в его движении по пути социализма. Но не может быть никакого сомнения в том, что в результате этой политики злобной ненависти к поднимающейся мировой социалистической державе углубился политический раскол германского рабочего класса и парализовалась сила его действий против фашизма. События последующих лет явились ужасным подтверждением этого.

Почти во всех странах Центральной и Западной Европы социал-демократические вожди после первой, а также и второй мировой войны или возглавляли правительства, или по крайней мере занимали в них влиятельные посты. Но, несмотря на это, ни в одном из этих государств не были потрясены основы капиталистической диктатуры.

Напротив, в результате того, что социал-демократическое руководство сосредоточило основной огонь против левых, капитализм смог снова укрепить свои позиции там, где они пощатнулись. Характерным примером в этом отношении является Западная Германия. После крушения гитлеровского фашизма западногерманские руко-

¹ «Швебише тагвахт», цитируется в «Роте фане» от 10 января 1929 года.

водители социал-демократической партии отказались от объединения с коммунистами. Вопреки противоположным решениям многих местных организаций они отказались от сотрудничества с ними, продолжали прежнюю злосчастную политику коалиции веймарского периода и подняли грязную волну клеветы на КПГ.

Коалиция означает союз. Если я с кем-либо заключаю союз, я не могу бороться против своего союзника. А так как руководство СДПГ вступило в союз с партиями финансового капитала, то есть при существующем экономическом соотношении сил фактически подчинилось им и одновременно выступило против лучших социалистов, Шумахер и Олленхауэр придали новые жизненные силы германским империалистам.

В этой связи следует указать на то, что и после второй мировой войны в социал-демократическом руководстве широко представлены деятели типа Зюдскума. Доктор Дейст, попавший в правление СДПГ на съезде партии в 1958 году, заседает в наблюдательных советах концернов Круппа и Тиссена. Только законченный глупец может не видеть, что между личными крупнокапиталистическими интересами Дейста и его парламентскими и вне-парламентскими выступлениями за классовое сотрудничество, против социализма и социалистических государств существует тесная связь. Дейст является типом агента крупной буржуазии в рядах рабочего класса, и это позор для социал-демократов и несчастье для западногерманского пролетариата, что такой человек может оказывать существенное влияние на определение политico-экономического курса СДПГ.

При этом Дейст — далеко не единичный случай. 97 членов правления партии и районных правлений СДПГ являются членами наблюдательных советов предприятий горной и металлургической промышленности, химических и металлообрабатывающих концернов, судостроительных верфей и крупных банков. В общей сложности около тысячи мест в наблюдательных советах и правлениях западногерманских капиталистических предприятий заняты руководящими функционерами СДПГ. Среди них находятся такие монополистические объединения, как концерны Тиссена, Ханисля, Верхана-Аденауэра, Рёхлина, Винтершалья и т. д. Разве не ясно, что эти совладельцы в системе монополистического капитала, пользующиеся

ее благами, являются также ее политическими союзниками и направляют социал-демократическую партию в фарватер германского империализма?

Они даже не стесняются открыто признавать это. Глава баварских социал-демократов заместитель председателя СДПГ Вальдемар фон Кноринген заявил 3 октября 1958 года на митинге в Нюрнберге: «В Германии не было бы доктора Аденауэра без сопротивления социал-демократов под руководством Курта Шумахера коммунизму»¹.

Правильно! Канцлер германских и американских миллионеров даже не мог бы мечтать о том, чтобы править западной зоной Германии, если бы ему на помощь не поспешили вожди СДПГ со своими непрерывными пропагандистскими боями против тогдашней восточной зоны, против Советского Союза и коммунистов. Воспользовавшись борьбой социал-демократов против левых, финансовый капитал между Рейном и Везером снова стал хозяином в доме. В этом районе органы юстиции стали раем для сотен кровавых фашистских судей. Здесь гитлеровские дипломаты из боннского министерства иностранных дел, поощряемые Вашингтоном, проводят политику, раскальзывающую Германию и Европу. Здесь создан бундесвер под командой свыше ста генералов, которые все на руководящих постах участвовали в гитлеровской захватнической войне.

Глава этих руководимых фашистами вооруженных сил министр Штраус, предельно энергично ратующий за оснащение бундесвера атомным оружием, проповедует в геббельсовском духе и стиле политику силы, «дабы стереть с географической карты империю Советского Союза»². Это он осенью 1958 года собрал антикоминтерновских «специалистов» имперского министерства пропаганды для «психологической обороны против мирового большевизма». А что говорит по этому поводу руководство СДПГ? Оно предлагает свои услуги этому типичному фашисту: «Мы, социал-демократы, имеем самый длительный опыт духовных разногласий с коммунизмом и борьбы против коммунистической подрывной деятельности, следовательно, в области, которая ныне называется психо-

¹ «Франкфуртер альгемейне цайтунг», 4 октября 1958 года.

² На митинге ХДС в Хольфельде, цитировалось в «Ди вельт» от 14 ноября 1956 года.

Bundesarchiv, Berlin - Staatsarchiv
1933
Rote Kreuzlinie,
Hochdeutscher Herr Botschafter

Innern

Rote Kreuzlinie

an Sie, Ihr berufenes und wettigen Führer des errichteten nationalen Deutschland! Wenden wir uns, die vertriebenen nationalen Verbände des russischen Migrantenstaates auf deutsches Boden, als Ausdruck der uns hier bewegenden Gefühle.

Seit Jahren ruft gem Mangel des Martirium unseres durch den Bolschewismus geführten und ausgebeuteten Volkes. Seit Jahren sahen wir den roten Flut über Deutschland Roseen und suchten die deutsche Öffentlichkeit einzuwirken. Wir können gut den Pein, den Sie, Herr Botschafter, im selbstlosen vaterländischer Liebe angetragen und von den Sie Ihr deutsche Volk befürchtet wollen. Wir wissen, es schwindet kein einziger Tag, ehe wir noch drohenden Gefahren.

Es wäre Ihnen Ihrer gesetzlichen Arbeit ein inner und voller Erfolg beiderseitig sein, Ihnen die vor östlichen Zeitwenden in Europa eintraten! Da leichtlich sage der verletzliche Erneuerung entgegengebracht werden, um sie möglichst unser Volk erreichend! Es mögen unserer Völker noch so unverdienstliche und Bolschewistische Zusammenbrechen, von uns gehetzt werden und sich gegenwärtig getötet und zerstört haben!

Die Vertretungsstellen für russische Flüchtlinge in Deutschland erfüllt mit besonderer Freude den Wunsch der an die herausgesetzten, in der Anfang benötigten, russischen nationalen Emigranten-Organisationen und Parteien und giebt sich die Ehre Ihnen, hochverehrter Herr Botschafter, unserer aller Gefährten Ausdruck zu bringen.

ges. S. Böcklin

Der Lettler

Entsprechend Russischer Gesandter a.D.

ges. Baron Gontsch-Rothschild

Der Gesandte a.D.

Главари русских белогвардейских групп в письме Гитлеру приветствовали его приход к власти.

логической обороной. Мы готовы поделиться этим опытом также с другими путем открытого сотрудничества»¹.

Кто же так целует сапоги, пропирающие профсоюзы Западной Германии, сапоги, чьи владельцы хотят снова маршировать на Восток? Это заместитель председателя фракции СДПГ в бундестаге Эрлер. А военный эксперт фракции СДПГ подполковник запаса доктор Беерман объявил:

«На протяжении 40 лет мы занимаемся не чем иным, как психологической обороной против коммунизма»².

Не чем иным! В течение 40 лет не чем иным, как борьбой против коммунизма! Только благодаря подлой игре на инструменте антикоммунизма германская буржуазия смогла удержать власть после 1918 года. Без антикоммунизма не было бы ни 30 января 1933 года, ни 22 июня 1941 года, не было бы ни захвата власти Гитлером, ни агрессии против Советского Союза. Антикоммунизм — гнойная рана на теле германского рабочего движения. Преодоление антикоммунизма является предпосылкой полного развертывания сил рабочего класса и свержения реакции.

Социал-демократический депутат Ганс Мертен писал в официальном органе СДПГ: «Министр (Штраус.—А. Н.) выразил надежду, что в вопросах обороны страны СДПГ будет занимать позицию конкретного сотрудничества. Он может быть спокоен»³.

Пусть Штраус продолжает свою агрессивную политику! Руководство СДПГ, которое без всяких возражений и без всякого сопротивления подчинилось запрету начатого им самим народного опроса против атомного вооружения, просит ярого антисоветчика не беспокоиться. Оно благословило в бундестаге 80 процентов всех аденауз-

---

¹ Фриц Эрлер в «Парламентарии-политишер прессединст» от 16 октября 1958 года.

² «Верполитик унд вервиртшафт», 24 октября 1958 года. Этот бюллетень, являющийся приложением к официальному бюллетеню «Политик унд виртшафт», издается группой депутатов всех партий — от явных фашистов немецкой партии до СДПГ и подписывается депутатом Эшманом. Таким образом, здесь большая коалиция в военных вопросах уже является фактом.

³ Передовая статья пресс-бюллетеня СДПГ от 11 октября 1958 года.

ровских законов¹ и, следовательно, участвовало также в создании бундесвера под командой фашистов. При такой социал-демократической «оппозиции» германские империалисты чувствуют себя прекрасно и вдохновляются на все новые меры против западногерманского рабочего класса.

Там и только там, где было осуществлено сорванное вождями СДПГ единство рабочего класса под руководством его марксистско-ленинской партии, удалось изгнать из органов власти эксплуататорские классы и встать на путь строительства социализма. Это исторические факты, из которых все больше сторонников социал-демократии извлекают урок: практикуемая руководством СДПГ коалиционная политика усиливает капитализм, который только благодаря захвату власти рабочим классом под руководством его марксистско-ленинской партии может быть разгромлен и заменен социализмом.

---

¹ Согласно интервью Эриха Олленхауэра Северогерманскому радио от 23 октября 1958 года.

Идеологические фальшивомонетчики

Джестердинг в Лондоне, Нобель в Париже, генерал Гофман в Берлине, воротилы европейской экономики и многие из их министров, белогвардейская корпорация фальсификаторов и их нацистские сообщники... Что их объединяло? Конечно же, стремление овладеть нефтью, рудой, углем, жаждя власти, страх перед идеей превращения производителей общественных ценностей в собственников средств производства — идеей, уже воплощенной в одном государстве. Да, но как прозаически это звучало! И даже сами злоумышленники понимали, что немыслимо выступить перед общественностью с призывом о поддержке, если раскрыть подлинные мотивы своей «кампании фальсификаций» и разоблачить свои действительные намерения, которые заключались в том, чтобы удушить социализм и его первое воплощение в форме государственной власти — Советский Союз. Могло случиться, что массы ответили бы: вы хотите получить больше нефти и усилить свою власть. Мы за вами не пойдем. Более того, мы преградим вам дорогу!

Таким образом, нужно было создавать фиктивные ценности, которые, подобно блестящей оболочке, прикрыли бы гнилое нутро. В ход были пущены понятия, которые составляют величайшие сокровища человечества. Вокруг них был поднят шум, для того чтобы отвлечь внимание от сути дела. Международный калийный картель и европейское сообщество чугунолитейных предприятий, кавказская нефть и уголь, руда и зерно Украины — все это звучало чересчур прозаично и выдавало подлинные интересы. Западная культура, христианская цивилизация и спасение Европы — такие аргументы обладали гораздо большей привлекательной силой, и именно к ним присбегали воевавшие против «азиатского большевизма» рыцари фальсификации и их защитники, выступая позднее перед зачарованными судьями в Моабите. Карумидзе, Орлов и их немецкие соучастники подделывали деньги и докумен-

ты. Другие лица фальсифицировали подлинные мотивы антисоветской борьбы, придавая им видимость высоких идеалов. По существу же все они занимались одним и тем же делом и только стояли на разных участках фронта в широком наступлении мирового капитала против Советского Союза.

Один из греческих мифов повествует о Сизифе, который вкатывает на гору камень, и каждый раз, когда он достигает вершины, камень вырывается у него из рук, скатывается по склону, и утомительная, бесполезная работа начинается снова. Примерно так же обстоит дело с объединениями капиталистических держав, которые в результате закономерно возникающих между их участниками конфликтов и противоречий ослабевают и в конечном счете зачастую разваливаются. Раздираемые противоречиями материального порядка, они тем более настоятельно нуждаются в идеологии, которая могла бы скрепить их единство. Барабанщик и агент европейских миллионеров вовремя предложил свои услуги, чтобы свести к общему идеологическому знаменателю антисоветскую политику «десяти тысяч семейств» Европы.

Мы имеем в виду графа Куденгове-Калерги, который в связи с известным исходом первой мировой войны и распадом Австро-Венгерской монархии, потерял часть своих поместий в Богемии и, снедаемый честолюбием, ринулся в океан международной политики, развивая шумную деятельность и хорошо обделывая свои делишки.

Вращая глобус, он открыл в 1919 году, как он рассказывает в своей автобиографии, «нависшую русскую угрозу», против которой, по его мнению, должны были объединиться все европейские державы. Вспомним: в 1919 году американские, английские, японские, французские и немецкие офицеры развлекались тем, что истребляли рабочих в Архангельске и во Владивостоке, в Одессе и в Риге. Войска капиталистических держав вторглись глубоко в пределы тогдашней советской России. И как раз в этот момент граф обнаружил «нависшую русскую угрозу» — мотив, который позже вошел в репертуар Гитлера, а после второй мировой войны стал решающей составной частью политики Аденауэра.

Летом 1922 года он опубликовал в немецкой и австрийской печати статьи, в которых выдвигался лозунг «пан-Европы». Но кто же должен был взять на себя политичес-

кую инициативу его осуществления? Как для самого графа, так и для тогдашнего и нынешнего «европейского движения» характерно то, что и свою карьеру и паневропейскую кампанию он начал в 1922 году обращением к только что пришедшему к власти через горы трупов рабочих основателю фашизма Муссолини, которого граф призывал: «Спасите Европу!»¹ Это выражение симпатий к первому фашистскому диктатору с самого начала определило политические исходные позиции начатого графом движения, и если позже правые социал-демократические лидеры также отставали паневропейские идеи, то это отнюдь не говорит в пользу аристократа Куденгове, а только разоблачает реформистов, которые не могли и не хотели понять (или это подходило для их антисоветской концепции), что за паневропейской болтовней скрываются неприкрытые интересы картелей и разбойничьи антисоветские планы.

В связи с оккупацией Рура и вызванными ею ожесточенными спорами между капиталистическими державами усилия Куденгове в течение некоторого времени оставались безуспешными. Однако параллельно с осуществлением планов американского и английского финансового капитала, нашедших позже свое завершение в плане Дауэса и Локарнском договоре, Куденгове в буквальном смысле слова принимал участие в материальных и политических сделках. Как нечто подобное делается, рассказывает он сам:

«В начале 1924 года нам позвонили от барона Луиса Ротшильда: один из его друзей, Макс Варбург из Гамбурга, хотел с нами познакомиться. К моему большому удивлению, Варбург неожиданно предложил мне 60 тысяч золотых марок для развертывания движения в течении ближайших трех лет»².

Таким образом, финансовую помощь при рождении так называемого паневропейского движения оказало знаменитое немецко-австрийско-французско-английское банковское семейство Ротшильдов и крупный гамбургский банкир Варбург, обладавший большим могуществом благодаря своим широким финансовым связям в Соединенных Штатах Америки.

¹ Richard Coudeenhove-Kalergi, Kampf um Europa, Zürich 1949, S. 92.

² Ibid., S. 98—99.

Немедленно после заключения договора о плане Даусса, который был подписан 30 августа 1924 года, Куденгове направился в Берлин, где и пробыл до начала 1925 года.

«Германия ищет новой ориентации,— пишет он.— В этих условиях было легко создать немецкую паневропейскую группу... Во время первой немецкой паневропейской манифестации в здании рейхстага главным оратором был Шахт»¹.

Граф сообщает далее, что такие тузы берлинского финансового мира, как Артур Гвиннер из Немецкого банка и владелец берлинского торгового общества Ганс Фюрстенберг, были казначеями немецкой паневропейской группы. Вообще выяснилось, что богатейшие из богатых горячо интересовались паневропейским движением, видя в нем великолепное орудие для осуществления своих планов. В результате быстро образовался немецкий паневропейский экономический комитет, в который вошли наиболее видные представители германского финансового капитала: Дуссберг и Карл Бош, возглавлявшие трест «ИГ Фарбен», генеральный директор АГ Герман Бюхер, воротилы западногерманской сталелитейной промышленности Фёглер и Пенсген, Зильверберг, имевший огромное влияние в западногерманских предприятиях по добыче бурого угля, и крупные банкиры Гутман, Мельхиор и фон Штаус (паневропейский энтузиазм которого отлично уживался с его присклонением перед Гитлером).

Куденгове объединил в организациях паневропейского движения некоронованных королей экономики не только в Германии, но и в других странах, прежде всего во Франции. Кто же оплачивал всю эту деятельность? У кого было так много денег, что графу сице перепали суммы, достаточные для приобретения крупных поместий и владений в Австрии и в Швейцарии? Это выбалтывает с похвальной откровенностью он сам:

«Эта заинтересованность хозяйственных руководителей имела решающее значение для финансирования паневропейского движения. Под председательством штутгартского промышленника Роберта Боса было создано международное общество содействия паневропейскому движению с местопребыванием в Цюрихе»².

¹ Ibid., S. 105.

² Ibid., S. 145.

Благодаря своей политической активности и безошибочному чутью Куденгове находил во всех странах миллионеров, готовых участвовать в его фирме. Основную финансовую помощь бельгийскому паневропейскому комитету оказывал президент международного электрического концерна СОФИНА Дани Гейнeman, который в тридцатых годах подбрасывал Аденауэру пятизначные суммы, в гитлеровские времена принял американское гражданство, а позже постоянно принимал у себя Аденауэра, когда тот приезжал в США за одной из своих бесчисленных шапочек почетного доктора. Во главе паневропейской группы Люксембурга стал не кто иной, как Э. Майриш — глава международного стального и угольного треста АРБЕД и инициатор создания первого европейского стального картеля в 1926 году.

Куденгове рассказывает, что эти германские, французские и бельгийско-люксембургские экономические паневропейские комитеты неоднократно собирались в Париже и внесли свою лепту в дело подготовки к созданию международных картелей. Известно, какую зловещую роль они играли, будучи одновременно центрами международных заговоров против Советского Союза. Известно также, что устои этих картелей постоянно расшатывались в результате столкновения корыстных интересов различных национальных групп участников картелей, пока они в конечном счете не распались.

Тридцатого января 1933 года, когда Гитлер переселился из отеля «Кайзергоф» в имперскую канцелярию, Куденгове выступил в этом самом отеле «Кайзергоф» перед ведущими политиками с докладом о «европейской миссии Германии»¹. За несколько недель до этого президент рейхсбанка Шахт заявил графу:

«Через три месяца Гитлер будет рейхсканцлером. Но это не должно вас беспокоить. Гитлер — единственный человек, который может примирить Германию с западными державами. Вы увидите, что Гитлер принесет нам пан-Европу»².

¹ Приглашения на этот доклад исходили от «Общества ССС», названного так по фамилиям своих основателей: Секта, Симонса и Сольфа. (См. DWI-Archiv, Deutsche Bank und Disconto-Gesellschaft, D-r Mosler, Sig. Vereine und Verbände 1—37, 6 A I.)

² Richard Coudehoue-Kalergi, op. cit., S. 173.

Да, Гитлер был страстным поборником «паневропейской идеи». Он, конечно, думал о Европе, которой будут руководить германские империалисты. Еще в 1929 году он заявил в Мюнхене принцу-нацисту Фридриху Христиану цу Шаумбург-Липпе:

«Союз с Англией был бы чрезвычайно полезен для Германии... Прочный союз с Англией имел бы своим следствием постоянное согласие с Францией — особенно тогда, когда благодаря дружбе с фашистской Италией мы будем иметь возможность предоставить широкие гарантии также и Франции. Союз Англии, Германии и Италии — это пан-Европа»¹.

Как известно, позже Гитлер объявил свое нападение на Советский Союз шагом, направленным к осуществлению паневропейской идеи. Весной 1941 года, незадолго до своего вероломного вторжения, этот кровавый баxвал заявил на совещании командующих группами армий:

«Я смету Россию с лица земли и тем самым нанесу смертельный удар большевизму. Я веду эту борьбу за всю Европу, за спасение европейской культуры»².

«Европейская культура» — это приспособления для убийств выстрелом в затылок, жертвами которых пали в немецких концентрационных лагерях десятки тысяч советских офицеров.

«Европейская культура» — это растянувшееся на километры рвы в предместьях Харькова и Киева, куда должны были ложиться тысячи женщин, детей и стариков, чтобы быть расстрелянными из автоматов эсэсовцами и чтобы можно было столкнуть на залитые свежей кровью тела новую партию женщин, детей и стариков и уничтожить их таким же способом, пока пятнадцать, а иногда и больше слоев тел ни в чем не повинных людей не заполнят рвы.

«Европейская культура» — это уничтожение миллионов славян и неславян в Освенциме с помощью отравляющих газов, производимых трестом «ИГ Фарбен».

«Европейская культура» — это систематическое, грубо противоречившее всем положениям Женевской конвен-

¹ F. C. Prinz zu Schaumburg-Lippe, Zwischen Kron und Kerker, Wiesbaden 1952, S. 90.

² Цитируется нынешним генеральным инспектором бундесвера Хойзингером, присутствовавшим на упомянутом совещании, в его книге «Befehl im Widerstreit» (Tübingen-Stuttgart 1950, S. 121—122).

ции умерщвлениеис миллионов советских военнопленных, погибавших от голода.

«Европейская культура» — это бессмысленное, по методичное уничтожение многих тысяч русских и украинских городов и деревень бежавшими нацистскими армиями.

В то время как эти злодействия эсэсовских варваров наполняют гневом и отвращением сердца всех порядочных людей во всех странах мира, правящая верхушка Федеративной республики вновь превозносит их как деяния на благо Европы. Вице-канцлер Блюхер, председатель бундестага Элерс и федеральный министр и председатель немецкой партии Гельвеге аплодировали генералу войск СС Гилле, когда он выступал на состоявшемся в Ганновере 18 и 19 июля 1953 года фашистском солдатском слете с дифирамбами по адресу войск СС. Венцом его выступления были слова: «Триста тысяч солдат войск СС пали за Европу»¹.

Отчасти он прав: они пали за Европу гитлеровских концернов Рура, химических трестов и четырех крупнейших германских банков², которые сейчас вновь господствуют в Западной Германии и, действуя оттуда, пытаются сколотить новую Европу по своему образу и подобию.

Летом 1945 года, вскоре после окончания второй мировой войны, генерал танковых войск СС Курт Мейер, осужденный за многочисленные убийства американских военнопленных, обратился из тюрьмы к западным державам со следующим предложением:

«Я предлагаю дать мне разрешение набрать из немецких военнопленных, находящихся в лагерях, эсэсовскую дивизию численностью примерно в 23 тысячи человек. Это соединение будет носить название эсэсовской дивизии «Европа». Мне было бы нетрудно набрать людей для такого соединения, которое пришло бы участие в борьбе против Востока... Фюрер всегда правильно оценивал угрозу, исходящую с Востока, и его единственная цель состояла в том, чтобы спасти Европу от опасности большевизма»³.

¹ «Мюнхенер меркур», 20 июля 1953 года.

² Подразумеваются Дармштадтский, Немецкий и Дрезденский банки и Учетное товарищество (Darmstädter, Deutsche, Dresdner Banken Disconto-Gesellschaft), объединяемые в немецкой литературе названием «D-Banken». — Прим. ред.

³ Milton Shulman, Die Niederlage im Westen, Gütersloh 1949, S. 567—568. Шульман, будучи офицером службы информации

Уже тогда эсэсовские бандиты объявили себя образцовыми европейцами. После 1945 года они были подвергнуты непродолжительному аресту. Им не пришлось ни каяться, ни исповедоваться, ни зарекаться. Эти любимцы богов германского финансового капитала не обратились в новую веру. Ведь боннские империалисты под прикрытием европейской идеи продолжают преследовать свои неизменные пангерманские цели, которым служили Гитлер и его эсэсовские генералы.

Но вернемся к Куденгове. Этот международный агент разъезжал с дипломатическим паспортом, выанным ему чехословакским правительством, и получал финансовую поддержку не только от монополистов, но и от кабинетов тех стран Западной и Юго-Восточной Европы, которые стояли на пути гитлеровской экспансии. Это затрудняло графу установление столь желанного для него контакта с нацистским руководством, тем более что сам он являлся продуктом «смешения рас» и был «заражен еврейством».

Куденгове трудился над установлением единства всех капиталистических держав в борьбе против Советского Союза. Когда вместо этого с возникновением второй мировой войны европейские империалисты вступили в кровавую борьбу между собой, граф перенес в 1940 году свою деятельность в США. Он немедленно связался с политическими деятелями типа Даллеса и Буллита, которые в разгар второй мировой войны пытались превратить ее в антисоветский крестовый поход. Президент Рузвельт отказался принять этого пропагандиста раскола единства антигитлеровской коалиции великих держав и не одобрил его планов, за что Куденгове уже задним числом в чисто фашистском стиле бранит президента и его окружение, называя их «агентами Советского Союза»¹.

Все военные годы Куденгове провел в США, занимаясь организацией заговоров против «прорусских кругов Америки», причем для него «своими людьми» в госдепартаменте и в сенате были те, кто стоял на правом фланге в республиканской и демократической партиях, и, конечно, кардиналы Спеллман, Муни и Стратч. «Они не разделяли

канадской армии, интервьюировал после окончания войны находившихся в тюрьмах и лагерях командиров различных соединений вермахта.

¹ Richard Coudenhove-Kalergi, op. cit., S. 243.

всебо́щего восхище́ния Советским Союзом», и перего́воры с ними «подтвердили полную гармонию наших взгля́дов»¹.

Выход из игры Гитлера, против которого американские реакционеры боролись не потому, что он был фашистом, а лишь потому, что он был их конкурентом в борьбе за мировое господство, позволил антисоветскому крылу американской крупной буржуазии развернуть свою деятельность во всю ширь. Куденговс готовился к возращению в Европу. Теперь он был целиком к услугам американских монополий. «Итак, задача заключалась в том, чтобы оказать нажим на правительства (европейских стран), с тем чтобы побудить их выступить в поддержку паневропейской идеи, причем по внешнеполитической линии на них должны были оказать нажим Соединенные Штаты Америки»². Следовательно, инициатива в деле обеспечения единства Европы передавалась в руки неевропейской державы. По логике вещей слово «единство» здесь следовало бы взять в кавычки. Ведь в действительности эти паневропейцы были заинтересованы в глубоко антиевропейской политике, ставящей одну часть Европы под экономическое, политическое и военное командование неевропейцев, то есть американцев, которые стремятся превратить Европу в экономический придаток США, в место приложения американских капиталов, в рынок сбыта, хотят расколоть Европу с помощью своей торговой блокады, подготовить в оккупированных ими странах военные авантюры против части нашего континента и тем самым поставить на карту существование всей Европы.

Единство правящих классов Европы под главенством американцев — вот в чем заключается подлинная цель этого плана. Но, как и Аденауэр, который болтает о спасении Запада и христианской цивилизации, подразумевая под этим дивиденды западногерманских богачей, наш «паневропейский» граф также парит в самых высоких сферах, имея в кармане субсидии от финансовых тузов:

«Античная гордость, христианская любовь и рыцарская честь, образующие вместе сущность европейской души, объединяются в исповеди идеализма. Этот европ-

¹ Ibid., S. 245—246.

² Ibid., S. 258.

пейский идеализм поднимается на борьбу против материализма»¹.

На меньшее граф не согласен. Кто же чемпионы этой «христианской любви»? Кто эти обладатели «рыцарской чести»? Дополнительную информацию по этому вопросу можно получить от самого Куденгове, который 18 апреля 1948 года основал «Американский комитет за свободную объединенную Европу». В президиуме этой организации заседают прежний и нынешний шефы зловещей американской секретной службы, руководители всех европейских шпионов генерал Доновэн и мистер Аллен Даулес, промышленные тузы, президенты и вице-президенты мирового треста «Дженерал электрик» и рокфеллеровского «Чиз нэйшил бэнк», руководители американского союза предпринимателей и, конечно, экс-президент Гувер, который никак не может примириться с тем, что большевики конфисковали у него шахты и нефтяные месторождения, и который из-за этого после первой мировой войны готов был подвергнуть голодной блокаде решительно всех, кто проявлял симпатии к социализму. Вот как выглядят приближайшем рассмотрении превозносимые графом Куденгове апостолы «европейского идеализма», «рыцари христианства», исполненные «античной гордости»!

Вернувшись в Европу, Куденгове развернул лихорадочную деятельность. Он помогал Черчиллю при подготовке его пресловутой цюрихской речи от 18 сентября 1946 года, которая после окончания второй мировой войны была первым боевым призывом европейского буржуазного государственного деятеля к борьбе против Советского Союза. Вслед за тем Куденгове опять направился в США, где за звонкую монету стал разрабатывать для американского государственного департамента меморандумы под заманчивыми названиями: «Как можно спасти Европу с помощью плана Маршалла».

А затем, параллельно с осуществлением плана Маршалла быстро последовали один за другим различные европейские конгрессы. В мае 1948 года состоялся один такой конгресс в Гааге, где Куденгове произнес речь, ратуя за интервенцию против стран народной демократии. Первого сентября того же года он организовал в Интерлакене (Швейцария) конференцию, в которой впервые

¹ Ibid., S. 211—212.

после второй мировой войны приняли участие также западногерманские политические деятели. «Из Бонна в Интерлакен прилетел д-р Аденауэр — один из пионеров идеи пан-Европы»¹.

Действительно, после второй мировой войны в западных зонах Германии не было — если не считать бывших эсэсовских генералов — более пылкого «паневропейца», чем Аденауэр, который в разговоре с французским верховным комиссаром Франсуа-Понсэ мог сказать о себе, что он «единственный германский канцлер, который предпочитает единство Европы единству своего собственного отечества»².

Не следует забывать об этом самообвинении: канцлер западных зон отказывается от единства Германии ради единства с иностранными миллионерами. Как мало похож его космополитизм на идеологию гражданина мира в том смысле, который придавал ей Гёте, какой агрессивно-империалистический характер носит этот космополитизм, признал и сам Аденауэр, когда заявил: «Первооружение Германии должно быть подготовкой к установлению нового порядка в Восточной Европе»³. «Наилучший путь к тому, чтобы вернуть себе немецкий Восток, заключается в перевооружении Германии в рамках европейской армии»⁴.

Гитлер прикрывал паневропейской идеей агрессию против Советского Союза. Аденауэр следует точно по его стопам. Он также апеллирует к идеи пан-Европы, призываая свергнуть вооруженной рукой социализм в «Восточной Европе» и подавить его в западноевропейских странах. В то время как социалистический гуманизм исповедует мирное сосуществование социалистических и капиталистических государств, империалистическое варварство в состоянии мыслить только аденауэрскими категориями военной агрессии и завоеваний.

Побуждаемые из-за океана, правители стран западной части Европы создали различные европейские корпорации — Европейский парламент, Европейское объе-

¹ Ibid., S. 286.

² «Гамбургер эхо», 21 августа 1954 года.

³ «Штутгarter цайтунг», 25 марта 1952 года.

⁴ «Verschwörung gegen Deutschland. Die Pariser Verträge — ein Komplott des Krieges und der Spaltung. Hrsg. vom Ausschuß für Deutsche Einheit», Berlin 1954, S. 44.

динение угля и стали, Европейское экономическое сообщество и т. д. Но даже и тогда, когда они надевают паневропейскую шапку-невидимку, их внутренние противоречия отнюдь не поддаются маскировке и тем более уничтожению.

Какие августини конюшни коррупции и взяточничества скрываются за идеалистической болтовней о европейском единстве, показали конфликты, раздиравшие на рубеже 1953 и 1954 годов западногерманскую секцию Европейского союза в Бонне. Тщетно пытались видные политические деятели Западной Германии, в том числе бывший баварский министр юстиции Мюллер, выяснить всю подноготную о закулисной стороне финансирования Европейского союза. Тем не менее было неопровергнуто установлено, что Европейский союз является предприятием, которое организовано и финансируется американской разведывательной службой и другими подобными органами. Председатель Европейского союза д-р Ойген Когон, одновременно являвшийся председателем или членом руководства восьми (!) других европейских организаций, вынужден был признать, что он получил от американцев огромные суммы. Для вице-президента Европейского союза Отто Блессинга его профессиональный «европеизм» явился настоящей манией небесной. Он основал частное общество «Европейский информационный центр», проявив при этом невероятную деловитость:

«Часть денег на расходы я получил от одной федеральной инстанции. Кроме того, я получал пожертвования от частных лиц, которые пожелали, чтобы их имена не были преданы гласности»¹.

Скандал принял колоссальные размеры. Однако мораль этих западногерманских «европейцев» дошла до такой степени падения, что после вмешательства аденауэровского политика, депутата от ХДС д-ра Леверкюна Блессинг не только не вылетел с треском из организации и не сел на скамью подсудимых, но даже получил одобрение своих финансовых манипуляций.

. Болото, в котором баражают эти креатуры и подставные лица, полностью соответствует грязным целям европейского движения. Их интернационализм — это интернационализм безредных бизнесменов, отчество которых

¹ «Der Spiegel» (Гамбург), № 2, 1954, стр. 8.

всегда там, где можно заработать деньги на эксплуатации людей. В своей прямо-таки пророческой статье «О лозунге Соединенных Штатов Европы», написанной в 1915 году, в разгар мировой империалистической бойни, Ленин заявлял:

«С точки зрения экономических условий империализма, то есть вывоза капитала и раздела мира «передовыми» и «цивилизованными» колониальными державами, Соединенные Штаты Европы, при капитализме, либо невозможны, либо реакционны... Соединенные Штаты Европы, при капитализме, равняются соглашению о дележе колоний... Конечно, возможны *временные* соглашения между капиталистами и между державами. В этом смысле возможны и Соединенные Штаты Европы, как соглашение *европейских* капиталистов... о том, как бы сообща давить социализм в Европе...»¹

Куденгове сам с полной ясностью показал в своей книге, что паневропейское движение уже в период между двумя мировыми войнами руководствовалось в первую очередь антисоциалистическими и антисоветскими тенденциями. После второй мировой войны, когда социалистический сектор в Европе и во всем мире резко расширился, все эти официальные, полуофициальные и частные парламентские, политические, экономические и военные европейские корпорации превратились в организации борьбы против социалистических государств Европы и против рабочего движения в самих странах — участницах соответствующих пактов. Одновременно они были предназначены для того, чтобы подпереть пошатнувшееся здание колониального господства западноевропейских держав и, если говорить о планах Бонна, — вновь открыть германскому империализму доступ в колонии и в другие зависимые страны.

Речи и конкретные мероприятия правителей стран, участвующих в европейских пактах, какими бы прогрессивными они ни казались и какие бы космополитические идеи в них ни вкладывались, служат архиракционным целям. Речь идет о временной, переходящей общности интересов монополистов различных государств, о союзе, который с самого начала не отличается прочностью и который при первом же кризисе, а то и до его наступления,

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 309 и 310

распадается на свои национальные составные части. Ведь открытый Лениным закон неравномерного развития различных капиталистических стран продолжает действовать и в наше время: темпы развития промышленного производства и роста капиталовложений увеличивались в Западной Германии после второй мировой войны несравненно быстрее, чем в остальных капиталистических странах Европы. Опираясь на достигнутое таким образом экономическое превосходство, германский империализм выдвигает свои политические требования, лихорадочно создает свою армию, для того чтобы еще раз — теперь уже вместе с американским старшим партнером — попытаться произвести новый передел мира.

В заключение подчеркнем, что разговоры о «защите Запада» и «европейской культуры» являются фальсификацией, которая ничуть не лучше фальсификаций Карумидзе и Орлова. Эти последние фальсифицировали материальные ценности, а господа паневропейцы — ценности идеальные. Фальсификация червонцев и документов была, так сказать, поднята на идеологическую высоту путем фальсификации паневропейской идеи, которую, как мы и предвидели, горячо поддержали белогвардейские фабриканты советских денег и советских директив. Одни, действуя на первом плане, с шумным пафосом прокламировали свои псевдоидеалы, чтобы заглушить шум печатных станков, на которых другие производили фальшивые деньги и столь же мало достоверные документы. Это было хорошо обдуманное, коварное разделение труда: на авансцене действовали краснобаи, рассуждавшие о высоких принципах, а за кулисами работали мародеры антисоветизма, которым, в случае если их ловили с поличным, достаточно было процитировать тирады Куденгове-Калерги и участников его клики, объединявшей финансистов и правых лидеров СДПГ, чтобы превратиться в невинных ангелочеков и упорхнуть со скамьи подсудимых.

Защитники Германии и Советского Союза

Борьба между демократией и реакцией, развернувшаяся в Веймарской республике, нашла свое отражение также и в позиции различных слоев общества и политических группировок по отношению к Советскому Союзу. На правом крыле буржуазных кругов, в среде нацистов и немецко-национальной народной партии, верх одержали антисоветские тенденции. Такие деятели, как директор Восточноевропейского института, депутат рейхстага от немецко-национальной народной партии профессор Хётч, стремившиеся к установлению хороших германо-советских отношений, оставались почти в полном одиночестве среди членов своей партии, в которой царили Гугенберг и крупные аграрии. Немецкая народная партия, которая особенно энергично отстаивала интересы промышленников, проводила в этот период политику своего председателя Штрэземана, о которой мы рассказывали выше. Правда, при этом был взят курс, допускавший зигзаги, ибо в 1931 году мировой экономический кризис, закрывший для Германии западные рынки сбыта, заставлял представителей германской промышленности ездить в Москву, откуда они возвращались с крупными заказами. Эти факты экономического порядка не могли не вызвать политического резонанса. Многие буржуазные газеты постарались в то время смягчить свои обычные клеветнические выпады против Советского Союза, и все чаще стали появляться статьи, в которых отдавалось должное успехам, достигнутым Советским Союзом. В принципе это ни в какой мере не меняло империалистического характера политики промышленных кругов и отнюдь не помешало этим кругам два года спустя поднять на щит Гитлера.

В партии центра, которая была партией немецкого католицизма, в силу ее неоднородного состава сталкивались самые различные течения. Тут было и правое, оголтело антисоветское крыло во главе с бароном фон Папеном и князьями церкви, ему противостояла группа, для позиции которой была характерна политика Вирта, занимавшего в те-

Die Rote Fahne

~~Autorenkennung bzw. Wissenschaftstitutionen, finanziell durch die Forschungsstiftungen geförderte Organisationen, Interessenverbände~~

Reaktionen mit Radikalen (1970-1974). Arbeitsergebnisse von 1970-1974 sind in der Reihe "Schriftliche Berichte über die Arbeit des Instituts für Physikalische Chemie" Band 10 zusammengefasst.

卷之三

John Wiley & Sons, Inc., 605 Third Avenue, New York, N.Y. 10016
© 1979 John Wiley & Sons, Inc.

Digitized by srujanika@gmail.com

1960-1961. The following recommendations are made:

Machtvolle Anti-Kriegsdemonstration Ein Aufmarsch von 120 000 im

„Es lebe die Sowjetunion!“

„Imperial“ Arbeitserlernungsgesellschaft der russischen Arbeitendelegation

Заголовки, под которыми «Роте фане» сообщала об антивоенной демонстрации берлинских рабочих 4 августа 1927 года и о проводах первой советской рабочей делегации 10 ноября 1927 года.

Фотоснимки отображают митинги солидарности с Советским Союзом, состоявшиеся в апреле 1930 и в июне 1929 года в Берлине.

чение некоторого времени посты рейхсканцлера и имперского министра иностранных дел. Шестнадцатого января 1922 года, то есть за несколько месяцев до того, как он подписал Рапалльский договор с Советским правительством, Вирт, выступая в комиссии по иностранным делам рейхерата, сделал заявление, подробное изложение которого содержится в докладе саксонского посольства в Берлине дрезденскому правительству, помеченному грифом «совершенно секретно». Вот выдержка из упомянутого доклада:

«Он решительно отвергает всякую мысль о военных мероприятиях против России, вновь пропагандируемых генералом Гофманом. Национальное сознание русских очень чувствительно; они очень болезненно воспринимают намерения западноевропейского капитала. Россия, заявил он далее, не желает стать добычей международных капиталистических компаний. Мы должны использовать все возможности, для того чтобы добиться заключения разумных экономических и политических соглашений с Советской Россией. Было бы величайшим несчастью, если бы Россию удалось втянуть в число держав, создавших вокруг нас версальское кольцо, чего усердно добивается Франция»¹.

Как видим, Вирт стремился рассеять кошмар коалиции держав, окружающей Германию, и открыть перед Германией, с которой Запад обращался, как с колонией, хотя бы дверь на Восток. Это он и сделал в Рапалло. И он остался верен этой политике. Он руководствовался мыслью о том, что, до тех пор пока Россия и Германия не противостояли друг другу как враги, национальное существование обоих народов было обеспечено. Когда в 1927 году усилия английского консервативного правительства, направленные на дипломатическое, экономическое и военное окружение Советского Союза, достигли апогея, Вирт поднял свой предостерегающий голос, выступая на закрытом заседании комиссии по иностранным делам рейхстага 23 февраля:

«Он [Вирт] обеспокоен нашими теперешними отношениями с Россией. Англия, заявил он, пытается создать

¹ Sächsisches Landeshauptarchiv, Dresden, Gesandtschaft Berlin, Nr. 373, Reichsrat, Ausschuss für Auswärtige Angelegenheiten, Bd. II.

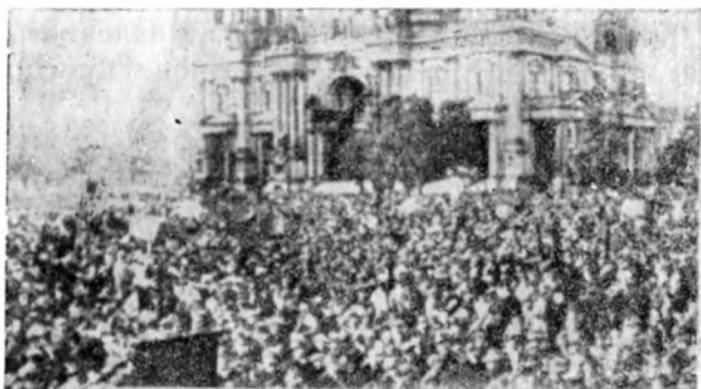
в лимитрофах, в Польше и на Балканах прочный фронт против России. Если это удастся, мы будем отрезаны от России. Германия должна уклониться от опасности быть включенной в этот англосаксонский фронт против России»¹.

Вирт не имел за собой в парламентской фракции партии центра сильного или хотя бы дисциплинированного крыла. Однако он опирался на настроения широких кругов народа и не в последнюю очередь также на многочисленных рабочих-католиков, организованных в рядах христианских профсоюзов. В этом вопросе он, бесспорно, отражал их мнение.

Немецкая демократическая партия, составлявшая левое крыло буржуазии, возникла после Ноябрьской революции 1918 года и окончила свое существование в 1933 году, когда на заседании рейхстага 23 марта ее депутаты — ставший позже президентом западных зон Хейс и аденауэрский министр, организатор травли против ГДР Эрнст Леммер — отдали Гитлеру свои голоса. Между этими двумя событиями лежал период крайне противоречивой политики и систематического предательства по отношению к демократическим принципам, в результате чего партия в конце концов потеряла доверие и лишилась многих своих сторонников. Вначале вокруг демократов группировались представители торгового капитала, банков, электропромышленности и широкие слои интеллигенции. В первый период, когда партия еще вела за собой значительные массы избирателей, на ее внешнюю политику особенно большое влияние оказывали те круги, которые решительно выступали за хорошие государственные отношения с Советским Союзом.

Здесь в первую очередь следует упомянуть Вальтера Ратенау, который унаследовал от своего отца богатый концерн — «Всеобщую электрическую компанию» (АЭГ) и в противоположность закоренелым реакционерам — хозяевам рейнско-вестфальской тяжелой промышленности являлся представителем либеральной разновидности капитализма, которая допускала уступки рабочим. Решение о Рапалльском договоре, в заключении которого он, бу-

¹ Mecklenburgisches Landeshauptarchiv, Schwerin, Schweriner Gesandtschaft in Berlin, Aussenpolitische Berichte, Nr. 1—61, K. A. 65.

Массовые демонстрации, посвященные 10-летию Октябрьской революции, в берлинском Люстгартене (*вверху*) и на Гамбургер Моорвайде (*внизу*). На среднем снимке празднично украшенный Карл-Либкнехтхауз — здание, в котором помещался ЦК КПГ.

дучи имперским министром иностранных дел, вместе с рейхсканцлером Виртом принял такое большое участие, он обосновывал следующим образом:

«Необходимо, чтобы... Россия — страна, имеющая такую территорию, такое население, такие неиспользованные богатства,— была вновь открыта для нас. Необходимо, чтобы она была опять включена в экономический комплекс Запада... Мы заключили этот мирный договор не с системой, а с народом, и мы заключили его через людей, которые в данный момент представляют этот народ. Как они хозяйничают, нас не интересует. Мы окажем им, насколько это будет в наших силах и в той мере, в какой они этого захотят, экономическую помощь средствами хозяйственной инициативы, опытом и знаниями, накопленными в нашей стране, организационными способностями немецкого делового человека, сведениями, которыми обладают немецкие ученые... Мы искренне надеемся, что они создадут у себя экономическую систему, которая будет служить дополнением к европейской экономической системе. Мы сами влиять на них не станем...»¹

В представлении Ратенау заключение договора было предопределено тем фактом, что на Западе его страна сталкивалась лишь с разочаровывающей отчужденностью и угнетением, в то время как советский Восток проявлял по отношению к ней полное понимание. Вполне естественно, что Ратенау, этот крупный капиталист, лелеял и даже осторожно высказывал надежду, что Россия так или иначе вернется вновь к капиталистической системе хозяйства и что старая зависимость русской экономики от экономики западных держав, наиболее развитых в техническом отношении, по-прежнему сохранится. Реакция, постоянно жаждавшая кровавой расправы с социализмом и с его первым государством, так и не простила Ратенау заключения Рапалльского договора. Рыцари свастики убили ministra иностранных дел спустя две недели после того, как им были сказаны приведенные выше слова.

Член государственного совета Бадена, депутат рейхстага от демократической партии Людвиг Хаас неоднократно выступал публично в защиту своей точки зрения, которую он сформулировал в 1927 году следующим образом:

¹ Walter Rathenau, Cannes und Genua, Berlin 1922, S. 58 u. 60.

«Германии нужны тесные и искренние отношения с Россией. Без дружественных отношений с Россией самостоятельность германской политики будет поставлена под угрозу»¹.

В эпоху, наступившую после второй мировой войны, эти слова должны были бы хорошо запомнить боннские политики.

Страстно выступал уже тогда за добрососедские отношения с советскими народами и Отто Нушке — депутат демократической партии в прусском ландтаге и главный редактор газеты «Берлинер фольксцайтунг». Еще до заключения Рапалльского договора он заявил с парламентской трибуны:

«У нас есть все причины для того, чтобы установить с великим русским народом самые дружественные отношения, ибо Германия и Россия по характеру своего производства, по своим естественным богатствам, по своей продукции как будто бы созданы для взаимного обмена.

Я никак не могу одобрить того, что германские генералы вновь и вновь предлагают свои услуги и рекомендуют опять начать интервенцию против большевизма. Я считаю своим долгом заявить здесь, что широкие массы не только немецких рабочих, но и немецкой буржуазии самым резким образом осуждают такую политику вечной войны»².

В 1921 году в результате мировой войны, интервенции и гражданской войны, а также тяжелой засухи в советской России разразился голод. Нушке выступил в ландтаге с требованием одобрить заключение договора, предусматривавшего щедрую помощь продовольствием и медикаментами для борьбы с этим бедствием. На склоне своих лет Нушке смог энергично участвовать в деле формирования германо-советских отношений и, занимая пост заместителя председателя Совета министров ГДР и председателя партии ХДС, сумел убедить широкие круги христианских демократов и в необходимости разумной национальной политики, то есть политики прочной дружбы с Советским Союзом.

В официальных кругах Веймарской республики наиболее видным поборником политики дружбы с Советским

¹ «Дас наине Руссланд», 1927, двойной номер 1/2, стр. 12.

² Sitzungsberichte des Preussischen Landtags, I. Wahlperiode, Bd. 6, 114. Sitzung, 13. März 1922, Berlin 1922, Spalte 8137/8138.

Союзом был граф Брокдорф-Ранцау, не принадлежавший ни к какой партии. Весной 1919 года ему, как министру иностранных дел Германии, выпало на долю испытать в Версале до дна чашу национального унижения. Условия диктата были переданы ему в обстановке, которая означала для него тяжелое личное унижение, а во время его отъезда из Парижа на него натравили сброд, который забросал камнями его машину. Брокдорф отказался поставить свою подпись под Версальским договором и вышел в отставку. Подобные потрясения, несомненно, укрепили в душе этого представителя аристократии, профессионального дипломата убеждение в том, что для Германии решающее значение будет иметь ее способность постоянно сохранять мирные отношения с такой могущественной державой, как Советский Союз. Его национальное чувство восторжествовало над ограниченной дворянской спесью, которую он вовсе не скрывал, а его здравый смысл оказался сильнее его предрассудков.

После нормализации германо-советских отношений он стал первым послом Германской республики в Москве. Вручая накануне 5-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции главе советского государства свои верительные грамоты, он заявил:

«Я приложу все свои способности и силы для того, чтобы доказать, что Рапалльский договор открыл новую эру в жизни немецкого и русского народов, и тем самым — в жизни не только Европы, но и всего мира»¹.

Свое слово он сдержал. Он яростно боролся против берлинской клики, внешняя политика которой сводилась к натравливанию держав друг на друга и к попыткам включить Германию в империалистический фронт против Советского Союза. За это фон Шуберт и компания платили ему своей ненавистью и плели вокруг него интриги, которые подорвали его здоровье. Весной 1925 года Брокдорф поехал в Берлин, чтобы предостеречь от заключения Локарнского пакта. Когда его усилия оказались бесплодными, он подал в отставку. Однако рейхспрезидент фон Гинденбург не принял его отставку, объяснив свой отказ следующим образом:

«Если Вы сейчас уйдете в отставку, для русских это

---

¹ Graf Brockdorff-Rantzau, Dokumente und Gedanken um Versailles, Berlin 1925, S. 208.

только послужит подтверждением их уверенности в том, что германская политика коренным образом изменилась. Но сейчас важно успокоить их, и для этого нет более действенного способа, чем Ваше возвращение в Москву»¹.

В последующие годы Брокдорф сделал немало, для того чтобы смягчить роковые последствия внешней политики тех кругов, которые, организуя антисоветские акции, стремились заслужить благосклонность и добиться уступок от западных держав,— политики, которую позже последовательно продолжал Гитлер вплоть до трагического конца Германии. В 1928 году болезнь окончательно сломила Брокдорфа. Сохранился весьма впечатляющий документ, который показывает, что волновало его и не давало покоя в последние часы жизни. Документ, который мы имеем в виду,— продиктованное на смертном одре и еще собственноручно отредактированное им письмо его брата на имя советского народного комиссара по иностранным делам Чичерина. Вот это письмо:

«Глубокоуважаемый господин народный комиссар! Мой брат, посол граф Брокдорф-Ранцау, пригласил меня сегодня после полудня к своей пустели и поручил мне передать Вам, господин народный комиссар, и господину Литвинову (тогдашний заместитель Чичерина.— A. H.) следующее:

Ему известно, что, по мнению врачей, он может в любую минуту умереть. Перед лицом смерти он поручил мне передать Вам, господа, что он считал задачей всей своей жизни довести до намеченных и желанных целей политику, которую он проводил в течение последних шести лет.

Он благодарен Вам обоим, господа комиссары, и особенно Вам, господин народный комиссар, за то доверие к нему, которое Вы постоянно проявляли в эти тяжелые годы в совместной работе.

Он выражает последнюю, твердую надежду,

¹ Gustav Hilger, *Wir und der Kreml*, Frankfurt/Main — Berlin 1955, S. 139. До нападения Гитлера на Советский Союз Гильгер исполнял обязанности советника германского посольства в Москве. После второй мировой войны он стал «экспертом по Востоку» в боннском министерстве иностранных дел.

что германский и русский народы, работая соо^щзъ, достигнут целей, к которым стремился он сам.

Берлин, 8 сентября 1928 года.

Граф Эрих цу Ранцау¹.

Пресемник покойного на посту посла фон Дирксен и в гробу преследовал его своей злобой, утверждая, что он «действовал скорее как защитник русской точки зрения, а не старался сделать для русских приемлемой точку зрения немцев»². Что Дирксен понимал под «точкой зрения немцев», ему пришлось раскрыть позже, когда он усвоил идеи Гитлера и защищал их на посольском посту в Токио и Лондоне.

Летом 1934 года на сохранившиеся бумаги Брокдорфа-Ранцау наложило руку гестапо, и его печально знаменитый шеф Гейдрих, которого позже судьба настигла в Праге, мотивировал решение о конфискации тем, что «вполне понятны возражения министерства иностранных дел против использования и опубликования этих материалов»³. Правда, позже наследие Брокдорфа былоозвращено, но опубликовать его не разрешили.

Мы далеки от стремления преуменьшить заслуги тех буржуазных политических деятелей, которые выступали за нормализацию и улучшение германо-советских отношений. Они действовали, руководствуясь соображениями здравого смысла или расчета, а зачастую — просто в надежде на выгодные сделки. Однако независимо от того, какие мотивы играли тут главную роль, для Германии эта политика в противоположность гибельному для национальных интересов курсу, который прокладывали ультрапрекционеры, носившиеся с планами антисоветской войны, приносila только пользу. К сожалению, ультрапрекционеры слишком часто могли ссылаться на позицию правых лидеров СДПГ и упрекать поборников реалистической внешней политики из рядов капиталистических партий в том, что они стремятся к дружбе с Советским Союзом

¹ «Ойропенише геппрехс» (гамбургский ежемесячный журнал по вопросам внешней политики), январь 1929 года, № 1, стр. 6—7.

² Herbert von Dirksen, Moskau — Tokio — London, S. 66.

³ DZA, Potsdam, Reichsministerium des Innern, Ausübung der freien Meinungsäußerung, vom April 1931 bis November 1934, Nr. 25687.

даже больше, чем руководящие органы и газеты социал-демократии.

Существовала только *одна* германская партия, которая безоговорочно и сплоченно выступала за дружбу с советским государством,— Коммунистическая партия Германии. В победе Великой Октябрьской социалистической революции, в ее торжестве над всеми врагами, во всестороннем росте молодого советского государства немецкие коммунисты видели подтверждение правильности учения Маркса о том, что капитализм может быть побежден только в ходе непримиримой классовой борьбы и что строительство социализма должна обеспечить диктатура пролетариата. В Германии подавление пролетариата в течение первых пяти послевоенных лет расчистило путь к восстановлению капиталистической диктатуры. Иначе развивались события в России, где благодаря безоговорочному осуществлению власти рабочих и крестьян контрреволюционные капиталистические элементы были подавлены и полностью устраниены и таким образом был открыт путь к социализму.

В своей пропаганде Коммунистическая партия Германии неустанно указывала на эти два пути развития, противопоставляя их друг другу. Социалистическое государство на Востоке было для немецких коммунистов не только державой, которая своим высоким авторитетом поддержала Германию, отданную на разграбление и на произвол западных империалистов,— Советский Союз был и остается для немецких коммунистов высоким примером, воодушевляющим участников пролетарской и национальной освободительной борьбы во всем мире. КПГ внушала широким массам немецких рабочих сознание того, что дело Советского Союза является кровным делом германского рабочего класса, что уже одно существование советской державы приносит большие преимущества рабочим Германии, которые черпают в нем мужество, необходимое им в борьбе, и располагают теперь многочисленными новыми аргументами, способствующими привлечению отсталых, сомневающихся и утративших перспективу товарищей по классу к активной борьбе. Теперь агитаторам и пропагандистам не нужно было больше рисовать лишь картины будущего, изображать грядущую победу рабочего класса и его социалистическое строительство. Правда социализма приняла реальные живые формы, а социалисти-

ческая жизнь на Востоке превратилась в самую действенную форму агитации, подтверждая закономерность и неизбежность победы нашего дела. Когда был принят и затем осуществлен первый пятилетний план, КПГ восприняла и использовала его в ходе многочисленных предвыборных боев 1928—1932 годов как самую действенную поддержку, оказанную немецким коммунистам на выборах.

В период, находящийся в центре нашего повествования, немецкие коммунисты применяли самые разнообразные формы агитации за дело советской власти. Они прорвали кордон, созданный империалистами на границах Советского Союза, и в 1925 году послали туда первые рабочие делегации. Мы уже рассказывали о том громадном значении, которое имели эти делегации в распространении правды о Советском Союзе. К ужасу перепуганных реакционеров, эти рабочие делегации своими выступлениями и печатными высказываниями полностью рассеяли засевшую ложь, окружавшую Советский Союз.

Обострение международной ситуации в 1927 году немецкий рабочий класс встретил во всеоружии. В ответ на провокации реакции, выразившиеся в нападении на советское посольство в Пекине и на торговое представительство СССР в Лондоне, в разрыве отношений между Англией и Советским Союзом, а также в убийстве советского полпреда в Варшаве Войкова, КПГ организовала мощные манифестации в помещениях и под открытым небом, где рабочие бурно выражали свое негодование. Партия призывала мобилизовать массы на борьбу против грозящей опасности войны. Ее центральный орган «Роте фане» в связи с наиболее серьезными событиями выходил в виде экстренных выпусков. Члены партии задавали тон на предприятиях и в профсоюзах, разъясняя рабочим коллективам всю важность происходящих событий и добиваясь принятия резолюций, в которых выражалась решимость сорвать военные планы империалистов. Как на государственных, так и на частно-капиталистических предприятиях возникло широкое движение, в котором участвовали многие рабочие — социал-демократы и беспартийные. Коммунистические газеты изо дня в день публиковали резолюции рабочих собраний. Вот одно такое весьма характерное решение:

«Совещание членов производственных советов 13-го района [Берлина.— А. Н.] считает нападение на совет-

ское торгпредство в Англии и разрыв дипломатических отношений прелюдией к войне капиталистических держав против Советского Союза. Эта война может разразиться в ближайшее время, и рабочие всех стран должны сплотиться для обороны и активно поддержать мирную политику Советского правительства»¹.

Кульминацией пунктом состоявшихся в Германии выступлений против покушений империалистов на Советский Союз и против попыток нарушить мир стал слет Союза красных фронтовиков, проведенный в начале июня 1927 года в Берлине. Незабываемым моментом слета была клятва, которую принесли в столичном Шиллер-парке сотни тысяч участников слета:

«Я клянусь:

Никогда не забывать, что мировой империализм готовит войну против Советского Союза.

Никогда не забывать, что судьба рабочего класса всего мира неразрывно связана с судьбой Советского Союза...

Защищать всеми силами русскую и китайскую революцию.

Постоянно и непрерывно бороться за Советский Союз и за победу мировой революции»².

В 1927 году состоялись и другие мощные манифестации, которые недвусмысленно дали понять германским империалистам, каково положение, и показали им, что, в случае если они примут участие в воинственных затеях английских империалистов, это немедленно приведет к серьезным конфликтам внутри самой Германии. Традиционная демонстрация в годовщину начала первой мировой войны, состоявшаяся в берлинском Люстгартене, превратилась в грандиозный смотр антиимпериалистических сил. Впереди колонн, в которых маршировали 120 тысяч участников демонстрации, высился транспарант с надписями: «Россия хочет мира, Англия хочет войны!», «Руки прочь от советской России!»³.

Десятая годовщина советской власти была отмечена новыми массовыми демонстрациями во всех крупных городах Германии. В Галле, где выступал Эрнст Тельман,

¹ «Рote фане», 2 июля 1927 года.

² «Zur Geschichte der Kommunistischen Partei Deutschlands», Dietz Verlag, Berlin 1955, S. 231.

³ «Рote фане», 5 августа 1927 года.

рабочее население игнорировало запрещение демонстраций. Руководитель КПГ выступал в Народном доме и в других переполненных залах, где были созваны параллельные митинги. В связи с этим праздником революции в разных городах Германии были открыты выставки «Десять лет Советского Союза», материалы для которых подбирались с большой любовью и старанием. Многочисленные предприятия послали приветственные послания в Москву. Все письма, как и все манифестации, были произнесены одной мыслью: Советский Союз — отчество всех рабочих, и потому все рабочие сплачиваются вокруг него в единый пролетарский фронт.

Когда в те годы в Гамбурге и Киле останавливались советские суда, к ним начиналось настояще паломничество. В результате происходил оживленный обмен мнениями и разыгрывались волнующие сцены сердечной дружбы между немецкими рабочими и членами советских экипажей¹.

С начала 1926 года развернулся оживленный обмен письмами между отдельными рабочими обеих стран, и особенно между целыми производственными коллективами. Эта переписка вылилась в конце концов в организацию революционного соревнования. Один такой договор был заключен между рабочими ленинградской фабрики «Красный треугольник» и коллективом завода «Лейнаверке». Он был подписан во время торжеств по случаю годовщины Великой Октябрьской социалистической революции в 1929 году в Ленинграде. Советские рабочие брали на себя обязательство повысить на 10 процентов производительность труда и на столько же перевыполнить производственный план, улучшить качество продукции, сократить потери рабочего времени и несущие простой машин. Коллектив рабочих завода «Лейнаверке» в свою очередь обязался усилить антивоенную пропаганду, изгнать из предприятий фашистские организации и еще энергичнее разоблачать деятельность правых лидеров СДПГ. Примерно на таких же условиях был заключен договор между рабочими берлинских предприятий АЭГ и коллективом Харьковского электромеханического заво-

¹ IML-Archiv 10/27, Reichsministerium des Innern, Kommunistische Partei, vom 1. September 1926 bis 31. Dezember 1926, Bd. II, Bl. 9, Rückseite.

да (который, кстати, до первой мировой войны принадлежал концерну АЭГ) ¹.

Когда возникала необходимость активно выступить против распространителей антисоветских гнусностей, со-лидарность с Советским Союзом принимала самые боевые формы. Коммунисты обязательно приходили на такие собрания и вступали там в полемику с докладчиками. В 1926 году нацисты послали одного немецко-русского белогвардейца в качестве официального оратора в поездку по стране. Он выступал под именем Грегора Шварц-Бостуница, и все его речи состояли из отвратительных непристойностей.

Почти каждое собрание, на котором выступал этот пакостник, кончалось катастрофой для его устроителей, ибо рабочие-коммунисты в большинстве случаев не давали ему высказаться до конца. В Лейпциге и Мюнхене в залах разгорелись настоящие сражения, а в округе Цвиккау «настроение на таких собраниях в большинстве случаев вспыхивало опасения» ², как отмечал в одном из своих донесений сиятельный шпион Мюльайзен 6 апреля 1926 года.

Не было ничего удивительного в том, что жалкий белогвардец распространял грязные измышления, порожденные его безудержной фантазией. Возмутительным — хотя, впрочем, и весьма характерным — было поведение германских официальных властей, которые, не считаясь с отношениями, существовавшими между Германией и Советским Союзом, не только не препятствовали клеветническим выступлениям Шварца, но и приняли его в германское подданство ³. Зато они жестоко наказывали рабочих, мешавших ему обливать помоями Советский Союз. Так в марте 1926 года в Лейпциге за это был осужден и брошен в тюрьму на длительные сроки ряд рабочих-коммунистов ⁴.

В период, предшествовавший роковому дню 30 января 1933 года, по всей Германии шла борьба между силами

¹ «Роте фане», 27 октября 1929 года.

² IML-Archiv 10/26, Reichsministerium des Innern, Kommunistische Partei, vom 1. Juni 1926 bis 31. August 1926, Bl. 31.

³ Ibid., Bl. 43.

⁴ IML-Archiv, 17/245, Thüringisches Ministerium für Inneres und Wirtschaft, Abt. Inneres, Nachrichten des Landesinformations-Amtes Dresden, 1926, Bd. 8, Bl. 95, Rückseite.

коммунизма и силами фашизма. В рейхстаге и в парламентах земель, на предприятиях и на улице, на биржах труда, где отмечались безработные, и на собраниях — повсюду партия Тельмана давала отпор вооруженным нацистским бандам. (Не может быть никаких сомнений в том, что эта борьба закончилась бы победой над фашизмом в общенациональном масштабе, если бы руководство СДПГ и профсоюзов приняло предложения КПГ о единстве действий антифашистских сил.)

Кульминационным пунктом этой борьбы стал исторический поединок между Ульбрихтом и Геббельсом, состоявшийся 22 января 1931 года в берлинском зале Фридрихсгайн. Вальтер Ульбрихт, бывший тогда политическим руководителем берлинской окружной организации КПГ, пришел на собрание, созванное гитлеровской партией, и, выступив в дискуссии с сорокапятиминутной речью, подверг сокрушительному разгрому националистскую демагогию гитлеровцев. Он сопоставил псевдореволюционные фразы и лозунги Геббельса с действиями нацистской фракции в рейхстаге, голосовавшей в интересах капиталистов, а также напомнил о тайном сговоре Гитлера с крупными промышленниками. Бурная овация вспыхнула в зале, когда Ульбрихт закончил свое выступление словами:

«Победа трудового народа над эксплуататорами и рабовладельцами в собственной стране — это одновременно и победоносная борьба за национальное освобождение немецкого народа, это путь к хлебу, работе и свободе... Смотрите на Советский Союз, который освободился от всех своих врагов!»¹

Когда Геббельс, занимавший посты окружного и имперского руководителя пропаганды, выступая с заключительным словом, не пожелал и не смог ответить на конкретные обвинения, выдвинутые Ульбрихтом, в зале начался шум, который вынудил его сойти с трибуны. Таким образом, КПГ использовала даже и нацистские собрания, для того чтобы вести политическую разъяснительную работу среди трудящихся.

Именно в тот период, когда происходили мрачные события, связанные с подделкой червоицев и фальсификацией документов, КПГ с честью выполнила свой револю-

---

¹ Walter Ulbricht, Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. I, Dietz Verlag, Berlin 1958, S. 531.

ционный долг. Действуя через свой центральный орган — газету «Роте фане», а также выступив в рейхстаге с запросом, адресованным правительству, Коммунистическая партия вскрыла подлинный характер этих преступлений, доказав, что они являются не частными мероприятиями отдельных белогвардейцев, а одним из орудий в международной политической кампании против советской державы. Не будь разоблачений, с которыми выступила тогда «Роте фане», не было бы вскрыто участие ведущих кругов рейхсвера в заговоре подделывателей червонцев и никто не узнал бы о том, что закулисные вдохновители и заказчики фальсификатора документов Орлова занимали высокие посты чиновников прусского и имперского правительства.

Вскрытие на страницах «Роте фане» подоплеки и подлинных обстоятельств, связанных с фальсификациями, показ главных виновников, имена которых вначале вообще не фигурировали в документах обвинения, — все это начисто опрокинуло расчеты правящих реакционных кругов. Сначала им поневоле пришлось пригласить в суд некоторых белогвардейцев; теперь они сами оказались в числе обвиняемых. Они надеялись превратить суд в антисоветский форум; теперь они дрожали перед каждым новым заседанием суда, потому что каждый новый день вместе с выходом коммунистических газет приносил дальнейшие доказательства участия официальных германских и иностранных властей и финансистов в преступной деятельности, направленной против СССР. Эти разоблачения находили отклик в мировой прессе, будили общественное мнение в Германии и подводили миллионы людей к осознанию опасности, связанной с антисоветскими махинациями. На многолюдных собраниях, которые проводила КПГ, поучительные подробности скандалов, связанных с подделками, и еще более скандальных судебных приговоров доводились до сведения трудового народа, который в отношении Карумидзе на какой-то момент взял даже в свои руки отправление правосудия.

В то время как моабитские единомышленники этого предводителя банды фальшивомонетчиков, одетые в судебные мантии, обращались с Карумидзе как с джентльменом и позволяли ему разыгрывать перед судом героя, берлинские рабочие 14 января 1930 года задержали его у входа в здание суда и задали ему основательную

трепку. Так он по крайней мере не остался совершенно безнаказанным.

Закон, пощадивший корпорацию фальсификаторов, обрушился со всей строгостью на честных пролетариев, расправившихся с преступником: они были брошены в тюрьму теми же самыми моабитскими судьями, которые всей душой симпатизировали Карумидзе и его сообщникам.

Наряду с выступлениями на собраниях и на улицах, паряду с выпуском газет, листовок и брошюра КПГ успешно использовала также парламентскую трибуну, чтобы защищать дело Советского Союза, как кровное дело немецких рабочих, и разоблачать коварные агрессивные планы империалистов. Речи коммунистических депутатов в рейхстаге и в ландтагах были рассчитаны как на слушателей, находившихся в их стенах, так и на тех, кто не присутствовал на заседаниях, на народ, который эти речи воодушевляли и побуждали к действию. Однако заявления и разоблачения, с которыми выступали коммунисты, действовали также и на правящие круги, на их фракции и правительства, приводя их в немалое смятение. Они были вынуждены временно от времени держать ответ перед своими обвинителями-коммунистами и на каждом шагу опровергали, что находятся под бдительным контролем депутатов рабочего класса. Это тем более тормозило развертывание антисоветских кампаний, что правительство было вынуждено считаться не только с тем впечатлением, которое производили события в германском парламенте на общественное мнение внутри страны, но и с откликами на них в международных кругах.

Как мы видели, в середине двадцатых годов нашего столетия английские приготовления к войне против Советского Союза создали серьезнейшую угрозу миру. Это выявилось особенно отчетливо в 1926 и 1927 годах, когда Лондон порвал отношения с Москвой и сделал военную агрессию непосредственной целью своей политики. Локарний договор 1925 года был попыткой объединить в едином союзе империалистические державы, в том числе и Германию, чтобы на этот раз в отличие от периода интервенционистских войн против молодой Советской республики проведению антисоветского похода не помешали внутренние распри в лагере самих разбойников. Открыто об этом не говорилось ни слова. Наоборот, Штрэземан рисовал Локарно как исполнение мечты народов о дружбе

и мире. Эрнст Тельман так ответил ему, выступая 24 ноября 1925 года в рейхстаге:

«Локарно — не мир. Локарно — это не путь к миру, Локарно — это не попытка путем дипломатических переговоров и заключения договоров избежать войны, Локарно — это попытка вовлечь Германию в европейскую концентрацию сил во главе с Англией, направленную против Советского Союза...

Германские крупные промышленники, юнкеры, монархические генералы, выступая в качестве английских ландскнехтов, надеются подавить не только германских рабочих и крестьян и германскую революцию, они надеются в то же время разгромить и большевистскую Россию, восстановить в России царизм...»¹.

Депутаты-коммунисты использовали парламентскую трибуну для того, чтобы довести до сведения трудящихся факты, подтверждающие приготовления к войне, и призвать их к бдительности. Вальтер Ульбрихт, выступая 29 июня 1927 года в саксонском ландтаге, разоблачил новые методы подготовки империалистами затеваемой войны — методы, коренным образом отличавшиеся от классических способов развязывания войн. Он сказал, в частности:

«Покушения, которые совершили контрреволюционеры по поручению англичан, являются в наше время новой формой подготовки войны против Советского Союза. Сейчас империалисты начинают войну не с телеграфного объявления ее. Сейчас они начинают подготовку войны с организации покушений, бандитских налетов, экономической блокады и т. д.»².

Политические деятели-коммунисты считали своим первоочередным долгом подчеркивать и доказывать принципиально мирный характер советской внешней политики. В своей речи против Локарнского договора, которую мы уже цитировали, Тельман говорил:

«Международный рабочий класс знает, что Советский Союз не хочет войны, что он хочет мира. У Советского Союза нет империалистических интересов. У него нет колоний, и он не хочет их иметь. Советский Союз — единственная мировая держава, добровольно отказавшаяся

¹ Эрнст Тельман, Избранные статьи и речи, т. 1, М., 1957, стр. 205—206.

² Walter Ulbricht, op. cit., Bd. I, S. 216.

от всех своих привилегий по отношению к молодым азиатским свободным государствам»¹.

Здесь — Локарно, там — Рапалло. Политике, направленной на включение Германии в империалистический западный блок, Эрнст Тельман противопоставлял жизненно необходимую политику хороших отношений между Германией и Советским Союзом, в том числе и с точки зрения экономических интересов германского народа: «Продолжение политики Рапалло, союз с Советской Россией означали бы взаимную экономическую помощь, поставки зерна и сырья из Советского Союза, поставки германских товаров Советскому Союзу и, следовательно, преодоление безработицы в Германии и повышение жизненного уровня трудящихся»².

Когда в 1927 году Советский Союз впервые принял участие в международной конференции по разоружению, Литвинов по поручению правительства своей страны внес известное предложение о всеобщем разоружении, которое вызвало резкие колебания биржевых курсов и повергло в панику империалистов. Вильгельм Пик, выступая 16 декабря 1927 года с трибуны прусского ландтага, приветствовал инициативу Советского правительства. Коммунистическая партия Германии поддерживала все усилия, направленные на то, чтобы содействовать нормализации германо-советских отношений. Но одновременно она разъясняла всем рабочим, что при определении позиции германского пролетариата в отношении Советского Союза речь идет не только о проблеме межгосударственных отношений, но и о проблеме диктатуры пролетариата. Так как в России победила пролетарская революция и была достигнута победа социализма, место каждого немецкого рабочего как прежде, так и теперь на стороне Советского Союза. Кто вел травлю против Советского Союза, бывшего тогда единственным рабоче-крестьянским государством, тот практически стоял в лагере империализма. Кто защищал социалистический Советский Союз, тот доказывал, что он являлся истинным наследником и активным поборником марксистских идей.

Бессспорно, яд реформизма парализовал силы германского рабочего класса, помешал ему одержать победу и

¹ Эрнст Тельман, цит. соч., т. I, стр. 214.

² Там же, стр. 213.

позволил фашизму захватить власть, поставить вне закона, заточить в тюрьмы и истребить пролетарский авангард Германии и затем совершив нападение на Советский Союз. Однако те немецкие рабочие, которые, действуя под руководством коммунистов, приветствовали первые шаги советской власти, видели в красной Москве живое олицетворение своей социалистической мечты и всеми силами защищали дело Советского Союза, как свое собственное,— эти рабочие помогли затормозить движение восходящей колесницы, которую стремились привести в действие и направить против Советского Союза западные империалисты во главе с Англией во второй половине двадцатых годов. Тем самым они продолжили крупные выступления 1919 и 1920 годов, когда германский пролетариат во время «прибалтийской войны» и нападения Польши на советскую Россию помешал организованным империалистами перевозкам войск и оружия и в конечном счете добился полного их прекращения.

В те годы зародилась сохранившаяся до наших дней традиция германо-советской дружбы, которая вдохновляла авангард нашего народа — его рабочий класс — на бесчисленные проявления солидарности, потому что рабочие чувствовали и знали: *Tua res agitur!*— Это твое кровное дело! Ибо победа или поражение Советского Союза решали вопрос о победе или поражении также и немецкого пролетариата.

Фальсификация — оружие Бонна

Когда германское рабочее движение делало свои первые робкие шаги, в 1846 году для организации шпионажа против силезских ткачей, поднявших свое знаменитое восстание, был назначен некий полицейский советник Штибер. Фридрих Вильгельм IV, прусский король из династии Гогенцоллернов, с удовлетворением наблюдал за его деятельностью и позже «пришел к мысли... которую я не могу отнести к числу особо нравственных, а именно к мысли о том, не является ли *Штибер* ценным человеком, способным распутать нити освободительного заговора и представить прусской публике, которая этого давно и справедливо жаждет, зрелище разоблаченного и (что важнее всего) наказанного заговора? Следовательно, поспешите с назначением Штибера и заставьте его *проделать первый опыт*. Я полагаю, что эта идея принесет большие результаты, и я придаю большое значение ее немедленной реализации»¹.

Через сто часов после того как министр фон Мантейфель получил это письмо его величества, направленное ему 11 ноября 1850 года, Штибер уже был назначен на пост начальника берлинской политической полиции и, продолжая свою карьеру, позже стал даже руководителем шпионского аппарата всей Пруссии. Дело в том, что за это время он проделал свой «первый опыт», посадив одиннадцать членов Союза коммунистов в тюрьму, продержав их там полтора года и использовав указанный срок, для того чтобы сфабриковать многочисленные заговорщицкие документы и затем начать знаменитый кельнский процесс коммунистов.

Штибер прилежно сочинял в больших количествах речи, инструкции и письма, в том числе и якобы исходившие от Карла Маркса, которые должны были послужить

¹ Цит. в издании Karl Marx, Enthüllungen über den Kommunistenprozeß zu Köln, Dietz Verlag, Berlin 1952, S. 165.

доказательством того, что Союз коммунистов готовил к спределенному сроку беспорядки, восстания и революцию.

Карл Маркс и Фридрих Энгельс, находившиеся тогда в эмиграции в Лондоне, потратили много времени и сил, для того чтобы разорвать паутину, сотканную из тысяч фальшивок. В своей работе «Разоблачения о кельнском процессе коммунистов» Маркс показал всю никчемность документов, состряпанных Штибером и его сообщником Гиршем.

В одной статье, напечатанной в 1852 году, Фридрих Энгельс писал о них:

«Содержание этих отчетов было в высшей степени абсурдным. Ни одно собственное имя не соответствовало действительности, ни одна фамилия не была написана правильно, ни одно слово, приписываемое тому или иному лицу, не было похоже на сколько-нибудь вероятные высказывания этого лица»¹.

Методы, разработанные Штибером, реакция использовала как образец в своей борьбе с рабочим движением. Бисмарк воспользовался ими, когда придумывал обоснование для своего «закона о социалистах». И социал-демократической партии в конце прошлого и начале нынешнего столетий приходилось постоянно обороняться от этих фальсификаций, предпринимавшихся полицией и союзами фабрикантов, которые превратили их в настоящую систему.

После первой мировой войны реакционеры отвести на возникновение и быстрый рост коммунистических партий бешеным террором. Несостоятельность политических аргументов, которыми пользовалась международная, и прежде всего германская реакция, заставила эти круги перейти к действиям, противоречившим с юридической точки зрения всем параграфам уложений о наказаниях. Так как коммунистов поставили вне закона, считалось, что с ними можно обращаться, игнорируя правовые нормы. Вместо массовых убийств, бывших в Германии 1919—1920 годов заурядным явлением, стали практиковаться гнусные подделки, с помощью которых реакционеры пытались очернить деятелей партии рабочего класса и направить на них народ.

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2-е, т. 8, стр. 419—420.

Новое поле деятельности открылось в связи с борьбой против того отряда международного рабочего класса, который разбил врагов и взял в свои руки власть, создав социалистическое государство. На советскую Россию, а позже Советский Союз обрушился целый поток грязных измышлений и фальсификаций.

В столицах капиталистической Европы — от Риги и Хельсинки до Берлина и Парижа — имелись отдельные лица и группы людей, главным образом русских эмигрантов, которые жили только тем, что сочиняли вымышленные приказы и директивы; они печатали их на собственноручно изготовленных бланках советских учреждений и Коммунистического Интернационала, а часто даже прибегали к сложному коду, дабы усилить видимость правдоподобия и заставить людей поверить, что это подлинные документы. Проданные затем правительенным учреждениям капиталистических стран, такие документы служили «доказательствами» слишкомого вмешательства Советского Союза во внутренние дела других государств и были использованы для обострения международной обстановки и для организации преследований коммунистов в капиталистических странах.

К стыду руководителей Веймарской республики нужно сказать, что нигде эти фальсификаторы не пользовались такой широкой свободой, нигде их ремесло не встречало такой защиты и покровительства и нигде их сотрудничество с политической полицией и другими правительственными инстанциями не было таким тесным, как в Германии. Доказательством этого служили аферы фальсификаторов документов и червонцев. Здесь вскрывались гнойники, источавшие запах гнили, характерный для общества, которое в своей борьбе против поднимающегося мира труда уже не находит других средств, кроме мобилизации преступного мира.

Гитлер принял это наследство и возвел борьбу против большевизма и советской власти в кровавый закон, жертвами которого стали десятки тысяч, а затем, во время второй мировой войны, и миллионы немцев и граждан других стран. Когда в 1945 году гитлеровский имперализм нашел свою гибель среди развалин и пожаров, бушевавших в Германии, история тогда произнесла свой приговор над величайшим злом нашего времени — антисоветизмом.

„Kampfgruppe“ verschickte gefälschte Papiere

Westberliner Agentenorganisation debat den „kalten Krieg“ auf die Bundesrepublik aus! Wie lange noch?

Berlin, über dts Nachrichtenagentur, am 27. Februar 1982: Kurz vor der Abstimmung über die beiden Münzenprojekte und nach dem Besuch des DDR-Präsidenten Erich Honecker am 25. Februar kann die Westberliner Agentenorganisation „Kampfgruppe“ wieder eine heimliche Versammlung abhalten. Hierzu ist ein ehemaliger Abgeordneter der DDR-Abgeordnetenversammlung eingeladen, um mit den Vertretern des Westberliner „Kampfgruppen“ über die politischen Probleme im Deutschen Bundestag zu sprechen. Der Abgeordnete ist von einer Gruppe von Personen umgeben, die ihm verschiedene Dokumente zeigen. Einige dieser Dokumente sind als „gefälschte Papiere“ bezeichnet, die die Agentenorganisation für die Abstimmung im Deutschen Bundestag benutzt haben. Die Dokumente enthalten verschiedene Informationen, darunter die Ergebnisse der Abstimmung im Deutschen Bundestag und die Ergebnisse der Abstimmung im Deutschen Nationalrat.

WESTFÄLISCHE RUNDSDCHAU

General-Anzeiger für Dortmund und das Rheinisch-Westfälische Industriegebiet
Nachrichten aus Politik, Wirtschaft, Kultur und Sport

12. Februar 1982

Wirtschaftsbericht

Однако германские империалисты, которые столь часто на протяжении нашего столетия доказывали свою слепоту и глухоту, в настоящее время также не желают вспомнить хотя бы о самых элементарных уроках истории. Начиная с 1948—1949 годов, в Западной Германии вновь открыто господствуют старые промышленные тресты и крупные банки, которые как в кайзеровской империи, так и при Веймарской республике и в период гитлеризма определяли судьбы Германии в экономической, внутриполитической и международной областях. Аденауэровский режим по своей сути ничем не отличается от других форм правления, существовавших до него на протяжении нашего столетия в Германии, и пользуется теми же гнусными методами. Среди этих методов важное место занимают преступления и фальсификации, организуемые с целью нанести ущерб Советскому Союзу и первому германскому социалистическому государству — Германской Демократической Республике.

Тому, кто внимательно наблюдает за событиями новейшей истории, нетрудно убедиться, что самые грубые фальсификации, получавшие наиболее широкое распространение и преподносившиеся наиболее сенсационным образом, возникали всякий раз, когда империалисты начинали кампанию, направленную на обострение международного положения. Фальсификации должны были отвлечь внимание общественности от замышляемых мероприятий, они должны были помочь замаскировать натравливание народов друг на друга и представить эту травлю как необходимую меру.

«ПРОТОКОЛ М»

Пятнадцатого декабря 1947 года министры иностранных дел США, Англии и Франции прервали свое совещание с советским министром иностранных дел по вопросу о Германии. Это произошло после того, как они отклонили все его предложения о приглашении делегаций из обеих частей Германии и о создании центральных немецких правительственныеых органов. Они сорвали конференцию, потому что не желали сделать ни одного шага к единству Германии и уже усердно занимались за кулисами организацией раскола страны. Им нужен был этот раскол, для того чтобы в нарушение принятых ими самими обяза-

тельств по Потсдамскому соглашению нанести смертельный удар делу демократизации Германии и вновь передать управление западными оккупационными зонами в руки старых преступников — германских империалистов.

Лондонская конференция показала, кто был заинтересован в единстве Германии, а кто — в ее расколе. Поэтому поведение министров иностранных дел западных держав произвело самое тяжелое впечатление на немецкую общественность. Престиж западных держав был решительно подорван.

Именно в этот момент была организована грандиозная провокация. 15 января в западноберлинской газете «Курьер», а на следующий день и во всех органах западной печати под заголовком «План Коминформа для Западной Германии» появился документ, вошедший в историю под названием «протокола М». В стиле, абсолютно чуждом коммунистам, в нем излагались предписания относительно подготовки всеобщей стачки в Рурской области, а также сообщалось о назначении «Исполнительного комитета для Рурской операции», который якобы должен был в начале марта развернуть борьбу. Само собой разумеется, авторы протокола не забыли добавить, что Информационное бюро коммунистических партий будет координировать борьбу и что Советский Союз «может поддержать и поддержит ее всеми и всякими средствами». Западная печать с большим шумом популяризовала эту неуклюжую стряпню, печатая сообщения о ней под самыми крупными заголовками. Первое, что бросилось в глаза, — это факт объявления различными инстанциями, что они знали о документе задолго до того, как он был опубликован. У тогдашнего председателя СДПГ д-ра Шумахера, как он заявлял сам, имелась копия протокола. Документ был знаком английской контрразведке, точно так же как и американским разведывательным органам. Западная печать открыто это признавала.

Официальная американская газета «Нейе цайтунг», выходившая в Мюнхене, заявляла, что «американские круги во Франкфурте-на-Майне (в то время — резиденция американской военной администрации.— A. H.)... уже несколько дней назад имели этот документ»¹.

---

¹ «Нейе цайтунг», 17 января 1948 года.

Английский журналист У. Дж. Бэрчет описал¹, как 14 января 1948 года английские корреспонденты в Западном Берлине были приглашены к одному офицеру английской секретной службы, который торжественно показал им «протокол М» и сообщил о предстоящем его опубликовании.

Так «протокол М», отпечатанный во множестве экземпляров, облетел весь свет задолго до того, как он был опубликован в газетах!

Если уже одно это наводило на размышления, то еще больше шуму наделало сообщение официального английского информационного агентства Рейтер о том, что имена членов мифического «исполнительного комитета» как в Пурской области, так и во всей Западной Германии абсолютно никому не известны. Этих людей попросту не существовало!

Несмотря на все это, английское министерство иностранных дел заявило, что «нет никаких оснований подвергать сомнению подлинность «протокола М»². Ровно через три месяца у этой большой лжи подломились ее коротенькие ножки. Агентство Рейтер сообщило 19 апреля из Лондона:

«Государственный министр Макнейл заявил в понедельник в палате общин, что английское правительство сомневается в подлинности «протокола М». Подробное расследование, сказал он, навело на след одного немца, который объявил себя автором этого документа... Министр иностранных дел Бевин добавил, что сейчас и он вынужден сомневаться в подлинности документа»³.

Таким образом, от «протокола М» отмежевались, но не отмежевались от его автора, которым, по весьма упорным слухам, оказался один известный западногерманский политический деятель.

То обстоятельство, что организаторы этой скандальной подделки столь подчеркнуто избрали именно Пурскую

¹ W. G. Burchett, Der Kalte Krieg in Deutschland, Berlin 1950, S. 266.

² Сообщение агентства Рейтер из Лондона от 15 января 1948 года, напечатанное в официальном американском органе -- газете для немецкого населения «Нейе цайтунг» за 17 января 1948 года и в западноберлинских газетах «Телеграф» и «Тагесшпигель» за 16 января 1948 года.

³ «Тагесшпигель», 20 апреля 1948 года.

область основным объектом своей провокации, объясняется особыми причинами. Тогда Германия и весь мир были возмущены той гнусной ролью, которую играли рурские некоронованные короли угля и стали. Все сходились на точке зрения, что Рурская область, этот важный промышленный центр Центральной и Западной Европы, не должна вновь оказаться во власти тех, кто сыграл такую решающую роль в формировании гитлеровского фашизма и развязывании двух мировых войн. Поэтому «протокол М» должен был показать, что опасность грозит не со стороны империалистических рурских баронов, а со стороны коммунистов. Не империалисты, а коммунисты якобы стремились овладеть Руром. Такой обманный маневр должен был возбудить ненависть к коммунистам и обеспечить изоляцию партии рабочего класса, что позволило бы легко и без помех вернуть к власти старые ведущие силы германского империализма. «Протокол М» послужил одним из многих средств, для того чтобы оправдать проводившуюся западными державами и западно-германскими капиталистами политику саботажа по отношению к планам установления единства Германии и вновь закрепить власть за старыми гитлеровскими миллионерами. Спустя полгода после появления упомянутого жульнически сфабрикованного документа западные державы разрушили единую валютную систему Германии и сделали тем самым еще один роковой шаг на пути к расколу страны.

Можно считать символическим тот факт, что немедленно по вступлении в должность канцлера Аденауэр именно такой отвратительной антисоветской провокацией и мистификацией общественного мнения ознаменовал политическое рождение только что созданного сепаратного государства западных зон.

БУНДЕСТАГ, 22 СЕНТЯБРЯ 1949 ГОДА

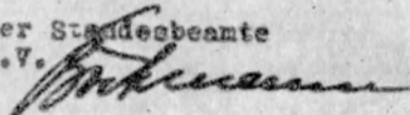
Было 22 сентября 1949 года. За сорок восемь часов до этого германская нация в результате создания сепаратного правительства оказалась расколотой. В рейхстаге выступал тот, кто боролся в Западной Германии за единство страны, за то, чтобы она шла по пути мира и демократии. Этим оратором был председатель КПГ Макс Рейман, который зачитал с трибуны бундестага перечень грехов

Standesamt in Lübeck

Lübeck, den 19. März 1958

Betr.: Geburtsurkunde für den angeblich am 3. 1.
1911 in Lübeck geborenen Horst Erdmann
Bezug: Dort. Karte vom 8. 3. 1958

Der Geburtsfall ist bei allen sechs Standesämtern in Lübeck im Jahre 1951 als baukundet nicht ermittelt worden. Es wird gebeten, die Geburtsmerkmale zu überprüfen.

Der Standesbeamte
1.v.

UNIWERSYTET WROCŁAWSKI
wrocław - poland

2-11-20-02/37/40

Intage

ZAKLADKA

Rectoratus Universitatis Wratislaviensis in Breslauum Rierula
w urodzony w podobozie poznańskim w latach 1934-1935,
wyszedł na podobozie "Jahresverzeichnisse der von den Deutschen Universi-
täten und Hochschulen erwünschten Schriften, Berlin und Leipzig
1933 - 1942" podobozem, le czynszem do korespondencji p.t. "Die rechtli-
che Stellung des angelernten in Betrieb" - o ile to mówią w latach 1933 - 1942 - o ile mówią mówią o Polakach i nie o niemieckich Uni-
wersytetach w Polsce i nie mówią mówią o niemieckich Uni-
wersytetach w Polsce i nie mówią mówią o niemieckich Uni-

W. S. A.
Prof. Dr. Edmund Erdmann

Przychodnia

Das Rektorat der Breslauer-Universität in Breslau beschreibt
an Hand der in seinen Besitz befindlichen Promotionsakten 1934-1935
wie an Hand des "Jahresverzeichnisses der an den Deutschen Univer-
sitäten und Hochschulen erwünschten Schriften, Berlin und Leipzig
1933 - 1942", dass die Doktoratsdissertation unter dem Titel "Die rechtli-
che Stellung des Angelernten in Betrieb" - selbst dieses Dokto-
ralkandidaten Erdmann - nicht an der Juristischen Fakultät der näm-
lichen deutschen Universität in Breslau angefertigt worden lag und con-
stituierte ein Doktorat in Breslau nicht registriert wurde.

Этими документами, выданными Любекским бюро ЗАГС и Вроцлавским университетом, обличается в фальсификациях агент Фриденау, он же Эрдман.

Landesamtliche Versicherung

Abbildung

hiermit verzichene ich auf Kides statt, dass ich der schmeiligen
S.S.D.A.T. und ihren Wiederungen (S.A., E.S., S.S.V.K. und
S.S.E.F.) niemals angehört habe.

Berzig (Mark), den 6. Oktober 1945

May 6th 1900

**Amtliches
Fernsprechbuch
Ostpreuß Breslau**

Эрдман дал клятвенное заверение (*снимок вверху*), что он никогда не был нацистом. Но в книге абонентов городской телефонной сети Бреслау (*снимок внизу*) он значится как штаммфюрер организации «Гитлерюгенд».

Аденауэра и его присных и, как явствует из протокола заседания, продолжал:

«Немецкий народ потерпел в двух мировых войнах два сокрушительных поражения и принес в жертву миллионы жизней. Нельзя допустить, чтобы ради интересов иностранных и вновь пришедших к власти здесь, на западе Германии, империалистов он был втянут в третью мировую войну (*шумные реплики в центре и на скамьях правых*), которая закончилась бы уничтожением нашего отечества... Мы хотим жить в мире и дружбе со всеми народами, и особенно с народами Востока и Юго-Востока. (*Аплодисменты на скамьях КПГ.*) Именно ревизия (границ.—Ред.) не только подрывает наши отношения с Польшей, но и означает в конечном счете войну. Это не должно случиться... граница по Одеру — Нейссе — это граница мира. (*Продолжительный шум... Звонок председателя. Возбужденные выкрики: «Уходите! Уходите!»*)

Я не уйду, пока не скажу всего! (*Шум продолжается. Председатель звонит.*)

Председатель д-р Кёлер. Господин депутат Рейман, я со вчерашнего дня... (*Продолжительный сильный шум, выкрики: «Позор!» «Долой!»— Депутат Штраус¹. «Пошлите его в Москву!..»— Депутат Рейман. «Я отсюда не уйду!») Дамы и господа! (*Продолжительный сильный шум, выкрики: «Московский агент!» «Платный провокатор!»— Депутат Рейман. «Это вы являетесь таковым». Шум.) Господин депутат Рейман, вы только что сказали, что граница Одер — Нейссе — граница мира... Поэтому я призываю вас к порядку! (*Выкрики «браво!» и аплодисменты в центре и справа. Возгласы и смех на скамьях КПГ.*) Господин депутат Рейман... (Депутат Штраус. «Сойдите с трибуны! Довольно!»— Шум.) Господин депутат Рейман... (*Продолжительные громкие возгласы: «Довольно!» «Хватит!», «Сойдите с трибуны!»— Депутат Рейман. «Я не уйду!»— Депутат Штраус. «Довольно! Долой с трибуны!»)².***

И тут произошло нечто единственное в своем роде в истории буржуазного парламентаризма. Не задержанные никем из охраны бундестага, в зал заседаний через дверь,

¹ С 1956 года военный министр в аденауэрском правительстве.

² Verhandlungen des Deutschen Bundestages, erste Wahlperiode 1949, Stenographische Berichte, Bd. I, S. 66—67.

открытую только для депутатов, входят два опустившихся субъекта. В деревянных сандалетах на босу ногу, в рваных накидках, с грязными бинтами, намотанными на головы, оба типа пробираются по проходу к трибуне. Истерически выкрикивая, что они только что вернулись на родину из русского плена, они указывают на свое ужасное состояние и осыпают упреками Макса Реймана. Шум становится невыносимо оглушительным. Председатель Кёлер, член ХДС, использует момент, для того чтобы лишить Макса Реймана слова. Депутат от КПГ Реннер требует выяснить, кто был организатором этого инцидента: «Вчера вечером обсуждался вопрос о том, что этот человек должен будет разыграть здесь этот спектакль». (Депутат Штраус. «Надо было, чтобы вы видели успехи своей политики!»)¹.

Неосторожная реплика будущего военного министра уже достаточно прозрачно намекала на режиссеров и исполнителей этой сцены. Одним из исполнителей был Зигфрид Клюгер, который провел свое детство в исправительных заведениях и затем действительно был в плену — правда, в Англии! Его компаньон, Тило Вагнер, точно так же как и Клюгер, никогда не был в советском плену. В 1947 году его потянуло из Эрфорта в Западный Берлин, где «политического беженца» немедленно приняли с распростертыми объятиями, хотя западноберлинские власти были поставлены в известность о том, что его разыскивают в Эрфорте как вора. В одном западногерманском лагере для беженцев он также похитил у соседа-переселенца весь его багаж и затем слонялся повсюду, как бродяга.

Так выглядели главные съидетели обвинения против КПГ и Советского Союза! Для того чтобы поднять новую волну ненависти к коммунистам, за недостатком лучших аргументов были использованы «свидетельства» упомянутых уголовников из числа подонков общества. Предыстория описанного выше инцидента весьма коротка. Депутаты от ХДС разыскали этих мошенников и накануне 22 сентября пригласили их в столовую при бундестаге. Здесь к ним обратился Аденауэр: «Вы гости и получаете еду и вино бесплатно!» Само собой разумеется, всякая

---

¹ Ibid., S. 67.

скромность для почетных гостей свежепечатенного федерального канцлера была неуместной, и оба субъекта до отвала насытились шницелями, вином и прочими вкусными вещами¹. На другое утро оба негодяя были экипированы для появления перед мировой общественностью так, как инспириаторы постыдной затеи представляли себе «репатриантов из России». Пропуска для входа в бундестаг им вручил по просьбе Аденауэра тогдашний председатель бундестага депутат от ХДС Кёлер. Боннский корреспондент официального английского агентства Рейтер немедленно после разыгравшегося скандала беседовал с обоими, и они показали ему эти документы. Пропуска были снабжены личными подписями Аденауэра и давали его владельцам в отличие от обычных пропусков на трибуны для зрителей право беспрепятственного входа в зал заседаний².

После того как эти люди выполнили свое задание, им вручили из средств ведомства федерального канцлера по 50 марок и одели их с ног до головы во все новое. Далек путь от Диогена, который искал человека с фонарем, до Аденауэра, который покупает его за 50 марок! Многие депутаты от ХДС теснились около этой мерзкой пары, принося ей свои поздравления, и организовали сбор денежных пожертвований, а оба типа, весело ухмыляясь, положили в карманы порядочные суммы.

Все эти, а также и другие подробности были разоблачены в земельном суде Карлсруэ, приговорившем 25 апреля 1950 года обоих проходимцев к продолжительным срокам заключения,— после того как коммунисты и представители других кругов вскрыли истину и тем самым сделали процесс неизбежным.

Исполнители провокации угодили на скамью подсудимых, однако ее организатор остался цел и невредим. Более того, Аденауэру не пришлось даже взять на себя неприятные обязанности свидетеля, потому что суд решительно отклонил требование о его вызове, опасаясь, как бы не оказался приподнятым занавес, скрывавший политическую подоплеку всей аферы.

¹ Подтверждено гамбургской газетой «Ди вельт» за 18 марта 1950 года в отчете о судебном процессе по делу Клюгера и Вагнера.

² Сообщение боннского корреспондента агентства Рейтер от 22 сентября 1949 года.

Государство западных зон начало свое существование с отвратительной антисоветской инсценировки. У его колыбели стояли фальсификация и клевета. Именно для того чтобы найти оправдание для преступного раскола страны и дискредитировать выступления коммунистов против сепаратистской политики национального предательства, Аденауэр инсценировал отвратительную комедию в бундестаге. Подонки общества были мобилизованы для того, чтобы доказать его тезис: Германия может существовать лишь в условиях вечной вражды с Советским Союзом. Бродяги, воры, питомцы исправительных заведений разыграли постыдное представление на подмостках боннской истории. Его цель заключалась в том, чтобы политически узаконить новоиспеченное государство крупного капитала, скомпрометировать Советский Союз и принудить к молчанию коммунистов. Люмпен-пролетариат, бродяги, выступавшие под гром аплодисментов в качестве свидетелей христианского Запада против социалистической советской державы, — вот под какими звездами родилось боннское государство.

Первые годы его существования были наполнены разноголосыми воплями прессы, радиостанций, епископов и партий по поводу «немецких военнопленных, которых задерживают в России». Организаторы всей шумихи действовали под руководством и при финансовой поддержке боннского правительства. При этом распространялись измышления о «шести миллионах людей, развеянных восточным ветром»¹. Не прошло и полугода, как эта цифра была сокращена на пять и три четверти миллиона: «В России все еще находятся 250 тысяч пленных»². Девять месяцев спустя беззастенчивые клеветники помно-жили эту цифру на четырнадцать: «Все еще не обнаружено никаких следов от 3,5 миллиона человек»³. Затем число военнопленных, находящихся в Советском Союзе, вновь было определено цифрой в 102 978 человек⁴.

Все бесстыдство боннских правителей отразилось в том, как они в зависимости от обстоятельств жонглировали цифрами. Ведь сотни тысяч и миллионы, которыми они играли, — это были не костяшки, а люди! Миллионам

¹ «Эссенер курир», 22 февраля 1952 года.

² «Нейе цайтунг», 26 июня 1952 года.

³ «Вестдейче нейе прессе», 13 марта 1953 года.

⁴ «Тагесспигель», 12 сентября 1953 года.

родителей, миллионам жен, миллионам детей они говорили: «Ваши сыновья, мужья, отцы живы, но эти злодеи русские не освобождают их, а держат, лишив права переписки, в лагерях заключения и в трудовых лагерях».

Не так уж много можно найти примеров столь гнусного издевательства над чувствами, надеждами и страданиями огромного множества людей. Те из числа несущих долю ответственности за установление гитлеровского режима и за нападение на Советский Союз, кто ныне правит в Западной Германии, руководит там партиями, редактирует газеты, виновники гибели миллионов немецких солдат на советской земле, стремясь отвлечь внимание от своих собственных преступлений, заявляли, что жертвы их политики еще живы. Эта страшная ложь отравила множество душ, отравила всю политическую атмосферу в Западной Германии, отравила отношения между Западной Германией и Советским Союзом. При этом советское информационное агентство ТАСС сообщило 5 мая 1950 года, что после возвращения на родину последней группы из 17 538 немецких военнопленных депатриация завершена. В Советском Союзе остались только такие немецкие военнопленные, которые либо были осуждены и отбывали наказание за тяжелые военные преступления, либо находились под следствием. По просьбе правительства Германской Демократической Республики в 1953 и 1955 годах и эти военнопленные были освобождены и отпущены в Германию.

В 1958 году, когда пишутся эти строки, даже в Западной Германии ни один серьезный человек не решится вновь выступить с измышлениями о якобы оставшихся в России немецких военнопленных. Однако в течение почти целого десятилетия администрации омрачали этими измышлениями германо-советские отношения и, пользуясь духовно-политическим наследием Гитлера, внесли в умы многих немцев инфекцию антисоветских настроений.

После экспроприации и изгнания юнкеров и военных преступников из числа промышленников, а также после провозглашения Германской Демократической Республики, в войне, которую вели империалисты с помощью фальшивок и подделок, открылась новая глава. Американские, бонские и западноберлинские власти сообща создали многочисленные организации, миссия которых состояла и состоит в том, чтобы путем шпионажа, организации

покушений, массового производства поддельных документов, директив по вопросам торговли и промышленности, продовольственных карточек, чеков и т. д. подрывать устои ГДР, разрушать ее экономику, вносить беспокойство в умы населения. Начиная с 1948 года с территории Западного Берлина действует, получая щедрую помощь от американского автомобильного короля Форда, так называемая «Группа борьбы против бесчеловечности», которая, по свидетельству одного западноберлинского источника, «является организацией, работающей по большей части на американские деньги и для американской разведывательной службы»¹.

«Телеграф» мог бы со спокойной совестью назвать гражданские и военные органы шпионажа США (CIC и MID)², которые предоставляли «Группе борьбы» деньги, помещения и руководителей, а также давали ей задания. Бургомистр Западного Берлина социал-демократ Эрнст Рейтер называл ее «гуманной организацией» и в течение ряда лет оказывал ей финансовую поддержку из общественных средств.

ЗАПАДНОБЕРЛИНСКИЙ КОНВЕЙЕР ПО ПРОИЗВОДСТВУ ФАЛЬШИВОК

Чем занималась эта «гуманская организация», показали сообщения некоторых ее ведущих сотрудников, перешедших в ГДР, а также процессы, имевшие место в обеих частях Берлина. Обнаружилось, что «Группа борьбы против бесчеловечности» начиная с 1951 года занималась массовым выпуском фальшивых денег, продовольственных талонов и служебных директив, якобы исходящих от официальных органов Германской Демократической Республики, стремясь создать таким путем анархические условия в экономической и государственной жизни ГДР. Подделывались бланки и печати фирм и министерств, подписи руководящих работников. Так, однажды отраслевые органы по внутригерманской и внешней торговле сообщили своим контрагентам за границей о том, что обещанные поставки не могут быть выполнены — разумеется, в сообщении не было ни слова правды; письма

¹ «Телеграф», 9 июля 1955 года.

² CIC (Counter-Intelligence Corps) — американская контрразведка, MID (Military Intelligence Division) — разведывательное управление армии США. — Прим. ред.

были написаны в главной ставке «Группы борьбы» на краденых или поддельных бланках и опущены в почтовый ящик в демократическом секторе Берлина.

Весной 1953 года Немецкий эмиссионный банк разослал своим филиалам телеграфное указание немедленно выплатить целому ряду предприятий крупные суммы. Отправителем этой телеграммы была в действительности «Группа борьбы», которая хотела внести хаос в государственный бюджет ГДР, сорвать выполнение финансового плана и создать помехи в платежном обороте банков. Стремясь расстроить снабжение населения ГДР и тем самым вызвать недовольство против правительства, «Группа борьбы» в период с 1952 по 1955 год отпечатала колоссальное количество продовольственных карточек и талонов на уголь и пустила эти фальшивки в обращение.

«Мы,— заявил однажды ведущий сотрудник «Группы борьбы» Паульсен,— напечатали фальшивые талоны для приезжающих на 50 тонн продовольствия. Там, на Востоке, здорово удивляются, когда обнаружат, что в их лавках недостаточно продовольствия, чтобы отоварить все карточки. Им скоро придется отказаться от своих планов»¹.

Когда в январе—феврале 1954 года в Берлине происходило историческое совещание министров иностранных дел, американский государственный секретарь Даллес похвалился тем, что его якобы засыпают тысячами писем из ГДР, отправители которых ожесточенно нападают на СЕПГ и правительство Германской Демократической Республики и призывают его, Даллеса, не соглашаться на предложения Советского правительства, а продолжать «политику силы». Пресса и радио Западного Берлина и Западной Германии много носились с этими письмами и истолковывали их содержание как «глас народа». Спустя полтора года мир узнал от перешедшего в демократическую Германию главного агента «Группы борьбы» Рупрехта Вагнера, что эти письма сочиняли все политические и технические сотрудники группы при участии членов своих семей. Так были составлены от десяти до двенадцати тысяч писем, которые были затем брошены в почтовые ящики демократического сектора Берлина, что должно было придать им больше правдоподобия.

¹ Сообщение г-жи Аннелизе Глейбс, которой удалось вырваться из лап «Группы борьбы», на пресс-конференции в Берлине 4 мая 1955 года.

Каждый «автор» получил скромный, однако все-таки вдохновляющий гонорар¹.

Через год после этой попытки сорвать конференцию четырех министров иностранных дел бундестаг стоял перед роковым решением относительно Парижских соглашений. Речь шла о том, присоединятся ли западные зоны к военному альянсу НАТО или откажутся от этого присоединения. Для каждого разумного человека было ясно, что в первом случае Бонн закрыл бы двери к воссоединению Германии, поскольку так называемая «клаузула об обязательствах» Парижских соглашений предусматривает, что и воссоединенная Германия обязана будет их выполнять, то есть что она также будет связана с НАТО.

Возражения против этих договоров и сопротивление им в Западной Германии были велики. Каким способом можно было их преодолеть? В этот момент, в начале февраля 1955 года, руководители «Группы борьбы» получили от своего американского шефа и от ведомства федерального канцлера соответствующий сигнал. Они немедленно взялись за дело и в течение двух недель изготовили 38 писем председателя Национального совета Национального фронта демократической Германии профессора д-ра Корренса депутатам бундестага и пять фотокопий письма Вальтера Ульбрихта, которые были разосланы Хейсу, Аденауэру, федеральному ведомству печати и партийным руководствам ХДС и свободной демократической партии в Бонне. Письмо первого секретаря ЦК СЕПГ было адресовано Национальному совету Национального фронта. В этом письме, озаглавленном «К вопросу об агитации в Федеративной республике перед ратификацией Парижских соглашений», рассказывалось о мнимом заседании Политбюро ЦК СЕПГ и в заключение выдвигалось требование «персональными посланиями к депутатам бундестага содействовать тому, чтобы они воздержались от голосования», и говорилось, что возможные переговоры с западногерманскими депутатами должны иметь целью «внедрение наших завоеваний на западногерманской территории». Письмо Ульбрихта было датировано 14 февраля, «поток писем» профессора Корренса — 17 февраля.

---

¹ Сообщение Р. Вагнера на пресс-конференции в Берлине 20 октября 1955 года.

Какова была цель подобной операции, чего пытались достичь с ее помощью?

Нужно было создать впечатление, будто письма Корренса были написаны по приказу Вальтера Ульбрихта и будто в ГДР в действительности заняты тем, чтобы навязать Западной Германии социалистическую систему, а борьба против Парижских соглашений якобы служит только предлогом.

Все эти писания были получены их адресатами в западных зонах. Однако им не вручили официального отчета об этой «операции с письмами», написанного руководством западноберлинской «Группы борьбы против бесчеловечности». Этот документ носит столь сенсационный характер, он столь неопровергимо разоблачает фальсификаторов, что мы приводим его здесь полностью:

«Доверительная информация

Берлин, 23 февраля 1955 года.
19 часов. Западный
Берлин.

По вопросу: О психологических препятствиях.

По состоянию на: 17—19 февраля 1955 года.

Количество: 43 письма.

Предпринятые шаги:

Для того чтобы ослабить активность оппозиционных сил, выступающих в Федеративной республике против Парижских соглашений, было осуществлено следующее мероприятие:

а) 17.2.1955 года тридцати восьми депутатам бундестага было направлено с целью психологического воздействия письмо на бланке Национального совета Национального фронта демократической Германии (см. прилагаемый образец № 1). Это письмо должно подтвердить подлинность фотокопии (см. образец № 2);

б) 19.2.1955 года федеральному канцлеру, президенту, федеральному ведомству печати, центральному руководству ХДС и Св. ДП разослано по одной фотокопии мнимого послания ЦК СЕПГ Национальному совету Национального фронта. Фотокопии разосланы вместе с письмами, написанными от руки.

Рассылка писем произведена через западноберлинские почтовые отделения.

Цель: Фотокопии должны дать коалиционным партиям аргументы против оппозиции во время дебатов в бундестаге.

Отклики: Сведений не имеется!¹

«Группа борьбы против бесчеловечности» никак не реагировала на это разоблачение, напечатанное в антикоммунистической ежедневной газете, выходящей в Западной Германии. Ее молчание равносильно признанию вины этой организации, которая существует благодаря напряженности международного и внутригерманского положения и существует сохранению такой напряженности. Она же сфабриковала письма Ульбрихта и Корренса, как и многие другие поддельные документы. Можно только согласиться с газетой «Вестфелише рундштадт», когда она характеризует «Группу борьбы» как «организацию для ведения холодной войны, центр слежки и шпионажа», методы которого «включают фальсификации, черные списки и подрыв репутаций. Пришло время положить конец деятельности этих рыцарей холодной войны».

Духовное и физическое растление и уничтожение идут рука об руку. Верховный суд Германской Демократической Республики изобличил члена «Группы борьбы» Бурианека в том, что он готовил взрыв железнодорожного моста в Эркнере под Берлином, в момент когда через мост должен был проходить пассажирский поезд. Взрыв готовился по приказу центра «Группы борьбы» в Западном Берлине. Главный химик «Группы борьбы» Вольфганг Кайзер показал в 1952 году перед тем же судом, что он достал смертельный яд кантаридин, добываемый из испанской мушки, чтобы обработать им пищевые продукты и папиросы, которые предполагалось разослать известным деятелям Германской Демократической Республики. На Лейпцигской бойне платный агент «Группы борьбы» Шёбе отравлял кантаридином мясо.

Когда печать и радио Германской Демократической Республики клеймили преступления «Группы борьбы» против бесчеловечности, занимавшейся фальсификациями, взрывами и отравлениями, газеты и радиостанции Западного Берлина и Западной Германии замалчивали факты

¹ «Вестфелише рундштадт» (Дортмунд), 21 февраля 1958 года.

или утверждали, будто признания обвиняемых были вынужденными и потому недостоверными, и объявляли эти процессы «отвлекающими маневрами, предпринятыми с целью замаскировать трудности в советской зоне». Газеты и ораторы администрации окружили пойманых с поличным, признавших свою вину и осужденных судом преступников ореолом мучеников и оплакивали их как «жертвы жестокой юстиции советской зоны». Тем временем у них пропала охота замалчивать факты или напускать на себя деланое веселье. Ведь самое худшее из того, что было установлено еще в 1952 году Верховным судом ГДР относительно деятельности «Группы борьбы против бесчеловечности», было в конце 1957 года подтверждено 10-й палатой по уголовным делам ландгерихта Западного Берлина. В ходе этого процесса защитник спросил вызванных в качестве свидетелей бывшего председателя «Группы борьбы», предшественника Тиллиха Райнера Гильдебранда и члена «Группы борьбы» Пенака, было ли им известно об использовании группой яда кантарилина и о преступной деятельности ее химиков. Ответ гласит: «Если мы скажем неправду, нас посадят в тюрьму. Если мы скажем правду, мы нанесем ущерб безопасности одной из оккупирующих держав»¹.

Они не хотели рисковать, давая ложную присягу, но и не желали навлечь на себя гнев американской секретной службы. Таким образом, они решили молчать. Но молчание — тоже ответ, и этот ответ гласит: да, «Группа борьбы против бесчеловечности», находясь на службе у американских организаций, скрывающихся от глаз общественности, и выполняя за деньги их поручения, оперирует ядами и другими средствами истребления. На том же процессе 5 ноября 1957 года во время допроса одного свидетеля — члена «Группы борьбы» произошел следующий характерный диалог:

«Заштитник. Производились ли у вас фальсификации?

Свидетель. Конечно.

Заштитник. Подделывались также и паспорта?

Свидетель. Само собой разумеется.

Обвиняемый многозначительно ухмыльнулся².

¹ «Ди вельт», 6 ноября 1957 года и «Нейес Дейчланд», 8 ноября 1957 года.

² Цит. по отчету издаваемой администрацией министром Леммером газеты «Курир» (Западный Берлин) от 6 ноября 1957 года.

В западноберлинской юридической инстанции было установлено, что отравления и фальсификации входили в число преступных методов, которыми постоянно пользовались эти рыцари западной «свободы». Методы у них такие же подлые, как и цели, которым они служат. А ухмыляющийся обвиняемый? Сейчас мы с ним познакомимся.

Четвертого ноября 1953 года известный гамбургский журнал «Дер шпигель» опубликовал под заголовком «Шпионки с Востока» занявшее две страницы описание необыкновенной школы танца и гимнастики, расположенной в Рудных горах. Любознательный западногерманский читатель узнал оттуда самые разнообразные подробности о работе «учебного центра ГДР для подготовки женщин-шпионок». Для того чтобы еще больше разжечь интерес к этому сообщению, «Дер шпигель», рисуя самые интимные детали, рассказывал о том, что шпионки, по-досланные к офицерам западных союзников и к влиятельным западногерманским политическим деятелям и промышленникам, предварительно занимались в ГДР изучением так называемых «танцев красоты», сцен с раздеванием и искусства завязывания любовных интриг с целью получения необходимой информации. Само собой разумеется, что все эти обучающиеся танцовщицы, а также и политический руководитель данного заведения сплошь говорят «с легким славянским акцентом». Многие западногерманские газеты перепечатали эту «жуткую историю», весьма подходящую для того, чтобы застрашать миллионы немцев на Западе ужасающими порядками в «восточной зоне».

Раскроем весь секрет без околичностей. Статья в журнале «Дер шпигель» была продуктом свихнувшихся гестаповских мозгов, обладатель которых в 1930 году вступил в нацистскую партию, продвинулся до ранга оберштурмбанфюрера войск СС, в 1948 году объявился в Западном Берлине в качестве политического беженца и был там хорошо принят, потому что в восточной части Германии ему угрожало разоблачение. Этого человека звали Гейнц Стефан.

Расположившись в своем прибежище, он огляделся и со своейственной ему дальновидностью определил, что в Западном Берлине требуются и используются знания, которые он получил у Гиммлера. И он открыл фабрику документов, продуктом которой явилось и описанное выше

изделие. Ее постоянный капитал состоял из одной пишущей машинки; переменный капитал составляли сам Стефан и его ловкость рук. Помещение фабрики находилось — не всегда, но довольно часто — в служебном кабинете западноберлинского сенатора Фишера, где Стефану предоставлялся в распоряжение собственный письменный стол. Фишер, оказывавший Стефану поддержку как наличными, так и продовольствием, обратил на своего протеже внимание руководителя «Группы борьбы против бесчеловечности» Тиллиха, и таким образом Стефан стал высокооплачиваемым служащим политиков из «Группы борьбы». Он получал оклад в размере 800 марок в месяц и повышенные гонорары за особо интересные сообщения о жизни в ГДР. Сообщения из ГДР, которые распространяла организация Тиллиха, зачастую были целиком состряпаны на кухне Стефана.

На упомянутом процессе по делу Стефана, происходившем, заметим, в западноберлинском суде в октябре—ноябре 1957 года, было документально подтверждено, что наряду с журналом «Дер шпигель» непосредственным потребителем фальсификаций была также газета «Ди вельт». Когда судья спросил свидетеля Вольфганга Вейнера, редактора газеты «Ди вельт», почему эта газета печатала измышления, последовал прямо-таки классический ответ:

«Возможно, что это наша профессия заставляет нас питать слабость к сказкам. Наконец, у нас была слабость к нему (Стефану.—А. Н.). Я сказал бы, что он был у нас почти своим человеком»¹.

Деятель, который сознается в своей слабости к злонамеренной лжи и к лгунам, распространяющим ложь о Германской Демократической Республике, занимает пост главного редактора газеты «Ди вельт» по вопросам ГДР! Стоит ли после этого еще говорить о тлетворном влиянии западногерманской печати?

Но не только органы печати, но и высокопоставленные политические деятели и официальные учреждения западных зон пользовались услугами Стефана, став его заказчиками и клиентами. В конце концов он возвысился в Бонне до настоящего придворного поставщика: сам Аденауэр купил у этого субъекта за 1200 марок документы, из которых вытекало, что два функционера западногер-

¹ «Нейес Дейчланд», 10 ноября 1957 года.

манской СДПГ Шрот и Шарлей якобы «подкуплены организациями ГДР, передавшими им десять тысяч марок». Все еще помнят, как в 1953 году Аденауэр сделал из этого крупный козырь во время выборов в бундестаг. Все помнят, однако, также и то, что позже Аденауэр вынужден был взять обратно все обвинения; но к тому времени измышления Стефана и подделанные им расписки обоих функционеров СДПГ уже принесли бонискому канцлеру желанный успех на выборах.

Тот же Стефан — и это также было выявлено на процессе в западноберлинском суде — произвел на свет пресловутый «список убитых 17 июня 1953 года», на котором Аденауэр, Рейтер, Кайзер, Леммер и Брандт в течение нескольких лет наживали политический капитал. Само собой разумеется, он был высосан из пальца, как и все, что сочинял этот гестаповский сообщник Гиммлера. От Стефана исходили также смехотворные данные о числе политических заключенных в ГДР, которых он насчитывал несколько сот тысяч. Этот список, опубликованный «Группой борьбы против бесчеловечности», точно так же как и мошеннические данные о числе убитых 17 июня, служил развязыванию непрерывной «кампании ненависти», все больше углублявшей раскол между двумя германскими государствами.

До тех пор пока Стефан сочинял свои «сообщения собственного корреспондента» о положении в ГДР, все было хорошо. Его измышления пользовались колossalным спросом у Аденауэра, генерала службы шпионажа Гелена, в «министерстве по общегерманским вопросам», в западноберлинском сенате и в газетах, таких же продажных, как и он сам.

Но вот однажды босс «Группы борьбы» Тиллих положил перед ним список, содержащий множество имен буржуазных и социал-демократических деятелей Западной Германии. Тиллих, обвинявший этих людей в недостатке у них агрессивности при ведении «холодной войны», не прочь был получить на них компрометирующие материалы. Не достанет ли их Стефан? Всегда готовый оказать услугу своему шефу, Стефан уже через несколько дней имел в своем распоряжении «точные» сведения, согласно которым все лица, внесенные в список Тиллиха, были платными агентами органов государственной безопасности Германской Демократической Республики. Энер-

гично взявшись за дело, Стефан в своем усердии увлекся настолько, что дополнительно еще превратил в замаскированных коммунистов многих директоров и других высокопоставленных сотрудников западноберлинского сената.

Однако слепос усердие приносит лишь вред. Стефан перестарался и вышел за рамки своего основного задания, которое гласило: во что бы то ни стало стряпать лживую информацию о положении в ГДР. Бросать же необоснованные подозрения на сотни политических деятелей и сотрудников официальных учреждений в западных зонах, обвиняя их в содействии «коммунистической инфильтрации» только потому, что на них был зол Тиллих, ему не поручали. Эти взятые с потолка обвинения против западногерманских граждан, возбудивших против него судебное преследование, стоили фальсификатору нескольких лет свободы. Если бы он ограничился мошенническими проделками, наносящими ущерб одной Германской Демократической Республике, он по-прежнему пользовался бы милостями своих высоких покровителей и никто никогда не возбудил бы против него судебного дела.

Само разбирательство велось предельно осторожно. Экс-сенатор Фишер, Тиллих, Гильдебранд и другие агенты «Группы борьбы против бесчеловечности», давая свидетельские показания обвиняли друг друга и почти выдавали самих себя. Однако меч правосудия не опустился на их головы, потому что не было еще на свете судей и прокуроров, которые проявляли бы так мало любопытства, как руководители западноберлинского суда. Их скромность не позволила им ставить вопросы или расследовать обстоятельства, которые могли бы привести к раскрытию преступлений тех лиц, по заданиям которых работал Стефан.

Правда, аденауэрское правительство располагает «секретным докладом относительно деятельности «Группы борьбы против бесчеловечности», который «содержит данные о деятельности, решительно не одобряемой компетентными боннскими органами»¹. Это значит, что в Бонне известно о преступлениях «Группы борьбы». Но как раз эти-то преступления и сделали Тиллиха бесценным главным свидетелем для вашингтонских «охотников за ком-

---

¹ «Франкфуртер альгемейне цайтунг», 13 декабря 1957 года.

мунистами». В сентябре 1956 года он выступил в комиссии конгресса по вопросам борьбы против «антиамериканских происков» и удостоился высоких похвал за сообщение о своей борьбе против ГДР.

Когда преступная деятельность «Группы борьбы» достигла своего апогея, с ней солидаризировался не кто иной, как сам Аденауэр. В то время как глава церковной общины Гессена Мартин Нимеллер, выступая после процессов в Верховном суде ГДР на одном слете евангелической молодежи Западной Германии, публично называл «Группу борьбы» «группой преступников»¹, Аденауэр и его «министр по общегерманским вопросам» демонстративно направили этой группе преступников поздравительную телеграмму по случаю ее пятилетнего юбилея, а западноберлинский депутат бундестага от ХДС Фриденсбург держал речь на митинге, созванном «группой» по этому поводу².

У преступной банды, называемой «Группой борьбы», есть в ее главной резиденции в Западном Берлине могущественный покровитель: глава западноберлинской администрации Вилли Брандт. Бывший председатель западноберлинской организации СДПГ Франц Нейман неоднократно выступал в конце 1957 и в начале 1958 года на различных заседаниях СДПГ с обвинениями Вилли Брандта в том, что он систематически использовал свое влияние с целью помешать распуску «Группы борьбы». Эти обвинения никак не были опровергнуты. Фактически Брандт и глава «Группы борьбы» Тиллих руководят — соответственно в качестве председателя и заместителя председателя — подрывной организацией «Вест-Ост-хильфе» («Помощь Запада Востоку»), которая является не чем иным, как замаскированной шпионской организацией, сотрудничающей с «Группой борьбы». Брандт и Тиллих входят также в число виднейших членов руководства так называемого «Объединения культурной помощи», единственной целью которого является установление шпионских контактов в ГДР. «Шпандауэр фольксблattt» — газета, отражающая западноберлинскую политику «фронтового города», — 30 марта 1958 года заявляла: «Право на

¹ «Нейес Дейчланд», 2 октября 1952 года.

² «Нейе цайтунг», 15 декабря 1953 года и «Тагесшпигель», 16 декабря 1953 года.

роспуск «Группы борьбы против бесчеловечности» принадлежит берлинскому сенату». Последний же объявил в ноябре 1958 года, что «нет никаких предпосылок для ее запрещения»¹.

При таких обстоятельствах никого не удивило то, что западноберлинский процесс закончился осуждением не системы, столь же бесчестной, как и применяемые ею методы, а лишь человека, который был настолько глуп, что применял эти методы не только против лагеря социализма.

Марионетка сидит в тюрьме. Инспиранты продолжают действовать. Стефан был одним из хищников в джунглях «холодной войны». Но джунгли продолжают существовать, а вместе с ними и хищники из восьмидесяти с лишним организаций секретной службы на земле Западного Берлина. Западный Берлин, который западные державы превозносят как «форпост свободного мира», является в действительности политическим болотом, в котором баражают партии и политические деятели, проповедующие «холодную войну». Его ядовитые испарения отравляют политическую атмосферу. Эта система морально осуждена, однако она еще функционирует. Один Стефан устранен — множество Стефанов осталось.

«Для статс-секретаря Тедика и начальника отдела культуры в его канцелярии фон Цана (брата Петера фон Цана, который пользуется решающим влиянием в области официальной информации, получаемой в Германии из Америки) тиллихи незаменимы. Ведь в конце концов это они поставляют «секретные протоколы» Центрального комитета СЕПГ, жертвой которых в недавнее время вновь оказалась западная печать. Возможно, что приятно выслужиться перед канцлером с помощью такой «информа-

¹ «Ди вельт», 17 ноября 1958 года. Даже официально декларированная здесь солидарность с уголовным миром не смогла сколько-нибудь продлить существование потерявшей в результате своих провалов в инсценировках против ГДР ценность для закулисных руководителей и внутренне разложившейся «Группы борьбы». К тому же ее возмутительные методы возбудили население Западного Берлина и Западной Германии против позорной деятельности этой террористической и шпионской организации. В результате вконец скомпрометировавшая себя «Группа борьбы против бесчеловечности» предпочла скромно объявить 11 марта 1959 года о своем самороспуске. Ее агенты были ангажированы другими западноберлинскими шпионскими центрами.

ции», однако, по-видимому, значительно меньше удовольствия доставляет мысль о том, что такие протоколы подделываются на берлинском «дне» конвейерным способом».

Что это — заявление на пресс-конференции в ГДР? Цитата из газеты «Нейес Дейчланд»? Нет, эти слова целиком взяты из сугубо антикоммунистической газеты «Шпандауэр фольксблатт» за 28 февраля 1958 года, которая называет и главного покровителя уголовного преступника Тиллиха: статс-секретаря в ведомстве Леммера Тедика, постоянно выступающего по американскому радио в качестве официального представителя боннского правительства с подстрекательскими обращениями к населению ГДР. Упомянутая западноберлинская газета, с которой он очень близок в идейном отношении, представила его в роли одного из генералов армии фальсификаторов. Более того, газета называет «верным союзником» Тедика статс-секретаря в ведомстве федерального канцлера пресловутого д-ра Глобке. На заседании бундестага 22 января 1959 года было вскрыто, что референт по вопросам печати при федеральном уполномоченном в Западном Берлине Врасман получал деньги для выплаты Стефану от статс-секретаря д-ра Глобке — этого «серого преосвященства» боннского правительства. Когда дело дошло до процесса над Стефаном, Глобке запретил Врасману давать на суде показания о том, откуда и из каких фондов выплачивались деньги Стефану¹. (Кстати, речь идет о том самом Глобке, который в 1935 году по поручению гитлеровского правительства написал официальный комментарий к пресловутым нюрнбергским расовым законам, а ныне возглавляет ведомство федерального канцлера.) Нужны ли здесь еще какие-нибудь слова? Весь мир перстом указывает на аденауэрское правительство, как на последнюю и самую высокую инстанцию банды фальсификаторов.

После «Группы борьбы против бесчеловечности» наиболее известной организацией, созданной для подрывной работы против ГДР, является так называемый «Следственный комитет свободных юристов», который получает самую широкую финансовую помощь от боннских

¹ «Дас парламент» (официальный еженедельник боннского «Федерального центра отечественной службы»), 28 января 1959 года.

властей и усиленно ими рекламируется. Маскируясь якобы чисто юридической деятельностью, этот «Следственный комитет» в действительности занимается по преимуществу сбором шпионских военных сведений, подготовкой покушений, подделками и распространением сообщений, направленных на обман общественного мнения. Власти Германской Демократической Республики то и дело нападали на след агентов этого печально известного «следственного органа», а газеты в подлинно свободном, то есть социалистическом, Берлине своевременно разоблачили основателя «Следственного комитета» как профессионального авантюриста, который в 1949 году по заданию американской секретной службы создал эту организацию и раскинул свою шпионскую сеть.

Он называл себя Тео Фриденау. В действительности его зовут Хорст Эрдман. Он носил академический титул доктора юридических наук. В действительности он не защищал диссертации ни в одном университете, в том числе и в Бреславльском (Вроцлавском), где он якобы получил учченую степень доктора.

Он называл себя адвокатом и нотариусом. В действительности он никогда и нигде не сдавал государственных экзаменов на право заниматься юридической практикой.

Он кричал о том, что является жертвой фашизма и расовых преследований. В действительности он не только не подвергался никаким неприятностям при нацистской диктатуре, но и был активным членом нацистской партии, входил в окружное руководство организации гитлеровской молодежи, был областным руководителем молодежи в фашистском «трудовом фронте» и еще в период с 1943 по 1945 год публиковал в газетах «Бреслауэр беобахтер» и «Шлезише тагесцайтунг» свои криклиевые речи и статьи, призывающие к стойкости в войне за интересы Гитлера и его банды.

Поистине символично то, что организацию фальсификаторов в течение почти десяти лет возглавлял субъект, собственоручно фабриковавший документы для иска жения картины своей собственной жизни, в которой все было фальшиво: и фамилия, и академическое звание, и должность, и «перзиль-документ»¹, удостоверявший его

¹ «Перзиль-документами» в Западной Германии называют справки о «безупречном прошлом», которые разными путями добывают

якобы безупречное политическое прошлое. С одинаковой изобретательностью подделывал он и персональные удостоверения и политические документы, с помощью которых он и его сообщники пытались задержать рост социализма.

Так выглядит сброд, с которым вынуждена бороться Германская Демократическая Республика. Чем темнее и загадочнее прошлое этих субъектов, тем охотнее пользуются их услугами в Бонне, Вашингтоне и Западном Берлине, тем выше они котируются и тем щедрее оплачивается их деятельность. Лишь после того как документы, подтверждающие многостороннюю мошенническую деятельность Фриденау, стали известны мировой общественности, его покровителям пришлось поневоле и очень неохотно смириться с падением этого полководца в «холодной войне» против социализма. С ним, конечно, больше ничего не случилось. А его организация бодро занимается дальнейшими фальсификациями, и ее «жуткие сказки» о положении в ГДР распространяются радиостанциями и газетами «свободного мира» на всех языках.

Методы, к которым прибегают авторы антисоветских и антисоциалистических фальшивок в наше время, во многом сходны с методами, применявшимися ими в период между двумя мировыми войнами. И все-таки имеются различия. Правительственные инстанции Веймарской республики зачастую знали о фальсификациях; они оказывали их инициаторам также некоторую поддержку и в тех случаях, когда скандал невозможно было замять полностью, использовали свою классовую юстицию таким образом, что преступники выходили сухими из воды. Подозрительный полумрак постоянно окутывал отношения между официальными инстанциями и антисоветскими преступными организациями.

После второй мировой войны положение изменилось. Правительства Вашингтона и Бонна признали и объявили преступление своим орудием борьбы. Они без стеснения заявляют о своей солидарности с преступниками и открыто поддерживают их деятельность. Аллен Даллес, брат американского государственного секретаря, выдвинувшего

для себя бывшие нацисты и военные преступники. («Перзиль» — популярный в Западной Германии стиральный порошок.) — Прим. ред.

теорию искусства постоянного балансирования на грани войны,— этот самый Аллен Даллес внедрил практику, им самим названную практикой маски и книжала. Людей, скрывающих свое лицо под маской, вооруженных кинжалами и еще более опасным оружием, собирают в одном месте — главным образом в Баварии,— где американские офицеры при поддержке администрации властей обучают будущих заговорщиков в учебных лагерях, прочно укрытых от глаз общественности. Потом их тайно — воздушным или другим путем — доставляют в страны социалистического лагеря. То же самое боннское правительство разрешает на территории Западной Германии и Западного Берлина деятельность многочисленных иностранных и немецких организаций («Группа борьбы против бесчеловечности» — только одна из них), которые знакомят завербованных агентов с техникой подготовки покушений, поджогов, отравлений, взрывов, изготовления фальшивок и после окончания курса обучения отправляют их в страны социализма, чтобы они применяли там знания, приобретенные в сфере власти германского империализма.

Второй по величине город Федеративной республики Мюнхен в качестве столицы фальсификаторов, поджигателей войны и отправителей общественного мнения стоит на втором месте после Бонна, но обгоняет в этом отношении Западный Берлин. Наряду с террористическими организациями чужеземных головорезов, которые тренируются в окрестных лагерях, здесь расположились финансируемые Америкой и благословленные боннским правительством организации, распространяющие свой тлеющий яд в эфире. Тысячи реакционных деятелей из Америки и западных зон Германии, а также контрреволюционные эмигранты из Советского Союза и стран народной демократии существуют только благодаря размещенным в Мюнхене студиям и передатчикам радиостанций «Свободная Европа», «Освобождение» и «Голос Америки».

Даже антисоциалистические круги западных государств забеспокоились, когда выяснилось, что в октябре—ноябре 1956 года радиостанция «Свободная Европа» передавала политические и военные директивы контрреволюционным путчистам в Венгрии. 2000 (две тысячи!) сотрудников этой радиостанции содержатся наиболее могущественными представителями американского финан-

сowego капитала через руководимую ими организацией «Крестовый поход за свободу». На многочисленных примерах официально доказано, что ежедневная программа упомянутых выше радиостанций заполнена сообщениями, которые представляют собой образцы дезинформации, фальсификации и указаний по организации террора. Никогда еще, если не считать периода гитлеризма, в мирное время на германской земле правительственные органы не оказывали такого покровительства политico-уголовным преступлениям, превратившимся в систему, какое оказывают им сейчас в Западной Германии и Западном Берлине.

Почему это происходит? Потому что после второй мировой войны социализм ускоренными темпами продолжает начатое в 1917 году победное шествие; потому что империализм отступает и все охотнее прибегает к гнусным методам, которые всегда были характерны для гибнущих классов.

Когда в 1852 году прусское королевское правительство с помощью штиберовских фальшивок посадило кельнских коммунистов на скамью подсудимых и затем заточило их в крепость, Карл Маркс, вспоминая о военной катастрофе, постигшей прусское государство в 1806 году на полях битвы под Йеной и Ауэрштедтом, писал:

«*Йена!*.. Вот последнее слово для правительства, которое нуждается в таких средствах для существования, и для общества, которое нуждается в таком правительстве для защиты»¹.

Те, кто в двадцатом столетии в своей борьбе против Советского Союза и рабочего движения в Германии объединился с отъявленными преступниками, кто сделал этот сброс опорой своей капиталистической системы, также пережили свою Йену. Под тяжестью борьбы с левыми силами рухнула Веймарская республика. Она оказалась беззащитной перед лицом превосходящих сил фашизма, который также пережил свою Йену, когда начал вооруженную борьбу против страны социализма.

Оттесненный в 1945 году за Эльбу и поставленный лицом к лицу с фактом существования социалистического государства на немецкой земле, германский империализм

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2-е, т. 8, стр. 491.

пытается еще раз повернуть вспять колесо истории. Он формирует западногерманские войска НАТО, целиком поставленные под командование высших гитлеровских офицеров, начинает Западную Германию атомным оружием, провозглашает устами своих министров старые империалистические грабительские лозунги, наводняет боннское министерство иностранных дел дипломатами Риббентропа, комплектует судебный аппарат своего режима сотнями гитлеровских судей, руки которых обагрены кровью бесчисленных казненных борцов Сопротивления, бросает на линию огня шпионов, поставляемых политическим и уголовным преступным миром.

Напрасные старания! Миллиарды долларов и марок были выброшены на ветер в попытках уничтожить страны социализма и вернуть империализму господствующее положение в мире. С этой целью готовились и велись войны, организовывались государственные перевороты, совершались убийства и нападения, пускались в ход бесчисленные фальшивки, изо дня в день распространялась ложь. А в результате сфера господства империализма, тем не менее, неудержимо сокращается, и грозное «мене -текел-фарес»¹, предвещающее его гибель, отчетливо вырисовывается на политическом горизонте.

Общество, обязательным побочным продуктом и политической опорой которого являются преступники с их гнусными методами, кончит так же, как и сами эти преступники. Социализм же, торжествуя, будет подниматься тем выше, чем глубже будет моральное падение его врагов. Порядочность одержит верх над бесстыдством, правда — над ложью и фальсификацией, моральная чистота — над грязными замыслами, бескорыстие — над эгоизмом, совесть — над преступлением, идея свободы народов — над угнетением, человечность — над моралью эксплуататоров, — социализм одержит победу над империализмом.

---

¹ Библейское выражение, символизирующее грозное предсечение, предвестие грозящей беды, катастрофы. — Прим. ред.

О Г Л А В Л Е Н И Е

О т И з д а т е л ь с т в а	5
П р е д и с л о в и е	7
О т к р и т и е	11
На п у т и к п л а н у Дауэса и Локарно	14
П о зиция п р а вя щих к л а с с о в Г е р м а н и и	24
Г е н р и Д е т е р д и н г появляется на сц ен е	47
Н е б л а г о р о д н ы й з а г о в о р Н о б е л я	59
И з Г а а г и в Л о н д о н	69
П о д д е л ы в а т е л и ч е р в о н ц е в и их и н с п и р а т о р ы	81
П р а в о с у д и е на с т о р о н е п r e s t u p n i k o v	99
Д е т е р д и н г и Г и т л е р	117
Ф а б р и к а н т д о к у м е н т о в , п оль з о в а в ш и й с я н е п р и к о с н о - в ен н о с т ю	129
М е л к ие н е г о д и я с б о л ьш ой п р о т е к ц и е й	148
М н о г о п р о в о к а й и м а л о р а з у м а	155
Г о рьк ие п л о ды к о а л и ц и о н н о й п о л и т и к и	172
П р и м ер З ю д е к у м а	181
«Они выполняют нашу работу»	187
И д е о л о г и чес к ие ф а льши в о мон ет ч и ки	204
З ащ итники Г е р м а н и и и С о в ет ск ого Союза	218
Ф аль с и ф ика ц ия — о ружие Б онна	239
«Протокол М»	243
Бундестаг, 22 с ен тя б ря 1949 г ода	246
З ап аднобер лин ский конвейер по производству ф альши в о к	254

Альберт Норден
ФАЛЬСИФИКАТОРЫ

Художник *В. Г. Петухов*
Художественный редактор *Б. И. Астафьев*
Технический редактор *Н. В. Зотова*

Сдано в производство 6/VII 1959.
Подписано к печати 14/XI 1959.
Бумага 84×108₃₂=4,3 б ум. л. 13,9 печ. л.
Уч.-изд. л. 14,4. Изд. № 7/5090.
Цена 6 р. 85 к. Зак. 337

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, Ново-Алексеевская, 52.

Набор и матрицы Московской типографии № 2
Отпечатано в типографии № 1 Госстройиздата, г. Владимир
Зак. 2702

О П Е Ч А Т К И

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
14	8 снизу	давившес	давившее на
42	7 сверху	армии	армий
65	17 снизу	проявившемся	проявившимся
74	4 снизу	Зондачи	зондаж
86	10 снизу	pubico	publico
111	18 сверху	предварительные	предварительное
140	12 снизу	некого	некоего
182	1 снизу	Reichskanzler	Reichskanzlei
193	6 снизу	СПДГ	СДПГ
207	20 сверху	АГ	АЭГ
214	3 снизу	Del	Die
218	11 сверху	стремившиеся	стремившийся
220	6 сверху	рейхерата	рейхсрата
224	8 снизу	демократов и	демократов

1938